

ISSN 2520-2553

АННАЛИ ЮРИДИЧНОЇ ІСТОРІЇ

Том 1. Номер 1, січень-березень 2017

ВИПУСК «ІСТОРІЯ ТА ГЕОГРАФІЯ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО
ПРАВА»

АННАЛИ ЮРИДИЧНОЇ ІСТОРІЇ – український періодичний науковий журнал, присвячений проблематиці всесвітньої та вітчизняної історії права. Видається щоквартально у формі тематичних випусків.

Засновники журналу: Міжнародний центр громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, Львівський медієвістичний клуб при Львівському національному університеті імені Івана Франка.

Головний редактор – В. М. МЕЛЬНИК

Редакційна колегія:

- О. А. Бакалець (Бар, Україна)
- О. О. Белов (Вінниця, Україна)
- А. Г. Бульвінський (Київ, Україна)
- О. В. Вербова (Гродно, Республіка Білорусь)
- О. Б. Келлер (Тюбінген, ФРН)
- Ф. М. Кирилюк (Київ, Україна)
- В. Б. Кіорсак (Львів, Україна)
- Н. М. Ковалко (Київ, Україна)
- А. В. Лебідь (Москва, РФ)
- І. М. Ліхтей (Ужгород, Україна)
- Ф. М. Медвідь (Київ, Україна)
- К. В. Мезенцев (Київ, Україна)
- В. П. Петрушенко (Вінниця, Україна)
- Я. Г. Рієр (Могильов, Республіка Білорусь)
- В. В. Сажина (Мінськ, Республіка Білорусь)
- С. О. Шаляпін (Архангельськ, РФ)

Журнал публікує наукові статті оглядового і проблемного характеру. До друку приймаються статті, що розкривають актуальні питання історії права, історичної та політичної географії права, історії юридичної філософії, історії політичної і правової думки. Опубліковані статті відображають авторську позицію. Позицію редакції висвітлює вступне слово головного редактора або члена редакційної колегії. Журнал особливо вітає на своїх сторінках дискусійні матеріали і приділяє велику увагу наповненню розділу рецензій.

ISSN 2520-2553

АННАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Том 1. Номер 1, январь-март 2017

ВЫПУСК «ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ПРАВА»

АННАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ – украинский периодический научный журнал, посвященный проблемам всемирной и отечественной истории права. Издается ежеквартально в формате тематических выпусков.

Учредители журнала: Международный центр гражданской политологии при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, Львовский медиевистический клуб при Львовском национальном университете имени Ивана Франко.

Главный редактор – В. М. МЕЛЬНИК

Редакционная коллегия:

- А. А. Бакалец (Бар, Украина)
- А. А. Белов (Винница, Украина)
- А. Г. Бульвинский (Киев, Украина)
- О. В. Вербова (Гродно, Республика Беларусь)
- О. Б. Келлер (Тюбинген, ФРГ)
- Ф. М. Кирилюк (Киев, Украина)
- В. Б. Киорсак (Львов, Украина)
- Н. Н. Ковалко (Киев, Украина)
- А. В. Лебедь (Москва, РФ)
- И. М. Лихтей (Ужгород, Украина)
- Ф. М. Медведь (Киев, Украина)
- К. В. Мезенцев (Киев, Украина)
- В. Ф. Петрушенко (Винница, Украина)
- Я. Г. Риер (Могилев, Республика Беларусь)
- В. В. Сажина (Минск, Республика Беларусь)
- С. О. Шаляпин (Архангельск, РФ)

Журнал публикует научные статьи обзорного и проблемного характера. К печати принимаются статьи, которые раскрывают актуальные вопросы истории права, исторической и политической географии права, истории юридической философии, истории политической и правовой мысли. Опубликованные статьи отображают позицию автора. Позицию редакции освещает вступительное слово главного редактора либо члена редакционной коллегии. Журнал особенно приветствует на своих страницах дискуссионные материалы и уделяет большое внимание наполнению отдела рецензий.

ISSN 2520-2553

THE ANNALS OF LEGAL HISTORY

Volume 1. No 1, January-March 2017

**ISSUE «THE HISTORY AND GEOGRAPHY OF THE
MEDIEVAL LAW»**

THE ANNALS OF LEGAL HISTORY – Ukrainian periodic scientific journal devoted to the problems of world and national history of law. Published quarterly in the format of the thematic issues.

Founders of the Journal: The International Centre for Civil Political Science of the Kyiv National University named after Taras Schevchenko, Lviv Medieval Club (at Lviv National University named after Ivan Franko).

EDITOR-IN-CHIEF – VIKTOR M. MELNYK

Editorial board:

Oleksiy A. Bakalets (Bar, Ukraine)

Oleksandr O. Belov (Vinnitsya, Ukraine)

Andriy G. Bulvinskyj (Kyiv, Ukraine)

Olga V. Verbova (Grodno, Belarus)

Olga B. Keller (Tubingen, Germany)

Fedir M. Kyryliuk (Kyiv, Ukraine)

Vladyslav B. Kiorsak (Lviv, Ukraine)

Natalia M. Kovalko (Kyiv, Ukraine)

Anna V. Lebid (Moscow, Russia)

Igor M. Lihtey (Uzhgorod, Ukraine)

Fedir M. Medvid (Kyiv, Ukraine)

Konstantyn V. Mezentsev (Kyiv, Ukraine)

Viktor P. Petrushenko (Vinnitsya, Ukraine)

Yakov G. Rier (Mogilev, Belarus)

Varvara V. Sazhina (Minsk, Belarus)

Sergey O. Shalyapin (Arkhangelsk, Russia)

The journal publishes research papers and reviews on the history of law problematic. Journal accept for publication articles which disclose topical issues of the history of law, history of legal philosophy, history of political and legal thought. Published articles reflect the author's position.

© All rights reserved, 2017

ЗМІСТ

ВІД РЕДАКЦІЙНОЇ КОЛЕГІЇ

<i>Келлер О. Б.</i> Поздравление с выходом в свет первого номера журнала	16
<i>Мельник В. М.</i> Первый номер и дальнейшие задачи нашего журнала	18

СТАТТІ

<i>Риер Я. Г.</i> Правовые различия средневековых европейских городов: истоки и региональные особенности	22
<i>Довнар Т. И.</i> Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского	30
<i>Шаляпин С. О.</i> «Феодальное право» или «Средневековое право»: к вопросу о терминологической определенности	38
<i>Сажина В. В.</i> Римское право: взгляды на рецепцию	43
<i>Кича М. В.</i> Средневековое право Османской империи	47
<i>Лебідь А. В.</i> Конституційні основи захисту прав інвалідів в Росії	51
<i>Мельник В. М.</i> Католическая Церковь и формирование средневекового Хорватского государства: анализ концепции И. Н. Смирнова в геополитическом измерении «Рим-Константинополь»	57
<i>Кіорсак В. Б.</i> Реконструкція звичаєвого права середньовічної Скандинавії за матеріалами ісландських саг: постановка проблеми	80
<i>Сасін В. О.</i> Політичні парадигми вчення Святого Августина: співвідношення «церква-держава» і проблема «панування-підкорення» в суспільстві	87
<i>Гіщинська І. Р.</i> Законотворча політика Юстиніана I: імператор як джерело права	93
<i>Мельник В. М.</i> Ярослав Дашкевич про Омеляна Пріцака: історіографічний етюд	101
<i>Иванова Т. И.</i> Английская Реформация в период правления Эдуарда VI	107

<i>Иванова Т. И.</i> Церковный суд в средневековой Англии	115
<i>Мельник В. М.</i> Традиції сарматської ідеології: між скіфством і шляхетським ідеалом громадянського суспільства	120

ЛЕКЦІЇ

<i>Verbova O. V.</i> State and Law in medieval England (Anglo-Saxon State and Society of the V-X centuries)	133
<i>Луптак М., Луптакова М.</i> Современный экономический кризис и формирование общества «нового феодализма»: несвоевременные заметки	147
<i>Петрушенко О. Ф.</i> Сарматський концептуалізм у картографії і літературі	154
<i>Мельник В. М.</i> Георг Людвіг Маурер (1790-1872) як історик права	160
<i>Петрушенко В. П., Мельник В. М.</i> Георг Вайц (1813-1886) – теоретик народної свободи	164

ПРАЦІ ВИДАТНИХ ВЧЕНИХ

К 88-летию ученого: <i>Мельник В. М.</i> Академик М.-А. Х. Асылбеков (1929-2015) и его работы	168
<i>Асылбеков М.-А. Х., Кудайбергенова А. И., Апендиев Т. А.</i> Социально-демографическое состояние Южного Казахстана в 1926-1930 годы	170

РЕЦЕНЗІЇ

<i>Мельник В. М.</i> Рецензия на репринтное издание работы И. Н. Смирнова «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне». – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 136 с. ISBN 978-5-397-05050-0.	192
<i>Мельник В. М.</i> Головна книга 2016 року з історії України. Відгук на збірник праць Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с. ISBN 978-966-441-402-6.	193

- Паньків А. М.* Армянские источники по истории украинской медицины в работах Ярослава Дашкевича. По поводу книги Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с. ISBN 978-966-441-402-6. **194**
- Мельник В. М.* Український переклад книги про Папу Римського. Рецензія на український переклад книги Саверіо Гаети «Франциск Папа: Життя і виклики». / пер. К. Зінченка. – Львів: Свічадо, 2013. – 104 с. ISBN 978-966-395-662-6. **197**
- Мельник В. М.* О политико-юридическом аспекте скифской проблемы. Рецензия на книгу В. Ю. Мурзина «Скифская проблема глазами автора». – Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014. – 120 с. ISBN 978-617-7122-20-2. **198**
- Мельник В. М.* Католицизм і Київська Русь. Рецензія-реактуалізація монографії Ю. Ю. Свідерського «Боротьба південно-західної Русі проти католицької експансії в X-XIII ст.». — Київ: Наукова думка, 1983. — 128 с. **201**
- Кирилюк Ф. М.* Рецензія на книгу О. Петрушенко та В. Мельника «Українці та українська мова в Словаччині» **202**

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

<i>Келлер О. Б.</i> Поздравление с выходом в свет первого номера журнала	16
<i>Мельник В. М.</i> Первый номер и дальнейшие задачи нашего журнала	18

СТАТЬИ

<i>Риер Я. Г.</i> Правовые различия средневековых европейских городов: истоки и региональные особенности	22
<i>Довнар Т. И.</i> Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского	30
<i>Шаляпин С. О.</i> «Феодальное право» или «Средневековое право»: к вопросу о терминологической определенности	38
<i>Сажина В. В.</i> Римское право: взгляды на рецепцию	43
<i>Кича М. В.</i> Средневековое право Османской империи	47
<i>Лебідь А. В.</i> Конституційні основи захисту прав інвалідів в Росії	51
<i>Мельник В. М.</i> Католическая Церковь и формирование средневекового Хорватского государства: анализ концепции И. Н. Смирнова в геополитическом измерении «Рим-Константинополь»	57
<i>Кіорсак В. Б.</i> Реконструкція звичаєвого права середньовічної Скандинавії за матеріалами ісландських саг: постановка проблеми	80
<i>Сасін В. О.</i> Політичні парадигми вчення Святого Августина: співвідношення «церква-держава» і проблема «панування-підкорення» в суспільстві	87
<i>Гіщинська І. Р.</i> Законотворча політика Юстиніана I: імператор як джерело права	93
<i>Мельник В. М.</i> Ярослав Дашкевич про Омеляна Пріцака: історіографічний етюд	101
<i>Иванова Т. И.</i> Английская Реформация в период правления Эдуарда VI	107

<i>Иванова Т. И.</i> Церковный суд в средневековой Англии	115
<i>Мельник В. М.</i> Традиції сарматської ідеології: між скіфством і шляхетським ідеалом громадянського суспільства	120

ЛЕКЦИИ

<i>Verbova O. V.</i> State and Law in medieval England (Anglo-Saxon State and Society of the V-X centuries)	133
<i>Луптак М., Луптакова М.</i> Современный экономический кризис и формирование общества «нового феодализма»: несвоевременные заметки	147
<i>Петрушенко О. Ф.</i> Сарматський концептуалізм у картографії і літературі	154
<i>Мельник В. М.</i> Георг Людвіг Маурер (1790-1872) як історик права	160
<i>Петрушенко В. П., Мельник В. М.</i> Георг Вайц (1813-1886) – теоретик народної свободи	164

ТРУДЫ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ

К 88-летию ученого: <i>Мельник В. М.</i> Академик М.-А. Х. Асылбеков (1929-2015) и его работы	168
<i>Асылбеков М.-А. Х., Кудайбергенова А. И., Апендиев Т. А.</i> Социально-демографическое состояние Южного Казахстана в 1926-1930 годы	170

РЕЦЕНЗИИ

<i>Мельник В. М.</i> Рецензия на репринтное издание работы И. Н. Смирнова «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне». – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 136 с. ISBN 978-5-397-05050-0.	192
<i>Мельник В. М.</i> Головна книга 2016 року з історії України. Відгук на збірник праць Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с. ISBN 978-966-441-402-6.	193

- Панькив А. М.* Армянские источники по истории украинской медицины в работах Ярослава Дашкевича. По поводу книги Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с. ISBN 978-966-441-402-6. **194**
- Мельник В. М.* Український переклад книги про Папу Римського. Рецензія на український переклад книги Саверіо Гаети «Франциск Папа: Життя і виклики». / пер. К. Зінченка. – Львів: Свічадо, 2013. – 104 с. ISBN 978-966-395-662-6. **197**
- Мельник В. М.* О политико-юридическом аспекте скифской проблемы. Рецензия на книгу В. Ю. Мурзина «Скифская проблема глазами автора». – Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014. – 120 с. ISBN 978-617-7122-20-2. **198**
- Мельник В. М.* Католицизм і Київська Русь. Рецензія-реактуалізація монографії Ю. Ю. Свідерського «Боротьба південно-західної Русі проти католицької експансії в X-XIII ст.». — Київ: Наукова думка, 1983. — 128 с. **201**
- Кирилюк Ф. М.* Рецензія на книгу О. Петрушенко та В. Мельника «Українці та українська мова в Словаччині» **202**

CONTENT

<i>O. B. Keller.</i> Congratulations on the Release of the First Issue	16
<i>V. M. Melnyk.</i> The First Number and the Further Tasks of the Magazine	18

ARTICLES

<i>Ya. G. Rier.</i> Legal Differences of the Medieval Cities in Europe: Sources and Regional Characteristics	22
<i>T. I. Dovnar.</i> The Value and Location of the Statute (1566) in the Legal Development of the Grand Duchy of Lithuania	30
<i>S. O. Shalyapin.</i> «Feudal Law» or «Medieval Law»: the Question of Terminology	38
<i>V. V. Sazhina.</i> Roman Law: Scientific Views on the Reception	43
<i>M. V. Kicha.</i> Medieval Law of the Ottoman Empire	47
<i>A.V. Lebed.</i> Constitutional Basis of Protection of Rights of the Disabled in Russia	51
<i>V. M. Melnyk.</i> The Catholic Church and the Formation of the Medieval Croatian State: Analysis of Ivan Smirnov Concept in Geopolitical Context «Rome-Constantinople»	57
<i>V. B. Kiorsak.</i> Reconstruction of the Customary Law of Medieval Scandinavia based on the Icelandic Sagas: Introduction to the Problem	80
<i>V. O. Sasin.</i> Political Paradigms of St. Augustine's Doctrine: the Correlation of the Theory «Church-State» and the Problem of «Domination-Conquest» in Society	87
<i>I.R. Gishchynska.</i> Legislative Policy of Justinian the Great: the Emperor as a Source of Law	93
<i>V. M. Melnyk.</i> Jaroslav Dashkevich about Omelyan Pritsak: Historiographical Study	101
<i>T. I. Ivanova.</i> The English Reformation during the Reign of Edward VI	107

<i>T. I. Ivanova.</i> Ecclesiastical Court in Medieval England	115
<i>V. M. Melnyk.</i> Traditions of the Sarmatian Ideology: between Scythianism and Gentry Idea of Civil Society	120

LECTURES

<i>O. V. Verbova.</i> State and Law in medieval England (Anglo-Saxon State and Society of the V-X centuries)	133
<i>M. Luptak, M. Luptakova.</i> The Current Economic Crisis and the Formation of a Society of «New Feudalism»: Untimely Notes	147
<i>O. F. Petrushenko.</i> Sarmatian Conceptualism in Cartography and Literature	154
<i>V. M. Melnyk.</i> Georg Ludwig von Maurer (1790-1872) as a Historian of Law	160
<i>V. M. Melnyk.</i> Georg Waitz (1813-1886) – a Theoretician of People's Freedom	164

ARTICLES OF NOTABLE SCIENTISTS

By the 88 the anniversary of the scientist: Melnyk V. M. Academician M.-A. H. Asylbekov (1929-2015) and his work	168
<i>M-A. Kh. Asylbekov, A. I. Kudaibergenova, T. A. Apendiev.</i> Population of Kazakhstan between All-Union Censuses in 1926 and 1939	170

REVIEWS

<i>V. M. Melnyk.</i> Review of the Reprint Work of Ivan Smirnov «Essay on the history of the Croatian State before its subordination Hungary». – Moscow: Book House «LIBROKOM», 2016. – 136 p. ISBN 978-5-397-05050-0.	192
<i>V. M. Melnyk.</i> The Main Book in 2016 on the History of Ukraine. Feedback on Collection of Works of Dashkevich R. Ya «Persons: Essays on figures of history, politics, culture». – 3rd ed. - Lviv: Literary agency «Pyramid», 2016. – 924 p. ISBN 978-966-441-402-6.	193

- A.M. Pankiv.* Armenian Sources on the History of Ukrainian Medicine in the Works of Yaroslav Dashkevich. Feedback on Collection of Works of Dashkevich R. Ya «Persons: Essays on figures of history, politics, culture». – 3rd ed. - Lviv: Literary agency «Pyramid», 2016. - 924 p. ISBN 978-966-441-402-6. **194**
- V. M. Melnyk.* Ukrainian translation of the book about the pope. Review of the Ukrainian Translation of Saverio Gaeta «Pope Francis: The Life and challenges». – Lviv: Svichado, 2013. – 104 p. ISBN 978-966-395-662-6. **197**
- V. M. Melnyk.* On the Political and Legal Aspects of the Scythian Problem. Book Review: V. Yu. Murzin «Scythian problem eyes of the author». – Kiev: FOP «Vidavets Oleg Filyuk», 2014. – 120 p. ISBN 978-617-7122-20-2. **198**
- V. M. Melnyk.* Catholic Church and Kievan Rus. About one monograph: Yu Swiderski «Fighting of Southwestern Rus against the Catholic Expansion in the X-XIII ct». – Kyiv: Naukova Dumka, 1983. – 128 p. **201**
- F. M. Kyryliuk.* Review of the Book «The Ukrainians and the Ukrainian Language in the Slovak Republic» (2016) written by Olena Petrusenko and Viktor Melnyk. **202**

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ВЫХОДОМ В СВЕТ ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА

Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги и друзья!

Позвольте от всего сердца поздравить Вас, а также всех нас с выходом в свет первого номера нового журнала «**Анналы юридической истории**» и пожелать данному журналу долгих лет существования.

Мне особенно приятно сделать это по причине того, что вот уже свыше 20 лет я работаю вместе с историками права, исследуя трансферт средневекового немецкого права на земли Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в периоды Средневековья и Раннего Нового времени.

Ведь, вне всякого сомнения, рассмотрение сферы распространения средневекового немецкого права на землях, расположенных к востоку от Германии, в том числе и на украинских землях ВКЛ и Речи Посполитой, имеет большое значение. Попробую объяснить почему...

Актуальность вышеозначенной темы обусловлена современными социально-политическими и правовыми процессами в объединённой Европе, которые невозможно анализировать, не учитывая историческую ретроспективу. История Германии и её соседей тесно связана цивилизационными узами. Помимо политического «натиска на восток», инициированного королями и императорами из династии Оттонов в X в., в более поздний период можно констатировать и трансферт немецкой культуры в восточном направлении, важным элементом которого являлось продвижение немецкой правовой системы.

В 2004 г. членами Европейского Союза становится ряд стран Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Эстония, Литва, Латвия, Словения. Спустя три года к ним добавились Болгария и Румыния. Согласно статье 49 «Договора об Европейском Союзе», следует учитывать критерии соответствия национальных правовых порядков всех стран, вступивших в Европейское Сообщество, единому стандарту Европейского Союза. Так как речь идёт об исторически сложившихся правовых системах, то изучение источников и генезиса этих систем представляется достаточно важным и актуальным. Ведь на право большинства указанных стран (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и др.) в периоды Средневековья и Раннего Нового времени оказало прямое или косвенное влияние именно право средневековой Германии. Кроме того, средневековое немецкое право было трансферировано и на земли стран Центральной и Восточной Европы, не входящих в Европейский Союз (Беларусь, Украина, отдельные регионы современной России).

Одно лишь Магдебургское городское право – достояние общего европейского наследия, которое объединяет большую часть современных государств старого континента. Этот феномен, уникальный с точки зрения своего территориального масштаба, долговечности и разнообразного содержания, считается важным фактором, который позволил сформироваться гражданскому самосознанию и

самоуправлению в европейских городах, а также сформировал их историческую самобытность. Сюда же следует добавить, что не только элементы Магдебургского, но и других видов немецкого городского права (а именно, Любекского, Нюрнбергского и т.д.), базирующиеся на наиболее передовых теоретических разработках и принципах того времени и европейском опыте городского самоуправления, способствовали формированию единого правового пространства на землях Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

Однако, понятно, что новоиспеченный журнал будет заниматься не только рецепцией немецкого права, но и римского права, а также иными аспектами правовой истории.

Хотелось бы надеяться, что именно «**Анналы юридической истории**» будут давать нам недостающую информацию и помогать разобраться в различных вопросах, связанных с изучением истории права, содержать статьи исследователей и специалистов из самых разных стран мира.

Ещё раз с самыми наилучшими и искренними пожеланиями в связи с выходом в свет первого украинского периодического издания по истории права

Всегда Ваша

доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков
Тюбингенского университета имени Эберхарда Карла (Германия)

Келлер О. Б.

ПЕРВЫЙ НОМЕР И ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Уважаемые читатели! Уважаемые друзья! Уважаемые историки, юристы, ученые-гуманитарии! Позвольте представить Вашему вниманию первый номер украинского научного журнала «Анналы юридической истории»!

Идея создания нашего журнала появилась давно. Полноценная реализация идеи стала возможной лишь сейчас. И в этом мы получили полнейшее содействие двух украинских научно-исследовательских структур – Международного центра гражданской политологии при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко (МЦГП) и Львовского медиевистического клуба при Львовском национальном университете имени Ивана Франко (ЛМК). Тематика журнала является полностью созвучной исследовательской работе обоих указанных центров. Если перед МЦГП стоит задача объяснить суть понятия «гражданское общество» как политический феномен (в том числе в историко-правовом измерении), то ЛМК предлагает площадку для организации дискуссии в рамках проблематики «право-феодализм-средние века». Мне, как главному редактору и автору концепции журнала, тем более приятно говорить о сотрудничестве с львовянами, поскольку именно Львовский медиевистический клуб активно поддержал и рекомендовал к печати мою монографию о международно-правовом статусе Ватикана.

Также я подчеркну, что в рамках ЛМК была создана специальная Комиссия по изучению истории средневекового права. Изначально планировалось издавать труды Комиссии с упором на медиевистику. Так был задуман научный сборник «История и география средневекового права». Однако в процессе работы над сборником стало ясно, что есть очень много авторов, которые заинтересованы в создании первого полноценного украинского историко-юридического издания. Именно в процессе сотрудничества с ними и была поднята на поверхность старая идея о создании журнала.

Концепция журнала состоит в издании тематических выпусков на периодической основе. Мы планируем издавать разноплановые номера четыре раза в год. К примеру, первый наш выпуск носит название «История и география средневекового права». Планируется издание выпусков по истории магдебургского права, истории соотношения религии и права, города и права, культуры и права. «Анналы юридической истории» задуманы и осуществляются как междисциплинарный журнал. Мы будем работать над исследованиями в области истории права, истории дипломатии, политологии, юридической и политической философии, социокультурной антропологии, этнологии, психологии, филологии и литературоведения. О такой междисциплинарной направленности может свидетельствовать содержание нашего первого номера и состав нашей уважаемой редакционной коллегии.

Особую гордость редколлегии составляет многоуважаемая г-жа Келлер О. Б. – доктор исторических наук, автор фундаментальных работ по истории

распространения немецкого городского права, доцент Тюбингенского университета имени Эберхарда Карла. Возможность начать сотрудничество с доктором Келлер мне предоставил не менее почтенный историк – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского государственного университета Я. Г. Риер, который любезно согласился на участие в редакционной коллегии и в дальнейшем процессе рецензирования статей.

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, академик Украинской академии политических наук Ф. М. Кирилюк вошел в состав как генеральный директор МЦГП и будет заниматься проблематикой историко-правового осмысления гражданского общества. Мы возлагаем надежды и на сотрудничество с такими замечательными учеными, знатоками своего дела, как Н. Н. Ковалко, И. М. Лихтей, А. Г. Бульвинский, О. В. Вербова, В. В. Сажина, А. А. Бакалец, А. В. Лебедь. К примеру, многоуважаемая кандидат юридических наук, доцент Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Н. Н. Ковалко неоднократно выступала рецензентом моих работ и давала невероятно ценные замечания. Уверен, что ее советы будут помогать журналу в целом и отдельным авторам в частности.

Для меня очень приятным стало также заочное (пока что) знакомство с еще одним членом редакционной коллегии – кандидатом исторических наук, доцентом Северного (Арктического) федерального университета имени Михаила Ломоносова С. О. Шаляпиным. Энергия, советы и научное значение деятельности этого человека во многих аспектах повлияли на концепцию «Анналов».

Истинно междисциплинарный характер имеет участие в редколлегии доктора географических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической и социальной географии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, главы Киевского отдела Украинского географического общества, автора многих основополагающих работ по общественной географии – К. В. Мезенцева. Я ему выражаю искреннюю благодарность за институциональное сотрудничество с Украинским географическим обществом, членом которого и сам являюсь.

Кандидат медицинских наук (по специальности «медицинская психология»), талантливый психиатр и психолог А. А. Белов из Винницкого национального медицинского университета будет работать «по линии» психологической истории права, в частности, права средневекового. Отмечу, что в ряде его книг сделаны весьма интересные акценты по поводу психологического состояния средневекового общества и средневекового индивида.

Профессор Ф. М. Медведь, как член нашей редакционной коллегии, также представляет собой пример ученого, занимающегося междисциплинарным осмыслением правовой истории. Он является специалистом одновременно в истории, философии, политологии и юриспруденции. Отмечу, что считаю особым достижением наличие в нашей редакционной коллегии настоящих юристов,

которые объединяют в своей деятельности теорию и практику.

Неоценимую помощь в организации и издании журнала оказал член редакционной коллегии, ученый секретарь Комиссии по изучению средневекового права В. Ф. Петрушенко.

Итак, каждый выпуск журнала будет посвящен определенной междисциплинарной проблеме. Вместе с этим главный редактор и редакционная коллегия оставляют за собой право публиковать статьи, которые не относятся к проблематике выпуска, но представляют собой интересное дополнение к теме журнала. С этой целью нами была учреждена особая структура издания. Созданы рубрики: «От редакционной коллегии», «Статьи», «Лекции», «Труды выдающихся ученых», «Рецензии». Главные материалы выпуска будут, конечно же, представлены в первых трех рубриках. Что касается «Трудов выдающихся ученых», то здесь могут публиковаться работы академиков государственных академий наук, статьи видных историков права из нашего прошлого.

«Анналы юридической истории» – журнал междисциплинарный и политематический. Именно с этих позиций мы и понимаем юридическую историю. Мы ее определяем как юридическую науку, главная задача которой – анализ закономерностей и отдельных частных в контексте эволюции государства и государственности. Именно поэтому юридическая история имеет важное историческое, правовое, политологическое, антропологическое, философское, психологическое и даже географическое значения.

Междисциплинарность научного мышления означает обширность. Юридическая история должна превратиться в обширную науку. Она не может пребывать в застое. Как и любой гуманитарной дисциплине, ей необходим «свежий глоток воздуха». Именно такую роль должны сыграть исследования «на грани»: на грани права и истории, политологии и географии, религиоведения и международных отношений, филологии и философии, медицины и этнической психологии. Использование такого подхода – основной элемент нашей редакционной политики.

Вместе с этим не стоит забывать об аполитичности «Анналов юридической истории». Журнал открыт для научных, теоретико-методологических дискуссий, терминологических прений и литературно-критических обсуждений. Но политическая риторика ни в коем случае не будет приветствоваться на наших страницах.

Идеология для нас также важна исключительно в научном контексте. Например, мы с удовольствием опубликуем материалы, посвященные политико-антропологическому анализу идеологий. Но статьи с субъективно-идеологическим (грубо говоря, с партийным) подходом печататься не будут. Каждый автор обязан соблюдать те этические нормы, которые отличают порядочного человека.

Журнал будет отвергать любые тезисы, направленные на разжигание межнациональной розни и оскорбляющие кого бы то ни было. Это правило касается также написания рецензий. Ни в коем случае нельзя оскорблять лично

автора некоего научного труда, даже если сей труд, по мнению рецензента, мягко говоря, не является научным. Критика должна быть этичной.

Мы ждем новые статьи и новые идеи. Мы рассчитываем на научную, информационную, моральную поддержку всех заинтересованных лиц. Мы готовы сотрудничать со всеми, для кого наука не превратилась в некую абстрактную имитацию. В этом сотрудничестве, в уважительном отношении к авторам, их текстам, взглядам мы будем создавать подлинно научное издание. Именно поэтому мы ждем и надеемся на поддержку авторов и, конечно же, читателей!

С уважением
главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории»
Мельник В. М.

**СТАТТІ
СТАТЬИ
ARTICLES**

**ПРАВОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДОВ:
ИСТОКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Я. Г. РИЕР (Могилев, Республика Беларусь)¹

В средневековой Европе сложилось несколько цивилизаций: западноевропейская, византийская, восточноевропейская и центральноевропейская. Последняя в процессе своего развития в культурном и социальном плане постепенно сближалась с западной, но, в силу более позднего «старта», влилась в нее лишь в наше время. Из восточноевропейской с созданием ВКЛ выделилась западная часть (Поднепровье), в развитом средневековье воспринявшая некоторые западные черты. На остальной территории Восточной Европы сложилась российская цивилизация. Специфические черты указанных цивилизаций во многом определялись формами городского права.

Возникновение городов в средневековой Европе, как известно, было тесно связано с отделением ремесла от сельского хозяйства и стимулировалось процессом закрепощения крестьян, который начался в Западной Европе с VIII-IX вв. Там же, где он происходил позднее, выделение ремесленников также задерживалось. Только в Северной Италии возрождение городов было связано не с крепостничеством, а с ранним, с VIII в., восстановлением средиземноморской торговли. Города здесь возникали или восстанавливались на местах старых римских поселений. В XI-XIII вв. к северу от Средиземноморья возникло большинство существующих и поныне городов. В Скандинавии, Центральной и Восточной Европе, где процессы феодализации развивались в замедленном ритме, и большинство крестьян оставались свободными, ремесленники обычно не порывали с аграрной средой. Там первые города создавались купечеством, связанным с внешней торговлей или властью в фискальных целях.

Накопление производственного и торгового потенциала в городах способствовало развитию товарно-денежных, рыночных отношений. У городского населения существенно менялись стереотипы поведения. Работа воспринимается

¹Риер Яков Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. Специалист по истории мировых и европейских цивилизаций в древности и средневековье, исследователь средневековой аграрной археологии. E-mail: rier47@tut.by.

уже не божьим наказанием за грехи, она уже считалась полезной, необходимой для жизни. Постепенно главным для горожанина становится не поиск покровителя (что типично для феодального менталитета), а занятие предпринимательством.

Сочетание германских и античных представлений создало в Западной Европе специфическую смесь корпоративности и сословной замкнутости с представлениями об индивидуальных правах и частной собственности. Отсюда – бурное развитие экономически самостоятельных городов. Если в прежние времена Европа делилась на античный Юг и варварский Север, урбанизация изменила облик западной части континента и разделила его на Запад и Восток [4, с. 25].

Конечно, процессы укрепления городов и становления новых ценностей в них происходили медленно, так как сдерживались общими феодальными политическими порядками. Были и существенные локальные различия [См.: 5-6]. Но не будет преувеличением отметить, что, в конечном счете, средневековый город отделил Западную Европу от остального мира. Именно в городах, основанных на самоуправлении с разработанными процедурами избрания должностных лиц и их отчетности, формировались элементы гражданского общества с особыми правовыми нормами.

Именно в Западной Европе, благодаря городским свободам и традиционному невмешательству государственной власти в экономические процессы, сложился свободный рынок собственников. Но капитализм – это не только рынок. Необходимо, чтобы рынок был свободным для всех, не монополизирован властями (как на Востоке) или немногими элитами. Нужна конкуренция массы собственников, что и было подготовлено западноевропейским средневековым развитием. Только в Западной Европе собственники сумели отстаивать свои права друг перед другом и перед господствующими слоями. И, соответственно, только в Западной Европе сформировалась развитая и многообразная система городского самоуправления.

В основе этой системы – германская община-марка, в которой сложилась система индивидуального землевладения – аллоды. Они возникли благодаря сочетанию особых природно-географических и исторических факторов. Мелкоконтурные угодья Южной Скандинавии – прародины германцев – породили обособленные семейные владения – одали. По мере расселения германцев по Западной Европе их представления об индивидуальных крестьянских хозяйствах подкреплялись, как возможностями одной семьей обеспечивать свои потребности в условиях мягкого атлантического климата, так и восприятием античных представлений о частных правах. Что и воплотилось в известных нормах Салической Правды – судебнике франков: в статьях о защите огороженного места, о правах выбираемых должностных лиц (рахинбургах) и, особенно, в титуле об аллодах.

В последствии, создавая городские поселения, выходившие из сельского мира ремесленники и купцы при организации своей новой жизни руководствовались вынесенными из общин формами: при гарантированной индивидуальной

собственности коллегиальное решение возникавших проблем на основе равных прав общинников. Так возникали формы городского права. В отношениях с внешним миром, с феодалами, на чьих землях эти города возникали, складывались договорные отношения, напоминавшие вассально-ленные, но, с учетом городской специфики, с упором не на службу, а на платежи. Постепенно, по мере накопления опыта, феодалы, заинтересованные в поступлении налогов от городов, пришли к раздаче «своим» городам особых прав и привилегий, напоминавших иммунитетные грамоты. Так между городами и феодальным сословием, в том числе и монархами, также возникали договорно-правовые отношения, в том числе и с гарантиями особого статуса полноправных горожан.

В Византии города, уже со времен античности богатые и развитые, населенные высококвалифицированными мастерами и опытными торговцами, мало чем напоминали западноевропейские. Из-за сильной центральной власти в этих городах не сложилось внутреннего самоуправления. Города управлялись уполномоченными представителями центра и не имели автономии. Это выражалось даже в отсутствии, в некоторых случаях, особых городских укреплений, что поразило западных рыцарей в Первом крестовом ходе. Не сложилось и особых прав городского сословия.

Скорее византийские города были едва ли не копией восточных, где государственная регламентация сковывала инициативу торгово-ремесленных корпораций. Это, кстати, ослабило византийские города перед конкуренцией с торговыми республиками Европы, прежде всего, с Венецией или Генуей. С конца XII века в ходе этой конкуренции экономическое преимущество западноевропейских городов, в которых все более энергично развивалась частная собственность с неконтролируемыми феодальными властями рыночной экономикой, становится более очевидной. Именно с этого времени пути Западной Европы и Византии расходятся окончательно. Императорская власть в Византии сумела не допустить и городского самоуправления, напрямую управляя городской экономикой через массу чиновников, что вело к огромному росту расходов казны и, как следствие, к увеличению налогов. Налоговое бремя здесь значительно превышало фискальные сборы с западноевропейских горожан и подрывало конкурентоспособность византийских товаров даже на внутреннем рынке. В результате городское население беднело, и города не стали двигателями общественного прогресса.

Социально-политические процессы в Центральной Европе, характеризуемой более прочными общинными традициями и отсутствием античного влияния, развивались медленнее, чем на западе континента. Известная сплоченность славянской общины была обусловлена, прежде всего, природными условиями – более континентальным, чем на западе климатом. И отсюда – более продолжительными и суровыми зимами, что существенно сокращало время полевых работ и требовало коллективных усилий, ибо отдельные семьи не успевали бы себя обеспечивать на долгие зимние месяцы. Община в Польше и

Чехии стала слабеть лишь с проникновением западных порядков через, прежде всего, феодалов, быстрее воспринимавших западный сеньориальный уклад. Началось это с появления иммунитетов в XI в. И только в XII-XIV вв. здесь происходило массовое создание феодального землевладения через оседание на землю дворян – шляхты с постепенным ограничением крестьянских прав, которое завершилось их юридическим закрепощением только в XVI в., когда в большинстве регионов Западной Европы личная зависимость крестьян уже исчезла.

Медленное социальное развитие деревни притормозило и развитие городов. Оставаясь лично свободными, средневековые сельские ремесленники в государствах Центральной Европы не стремились отрываться от земли. Население городов росло медленно. Власти, заинтересованные в развитии городов из фискальных соображений, поощряли колонизацию городов из более урбанизированного запада, прежде всего из соседних немецких земель. Интенсивнее города здесь стали развиваться с XIII-XIV вв., когда к ним с запада пришли нормы городского, прежде всего немецкие городские юридические нормы [3].

Наиболее распространенным оказалось магдебургское право. Согласно ему монарх сохранял только верховную власть, а все внутреннее управление (судебное, административное, финансовое) переходило к свободной городской общине во главе с выборным руководителем. Устанавливались также временные льготы на налоги с домов и дворов горожан, лавок на рынке. Несмотря на то, что такая колонизация создавала значительную немецкую прослойку среди горожан, современные польские историки считают, что она сыграла положительную роль в урбанизации польского общества и переносе в него западных городских порядков [18, s.105]. Ведь, как отмечалось, в условиях тогда еще неполного порабощения польские сельские ремесленники в города особо не стремились. Тем более что в дальнейшем, при укреплении польской государственности, немецкая колонизация здесь не достигла такого уровня, как в соседней Чехии, где, в условиях нахождения королевства в составе Священной Римской империи, она способствовала развитию национальных конфликтов вплоть до гуситских войн.

Специфически протекало развитие городов в Восточной Европе. Здесь, прежде всего, следует выделить западную часть региона, где вдоль пути «Из Варяг в Греки» с IX-X вв. происходило формирование Древней Руси.

На северном отрезке пути среди слабо заселенных земель первоначальные дружинные укрепления выросли в такие многофункциональные центры, как Новгород и Псков. Здесь их корпоративные владельцы – дружинники, овладев окрестными территориями, превратились в бояр с городскими владениями. В этих городах сложилось управление, сочетавшее общинную и дружинную демократию в виде веча с боярской олигархией. Князей сюда приглашали в качестве военных командиров, как в Новгороде, или для тех же целей использовали местную династию, как в Пскове.

В российской литературе эти города часто рассматриваются как аналоги

североитальянских городов-государств. Например, многолетний исследователь Новгорода, академик В.Л.Янин, на основании сведений о том, что богатство венецианских купцов, с которыми нередко сравнивают новгородскую знать, опиралось не только на торговлю, но и на земельные владения (латифундии) в Леванте, высказал мнение о возможности сопоставлять олигархов из обоих городов [17]. Представляется, ученый упустил из виду существенную деталь: венецианские олигархи выросли именно из торговой элиты – пополанов (потомственных горожан, ремесленников, купцов, банкиров); новгородские же «политические близнецы» (потому как тоже олигархи) происходили из дружинной знати, для которых торговля была не основой жизни, а лишь дополнительным средством обогащения.

Ментальность и, отсюда поведение у торговцев и воинов – не только разные, но и противоположные: для воина, тем более знатного, целью является власть и владение, для купца – прибыль и выгода. Вспомним дворянское презрение к «торгашам». Наконец, известно, что дворянское (феодальное) правление и на Западе привело, в итоге, к упадку и было сменено именно буржуазией, в том числе и теми же «торгашами», создавшими более прогрессивную систему – капитализм, обеспечивший ускоренное, а, в итоге, более равномерное социальное развитие для широких масс.

Так что города Северо-Западной Руси, самые демократичные в Восточной Европе, существенно отличались от западноевропейских в социально-политическом плане. В них правили не собственно, горожане, а землевладельцы, боярские олигархи, которые жили в городе. Они участвовали во внешней торговле, но продавали, прежде всего, не городскую ремесленную продукцию, а сырье из своих сельских (феодальных) владений.

Южнее, в Приднепровских землях, города, как выросли из дружинных резиденций-крепостей, так и оставались княжескими военно-административными центрами, в которых, лишь в силу хозяйственной необходимости, группировались и чисто городские слои – купцы и ремесленники. И, в отличие Новгорода и Пскова, здесь князья оставались правителями, а вече, если и сохранялось, имело весьма ограниченные функции (естественно, временами, особенно при отсутствии князя, его роль временно могла усиливаться).

Города здесь, в отличие от западноевропейских, были не автономны от сельских округ, а, наоборот, встроены в них как административные центры земель (княжеств). И управлялись, как и на Востоке, в Азии, властями в интересах господствующего феодального сословия. Так произошло потому, что на Руси не сложились традиции частного (на обычном и феодальном праве) землевладения. Изначально сказывалась прочная славянская община. А удаленность от античного мира затруднила и проникновение частнособственнических норм. Последующие связи с Византией усилили представления о правах правителей на все земельные ресурсы, а собственность рассматривалась как вид долгосрочной аренды, на которую князь имеет верховную власть.

В итоге выделялись только крупные вотчины, административными центрами которых и становились княжеские города. В результате не сформировалось и специфическое городское сословие с особым юридическим статусом. Даже цехи, как обособленные корпорации ремесленников, на Руси не сложились, несмотря на то, что по наблюдениям археологов, ремесленники одних профессий обычно селились (по крайней мере, в крупных городах) по соседству друг с другом. Но особых ремесленных прав и уставов неизвестно. Города остались, еще раз подчеркну, в полном административном подчинении феодалов. Это, как и в Византии, помешало формированию городского самоуправления со всеми юридическими, социальными и политическими последствиями для развития Восточной Европы.

С созданием Великого княжества Литовского, которое, в силу, прежде всего, внешних обстоятельств – немецкой экспансии – сблизилась с Польшей, на его территорию стали проникать преобразованные в Центральной Европе элементы западной цивилизации, в том числе и соответствующие юридические нормы. Начался процесс эволюции Приднепровской Руси к индивидуализму, частной собственности и римскому праву. Это относится и к аграрному строю, и к городам [1; 2; 7, с. 263; 9, с.32; 11, с.69-75]. Последние воспринимали западноевропейские нормы внутреннего самоуправления и юридического статуса горожан (магдебургское право) и стали, как выразился швейцарский славист Карстен Гёрке, как бы переходными между Западной и Восточной Европой [12]. Это способствовало противостоянию с Московией и еще более усиливало западную ориентацию ВКЛ.

В Московской Руси города остались под административным контролем феодальных властей. Как и в Византии, тут не сложилось и бюргерского сословия. В городах жили окрестные феодалы, а сами города не отделялись от аграрного мира, были центрами сбора ренты, как и на классическом Востоке. Поэтому усиление, в дальнейшем, центральной власти в Московской Руси не было подкреплено экономическим усилением городов, как на Западе, что способствовало общему замедлению развития [10, с. 91; 13; 14]. В таких условиях характер и стиль поведения купечества формировались в России в обстановке, далекой от духа свободного предпринимательства [8, с. 141]. Более того, когда в Западной Европе уже со времени Реформации динамичная культура города освободилась от подчинения аграрному миру, в России городская среда осталась второстепенной, маргинальной [16, с. 81]. Города Западной Европы – это центры ее модернизации. Если центром западно- и центральноевропейского города была ратуша (то же с XV века наблюдалось и в городах ВКЛ), то города на Руси – оставались резиденциями князя, а позже – чиновника, представляющего центральную власть. Разумеется, нечто подобное бывало и в Западной Европе, но там городское самоуправление находилось в равноправном диалоге-противостоянии с другими властными структурами [15, с. 214, 226].

Таким образом, городское самоуправление, ставшее одним из феноменов

средневековой Западной Европы, с одной стороны, отразило специфику ее правовой системы, которая опиралась на признание индивидуальных прав и собственности, с другой – способствовало ее динамичному развитию – формированию капиталистической системы хозяйствования и социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардах Ю. Зачараваны Вялікім Княствам. / Ю.Бардах. // Беларускі гістарычны агляд. – 1995. – Т.2. Сш.1. – с. 41-48.
2. Бэ́тс Рэ́джынальд Р. Канстытуцыйны працэс і палітычная думка ва Усходняй Еўропе. / Рэ́джынальд Р. Бэ́тс. // Беларускі гістарычны агляд. – 1999. – Т. 6. Сш. 1-2. – с. 152-173.
3. Галямичев А. Н. Город и городское право в средневековой Чехии. / А.Н.Галямичев. // Право в средневековом мире. – М., 1996. – с. 22-30.
4. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 1. – М., 1999.
5. Гутнова Е. В. Город, бюргерство и феодальная монархия. / Е.В.Гутнова. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4. – с. 8-29.
6. Гутнова Е. В. Города и сословные собрания. / Е. В.Гутнова. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4. – с. 29-45.
7. Насевіч В., Свяжынскі У. Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка. / В.Насевіч, У.Свяжынскі. // Беларускі гістарычны агляд. – 1999. – Т.6. Сш.1-2. – с. 261-272.
8. Перхавко В.Б. Выводы и своды купцов феодальной России. / В.Б.Перхавко. // Купечество в России. XV – первая половина XIX в. – М., 1997.
9. Пичета В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. / В. И. Пичета. – Ч. I. – Мн., 1927.
10. Сванидзе А.А. О феномене средневекового урбанизма: заметки в связи с конференцией. / А.А.Сванидзе. // Средние века. – 1995. – Вып.58. – с. 88-94.
11. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. / Л.И.Семенникова. – Брянск, 2000.
12. У Цюрыху пра Полацк. // Беларускі гістарычны агляд. – 1998. – Т.5. Сш. 1. – с. 205-209.
13. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. / А. П.Толочко. – К., 1992.
14. Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма. / Н.А.Хачатурян. // Общности и человек в средневековом мире. – М.-Саратов, 1992. – с.17-23.
15. Шушарин Д. В. Две Реформации: очерки по истории Германии и России. / Д. В.Шушарин. – М., 2000.
16. Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. / И.Г.Яковенко. // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6.
17. Янин В. Л. Новгород и Венеция. // Восточная Европа в Средневековье. – М., 2004. – с. 64-69.
18. Wyrosunski J. Czy późnośredniowieczny kryzys feudalizmu dotknął Polskę? / J.Wyrosunski. // Homines et societas. Czasy Piastów i Jagellonów. – Poznań, 1997. – s. 103-113.

REFERENCES

1. Bardah Yu. Zacharavanyi Vyalikim Knyastvam. / Yu.Bardah. // BelaruskI gIstaryichnyi aglyad. – 1995. – T.2. Ssh.1. – s. 41-48.
2. Bets Redzhyinald R. Kanstyitutsyiyni prates I palltyichnaya dumka va Ushodnyay Eÿrope. / Redzhyinald R. Bets. // BelaruskI gIstaryichnyi aglyad. – 1999. – T. 6. Ssh. 1-2. – s. 152-173.
3. Galyamichev A. N. Gorod i gorodskoe pravo v srednevekovoy Chehii. / A.N.Galyamichev. // Pravo v srednevekovom mire. – M., 1996. – s. 22-30.
4. Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropyi. – T. 1. – M., 1999.
5. Gutnova E. V. Gorod, byurgerstvo i feodalnaya monarhiya. / E.V.Gutnova. // Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropyi. – M., 2000. – T. 4. – s. 8-29.
6. Gutnova E. V. Goroda i soslovnnye sobraniya. / E. V.Gutnova. // Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropyi. – M., 2000. – T. 4. – s. 29-45.
7. NasevIch V., Svyazhyinski U. MIndoÿg znaYomyi I neznaYomyi: poglyad IItõyskaga gIstoryika. / V.NasevIch, U.Svyazhyinski. // BelaruskI gIstaryichnyi aglyad. – 1999. – T.6. Ssh.1-2. – s. 261-272.
8. Perhavko V.B. Vyivodyi i svodyi kuptsov feodalnoy Rossii. / V.B.Perhavko. // Kupechestvo v Rossii. HV – pervaya polovina HIH v. – M., 1997.
9. Picheta V.I. Istoriya selskogo hozyaystva i zemlevladieniya v Belorussii. / V. I. Picheta. – Ch. I. – Mn., 1927.
10. Svanidze A.A. O fenomene srednevekovogo urbanizma: zametki v svyazi s konferentsiyey. / A.A.Svanidze. // Srednie veka. – 1995. – Vyip.58. – s. 88-94.
11. Semennikova L.I. Rossiya v mirovom soobschestve tsivilizatsiy. / L.I.Semennikova. – Bryansk, 2000.
12. U Tsyuryihu pra Polatsk. // BelaruskI gIstaryichnyi aglyad. – 1998. – T.5. Ssh. 1. – s. 205-209.
13. Tolochko A. P. Knyaz v Drevney Rusi: vlast, sobstvennost, IdeologIya. / A. P.Tolochko. – K., 1992.
14. Hachaturyan N.A. Fenomen korporativizma. / N.A.Hachaturyan. // Obschnosti i chelovek v srednevekovom mire. – M.-Saratov, 1992. – s.17-23.
15. Shusharin D. V. Dve Reformatsii: ocherki po istorii Germanii i Rossii. / D. V.Shusharin. – M., 2000.
16. Yakovenko I. G. Tsivilizatsiya i varvarstvo v istorii Rossii. / I.G.Yakovenko. // Obschestvennyie nauki i sovremennost. – 1995. – # 6.
17. Yanin V. L. Novgorod i Venetsiya. // Vostochnaya Evropa v Srednevekove. – M., 2004. – s. 64-69.
18. Wyrosumski J. Czy późnośredniowieczny krysys feudalizmu dotknął Polskę?/ J.Wyrosumski. // Homines et societas. Czasy Piastów i Jagellonów. – Poznań, 1997. – s. 103-113.

ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО СТАТУТА 1566 ГОДА В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Т. И. ДОВНАР (Минск, Республика Беларусь)²

В середине XVI ст. активизация социально-экономической и политической жизни Великого Княжества Литовского потребовала изменений действующего законодательства. В ноябре 1551 г. великий князь Жигимонт Август, отвечая на просьбы депутатов сейма, дал согласие на создание законодательной комиссии с целью Статут 1529 г. «...добра обачити и разважити и выразумети то, чого бы потреба была прибавити альбо убавити, альбо отменити» [1, с. 184]. Позже в Бельском привилее говорилось, что «... обраны на то были через них же самих и с посродку тых же станов особы певные, рады наши маршалкове земские, хоружие и иные особы роду и народу шляхецкого, справ чужоземских...» [2, с. 42]. Знатоками «справ чужоземских» были: Августин Ратондус Мелецкий и «гишпан с Арагона» Петр Роизий. Руководителем комиссии стал Николай Янович Радзивил Чёрный – знаменитый государственный деятель, который занимался не только государственными реформами, и подготовкой правовых актов (например, «Уставы на валоки» 1557 года), но и благотворительностью, просветительством. Так, благодаря ему, на белорусских землях распространялось образование, создавались библиотеки и типографии (например, в Несвиже и Бресте) и др. В подготовку Статута внес значительный вклад и Астафий Волович – государственный деятель и мыслитель высочайшего уровня. Именно они пропагандировали идеи об ограничении власти монарха, свободе вероисповедания, суверенитете государства и т.д. При этом следует подчеркнуть, что в разработке положений Статута принимали участие многие государственные деятели и мыслители, большинство из которых остались нам неизвестными.

Проект нового Статута был подан на сейм через 10 лет, однако он не был принят, т.к. период его подготовки отличился острой политической борьбой между различными общественными группировками, особенно между приверженцами объединения ВКЛ с Польшей и теми, кто отстаивал независимость Княжества, а также между приверженцами Реформации и ее противниками. В связи с тем, что великий князь поддерживал приверженцев Польши и католицизма, реформаторы во главе с Радзивилом стремились побыстрее принять новый Статут, тем более, что 13 марта 1564 г. Жигимонт-Август издал декларацию, в которой провозгласил, что он отказывается от своих прав на ВКЛ и переуступает их Польше. Реформаторы потребовали срочный созыв сейма и принятия Статута. Однако на Бельском сейме 1564 г. смогли только добиться лишь принятия привилея,

²Довнар Таисия Ивановна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета. Является одним из ведущих специалистов по истории белорусской государственности. E-mail: dovnaar-taisa@rambler.ru.

подготовленного Радзивилом. В 1565 г. на Виленском сейме была предпринята новая попытка принятия Статута, однако снова победили приверженцы Жигимонта Августа.

Статут был введен в действие с 1 марта 1566 г. [2, с. 50]. В него были включены привилеи 1563, 1564, 1565 гг., а также сеймовое постановление 1566 г. о внесении поправок в некоторые статьи Статута. Эти документы регламентировали важные правовые новации, нашедшие затем отражение и в самом Статуте. Так, привилей 1563 г., имея целью не допустить религиозной войны, установил: «...не только тые панове шляхта и бояре або потомкове их всих земель наших того панства всего нашего дарованья привильев и наданье всех вольностей и справ земских уживати и с ним се веселити мають, которые суть подданы Римскому костелу и которых теж продкове клейности и гербы в Короне Польской пріймовали; але теж и вси иные стану рыцарского шляхецкого, як Литовского так и Руского народу одно бы были веры Хрестіянское» [2, с. 38-39].

Важное конституционное значение имел Бельский привилей 1564 г., оформивший создание независимых от администрации шляхетских судов. В нем устанавливалось, «абы старадавный обычай владности суду воевод и иных врядов старых уступил судом, новым порядком в сем часе учыненым, постановенным и в статуте описаным» [2, с. 42]. Декларировалось также, что все жители имеют право пользоваться одинаковым правом и заслуживают справедливости и вольностей.

Виленский привилей 1565 г. юридически оформил деятельность местного представительного органа шляхты – поветового сеймика. В нем акцентировалось внимание на обязанностях депутатов привозить на сейм “листы” с решениями и пожеланиями сеймиков, в которых надлежит говорить не только об общегосударственных нуждах, но и потребностях “каждого зособна повету” [2, с. 48]. Таким образом, парламентаризм, который зарождался в государстве на протяжении второй половины XV – первой половины XVI стст., обрел законодательное оформление. Все это нашло отражение и в тексте Статута (р. III, арт 5 и др.).

Многие положения Статута 1566 г. свидетельствовали о новом этапе государственно-правового развития Княжества, который начался под влиянием прогрессивной политико-правовой мысли, в том числе идей Реформации и гуманизма. И. А. Юхо отмечал, что в Статуте “разумна былі спалучаны новыя тэарэтычныя распрацоўкі мясцовага права з практычнай дзейнасцю дзяржаўнай адміністрацыі і судаў. Разам з тым у ім былі выкарыстаны і тэарэтычныя распрацоўкі рымскага і заходнееўрапейскага права» [3, с. 415].

Несмотря на то, что законодатель при подготовке Статута в связи с недостаточным развитием юридической техники был еще не совсем точным в своих теоретико-правовых формулировках, что вело к неточностям и объемностям конструкций правовых норм, их многословию, повторению и пр., однако он уже достаточно хорошо осознавал важнейшие юридические понятия и пользовался довольно устоявшимся юридическим аппаратом, в том числе правовой

терминологией, достаточно понятной для населения.

В статьях Статута содержались нормы конституционного, административного, гражданского, наследственного, земельного, уголовного, процессуального и даже природоохранного права. При этом необходимо отметить, что в XVI ст. отраслевая структура права находилась еще в стадии формирования, также как и правовой терминологический аппарат. Однако в историко-правовой литературе относительно периода феодализма имеет место вычленение в праве общепринятых форм и использование современной правовой терминологии. Во многих разделах Статута часто помещались нормы различных отраслей права, однако в законе явно прослеживается начатая Статутом 1529 года тенденция концентрации в одном месте одинаковой сферы правоотношений. Так, нормы конституционного характера консолидировались как и прежде в первых трех разделах Статута; нормы наследственного права, сравнительно со Статутом 1529 года, были выделены в отдельный раздел; прежний шестой раздел о судах и судопроизводстве стал четвертым, чем подчеркивалось его большее значение и т.д.

Систематизация законодательства, на основе которого строился Статут 1566 года, делалась на основе принципов, закрепленных еще предыдущим законом: суверенитет государства, верховенство закона, ограничение власти монарха и др. Кроме того, Статут положил начало закреплению принципов презумпции невиновности и разделения властей. Весь Статут пронизывала идея укрепления правопорядка и подчиненности закону всех субъектов права, включая монарха. Нельзя не отметить, что многие принципы только декларировались законом, т. к. признание разных льгот и преимуществ для сословия шляхты подрывало общий принцип единства права и его верховенства.

К числу наиболее важных положений Статута принадлежат нормы конституционного характера, которые закрепляли суверенитет государства, его территориальную неприкосновенность, права и обязанности населения. Размещение этих норм в первых трех разделах Статута свидетельствовало не только о их чрезвычайной важности, но и о зарождении отрасли конституционного права. Белорусские ученые (И. А. Юхо, А. Ф. Вишневецкий, Т. И. Довнар и др.) отмечают, что именно в этой сфере Статут опережал в правовом развитии западноевропейское право [2, с. 16 и др.]. Особенно важным было то, что Статут 1566 года, как и предыдущие законы, закреплял обособленность ВКЛ от Польши. Его нормы обязывали князя заботиться о территориальной неприкосновенности Княжества («... в границах ни в чом не вменшати и о вшем примножати»), сохранять его в славе и власти (р. III, арт. 1). Защита государственного суверенитета содействовала и статья, запрещающая давать земли и должности иностранцам (р. III, арт. 9).

Важное значение имели конституционные нормы, ограничивающие власть великого князя, в том числе в сфере принятия новых законов. Ограниченность власти монарха закреплялась в Статуте по-разному. В одних случаях это было изложено в форме клятвы и обещания князя сохранять определенные права (р. I,

арт. 2; р. III, арт. 1, 2, 3, 4, 10, 11), в других – в форме непосредственного запрета на определенные действия. Например, ему запрещалось без разрешения сейма начинать войну или назначать налоги на военные нужды, (р. II, арт. 1, 2), издавать законы, противоречащие Статуту (р. III, арт. 12), лишать подданных должностей и званий (р. III, арт. 11) и т. д. Особенно важным было требование Статута принимать новые законы только на «...вальном сойме... з ведомостью порадую рад наших и призволеньем всих земель того панства нашего» (р. III, арт. 12).

Статут 1566 года гарантировал сохранение действия всех изданных ранее привилеев, а также данных ранее прав и привилегий шляхте и даже декларировал сохранение будущих прав: «што еще будуть даваны вперед, непорушне неотменне (вечными часы ховати)» (р. III, арт. 2).

Следует отметить, что Статут включал нормы, свидетельствующие о зарождении новых буржуазных отношений. Так, в нем провозглашалось равенство всех перед законом и подчеркивалось, что все подданные государства должны судиться «тым одним правом писаным» (р. I, арт. 1), хотя сам закон не был равным для всех. Так, простые люди не допускались на сеймы, им не позволялось занимать государственные должности (р. III, арт. 15) и др. Однако в Статуте говорилось, что «всих людей посполитых» следует сохранять при свободах и вольностях и что они имеют право свободно выбирать себе «...панов и Господарей Великих Князей Литовских» (р. III, арт. 2). Из этого следует, что закон декларировал и политические права простых людей. Об этом говорила и статья, провозглашающая, что не только шляхта, как было указано в предыдущем Статуте, но и «...всякого стану» человек имеет право «...выйти с тых земель наших Великого Князьства для наук у письме цвиченя учынков рыцерских и лепшаго счастья своего, и теж будучы неспособного здоровья своего для лекарств до всяких сторон и земель, кроме земель неприятелей наших Московского, бесурманских и иных, с ким тое панство наше на он час вальчыло...» (р. III, арт. 13). Закон провозглашал также имущественные права «всих людей посполитых» (р. III, арт. 2).

Ученые отмечают, что в Статутах получило развитие и законодательное закрепление защита личных неимущественных прав людей. В частности, закон гарантировал защиту от посягательств на жизнь, здоровье, честь и достоинства человека [4]. Конечно, в большинстве случаев это касалось сословия шляхты, относительно которой Статуты даже гарантировали защиту права на жилище, устанавливая жесткие санкции за наезды на шляхетские имения. Однако законодатель часто расширительно регламентировал права, уточняя, что они даются и для простых людей. Конечно же, в Статуте имели место формальные, ничем не обоснованные декларации законодателя. Вместе с тем, включение в законодательный акт таких положений свидетельствовало о стремлении составителей Статута к установлению более совершенных и демократических общественных отношений.

Существенное внимание в Статуте уделялось гражданско-правовым отношениям, в том числе регулированию договорных отношений – купле-

продаже, найму (имущественному и личному), позыке, дарению, аренде и др. Самой существенной новацией в гражданских правоотношениях стало изменение в июне 1566 г. первой статьи седьмого раздела Статута о праве шляхты распоряжаться землей в полном объеме. Впервые все землевладельцы получили ничем не ограниченное право распоряжения принадлежавшей им землей и именьями (а не 1/3 частью, как было записано в Статуте 1529 г.), что свидетельствовало об активном зарождении новых, капиталистических отношений. Важным в этом направлении стало и приложение к Статуту образцов ряда юридических документов («Способ запису замены добр», «Запис от мужа жоне на суму», «Даровизна вечистая сум записаных и речей рухомых от мати детем» и др.) [2, с. 214-223]. Именно активизация хозяйственной жизни вызвала необходимость дать судам эти документы-инструкции, которые учили правильной работе с документами и явились основанием для активизации развития нотариальной деятельности. Этому же содействовало и уточнение порядка оформления завещаний. Отдельный раздел Статута «О тестаментех» был посвящен вопросам наследования движимого и недвижимого имущества. При этом следует отметить, что закон даже содержал статьи о порядке оформления завещаний простыми людьми и слепым человеком.

Изменения в семейно-наследственных отношениях прежде всего были направлены на укрепление частной собственности с сохранением обязанностей землевладельцев нести воинскую службу со своих имений. Тем самым идея частной собственности сочеталась в тот период с феодальными обязанностями. При этом брачно-семейному праву Статут придавал гражданско-правовой характер, несколько освобождая его от церковно-религиозных монополий.

Ряд новых норм Статута касались сферы уголовных и судебно-процессуальных отношений. Особенно важным было то, что законодатель впервые сделал попытку сформулировать положение о презумпции невиновности, хотя и касалось это только сословия шляхты. Хотя в законе еще не было четко обозначено понятие презумпции невиновности, однако основная идея этого принципа прослеживается в ст. 2 раздела I, запрещающей сажать в острог шляхтичей на основании доноса [5, с. 112]. Чрезвычайно юридически значимым было определение впервые в законодательном акте возраста уголовной ответственности – с 14 лет. В целом в уголовном праве, как отмечают многие ученые, нашли отражение новые прогрессивные идеи и оно было более лояльным сравнительно с другими государствами. Например, провозглашалось, что свободного человека ни за какое преступление нельзя отдавать в неволю, что за преступления, совершенные в отношении женщин, выплачивается уголовный штраф в двойном размере и т. д.

Значительное внимание уделялось в Статуте судебно-процессуальным отношениям, которые мало разделялись относительно гражданских и уголовных дел. Процесс, как правило, имел исковой характер и начинался с заявления заинтересованной особы – потерпевшего или его родственников. Истец сам

должен был добывать доказательства, предъявлять их суду, поддерживать обвинение и т.д. Стороны имели право пользоваться услугами профессиональных юристов – адвокатов (прокураторов). В отличие от Статута 1529 года, в котором содержалась только одна статья относительно адвокатов, запрещающая иностранцам быть адвокатами, Статут 1566 года регламентировал уже определенный статус адвокатов. Так, он определял требования к кандидатам в адвокаты. Адвокатами могли быть шляхтичи, знающие закон, а по имущественных исках – только уроженцы ВКЛ. По уголовным делам, «кому идти о горло о честь» – адвокатом мог быть и иностранец (р. IV, арт. 34). В целом положения Статута 1566 г. относительно адвокатуры даже с позиции современной теории права были достаточно удачными. Это подтверждается и тем, что следующий Статут повторил в большинстве эти положения, причем в некоторых статьях почти текстуально.

Статут внес много нового в развитие всех отраслей и институтов права, в том числе направленных на охрану природы. Дальнейшее развитие природоохранных норм в Статуте 1566 г. имело важное значение в сохранении природных богатств. Леса, реки, озера, животные и птицы находились под охраной закона. За нарушение норм Статута виновные привлекались к ответственности. Так, за умышленное причинение в лесах пожаров, которые, как говорилось в законе, наносят большой вред птицам, пчелам, зверью, регламентировалась даже смертная казнь (р. X, арт. 17). Ряд статей охранял природу от хищнического уничтожения. Например, за уничтожение соколиного гнезда полагалось 6 рублей уголовного штрафа, а за гнездо лебедя – 3 рубля, за нарушение бобровых гонов – 12 рублей и т. д. Устанавливались также повышенные штрафные санкции, сравнительно со Статутом 1529 года, за повреждение бортного дерева, причем с более подробной регламентацией мер наказания (р. X, арт. 13).

Многие положения Статута опережали свое время. В нем даже содержались правила дорожного движения и требования необходимых габаритов дорог. Так говорилось: «иж дороги звечные мають быти водле стародавнього обычаю так широки, абы два возе форманских розминулися, а воз порожній маеть уступити возу наложоному, пешій ездному, возовому ездный» (р. IX, арт. 22). Кроме того, устанавливалась обязанность соблюдения правил дорожного движения и содержания дорог в надлежащем состоянии (р. IX, арт. 22 и др.). Говорилось также о подсудности возникших дорожных споров.

По причине событий, связанных с заключением Люблинской унии и присоединением части земель Великого Княжества Литовского к Польше, особенностью Статута 1566 года стало то, что он продолжал действовать (за исключением ряда статей) на территории Волынского, Киевского, Брацлавского воеводств под названием Волынский Статут и после введения в действие в ВКЛ Статута 1588 года.

Статут 1566 года, написанный на языке, понятном простому населению, переводился на многие языки. По сведениям Ю. Бардаха, Статут 1566 года

несколько раз переводился на латинский, польский, немецкий, русский и другие языки. В 1900 г. в Кракове он снова был напечатан на польском и латинском языках [6, с. 8]. Ученые отмечают, что известно 58 рукописных текстов Статута: 13 на белорусском языке, 40 – на польском, 5 на латинском [3, с. 416].

Положения и нормы Статута 1566 года свидетельствовали о новом этапе государственно-правового развития Великого Княжества Литовского, которое происходило под сильным влиянием политико-правовой мысли. В нем весьма разумно были совмещены собственные теоретико-правовые и правоприменительные наработки с общеевропейскими достижениями в сфере права. Именно поэтому Статут долгое время служил примером и образцом систематизации законодательства. Многие его положения опережали свое время и имели ярко выраженный программный характер, ориентированный на будущее, что выводило его в число самых прогрессивных европейских законов своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская историческая библиотека. – Т. XXX. Литовская метрика. Отделы первый-второй. Ч.3: Книги публичных дел. – Т. 1. – Юрьев, 1914. – 538 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года. / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.
3. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566. / Я. А. Юхо. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6, кн. 1: Пузыны – Усая. – с. 415–416.
4. Вішнеўская І. У. Абарона асабістых немаёмасных правоў па заканадаўству сярэднявечнай Беларусі. / Статут Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1566 г.: да 450-годдзя выдання: матэрыялы Рэспубліканскага навукова-практычнага круглага стала, 1 красавіка 2016 г., г. Мінск. / рэдкал.: Т. І. Доўнар (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2014: Дзп. у БДУ 31. 03. 2016 г., № 002831032016. – с. 62-69.
5. Лазутка С. Літоўскія Статуты. // Край – Kraj: (Polonica-Albaruthenica-Lithuanica): 1-2 (2-3). / Рэд. Я. Іваноў – Мінск: Маладзёжнае навуковае таварыства, 2001. – 366 с.
6. Bardach, J. Statuty Litewskie a prawo rzymskie / J. Bardach. – Warszawa : Centre for Studies on the Classical Tradition in Poland and East-Central Europe; Uniw. Warszawski, 1999. – 160 s.

REFERENCES

1. Russkaya istoricheskaya biblioteka. – T. XXX. Litovskaya metrika. Otdelyi pervyyi-vtoroy. Ch.3: Knigi publichnyih del. – T.1. – Yurev, 1914. – 538 s.
2. Statut Vyalkaga knyastva Litoyskaga 1566 goda. / T. I. Doynar, U. M. SatolIn, Ya. A. Yuho; redkal. T.I. Doynar [I Insh.]. – MInsk: Tesey, 2003. – 352 s.
3. Yuho, Ya. A. Statut Vyalkaga knyastva Litoyskaga 1566. / Ya. A. Yuho. // Entsyiklapedyiya gistoryii Belarusi: u 6 t. / Belarus. Entsyikl.; redkal.: G. P. Pashkoŷ (gal. red.) [I Insh.]. – MInsk: BelEn, 2001. – T. 6, kn. 1: Puzyinyi – Usaya. – s. 415–416.
4. VISHneyskaya I. U. Abarona asabIstyih nemaYomasnyih pravoŷ pa zakanadaŷtvu syarednevyakovay BelarusI. / Statut Vyalkaga knyastva Litoyskaga, Ruskaga I Zhamoytskaga 1566 g.: da 450-goddzya vyidannya: materyiyalyi RespublIkanskaga navukova-praktyichnaga

kruglaga stala, 1 krasavika 2016 g., g. Minsk. / redkal.: T. I. Doŭnar (gal. red.) [I Insh.]. – Minsk: BDU, 2014: Dep. u BDU 31. 03. 2016 g., # 002831032016. – s. 62-69.

5. Lazutka S. Litoŭskiya Statutyi. // Kray – Kraj: (Polonica-Albaruthenica-Lithuanica): 1-2 (2-3). / Red. Ya. Ivanoŭ – Minsk: MaladzYozhnae navukovae tavaryistva, 2001. – 366 s.

6. Bardach, J. Statuty Litewskie a prawo rzymskie / J. Bardach. – Warszawa : Centre for Studies on the Classical Tradition in Poland and East-Central Europe; Uniw. Warszawski, 1999. – 160 s.

«ФЕОДАЛЬНОЕ ПРАВО» ИЛИ «СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРАВО»: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С. О. ШАЛЯПИН (Архангельск, Российская Федерация)³

Историко-правовая наука, пожалуй, как никакая другая из юридических дисциплин, находится в постоянном поиске наиболее точной терминологии, адекватно отражающей смысл и содержание изучаемых явлений. Этот не прекращающийся поиск вполне объясним самой природой истории права как науки одновременно юридической, то есть находящейся в дефинитивных координатах современного правоведения, и исторической, то есть связанной необходимостью строгого следования терминам, получившим определение в ту или иную эпоху в прошлом. В многоуровневой системе категорий, вошедших в понятийный аппарат истории права, особняком стоит группа дефиниций *ex post* – понятий, получивших название в дальнейшем историческом процессе при осмыслении и концептуализации ушедших в прошлое явлений и процессов. К подобным понятиям относится и термин «средневековое право» [4, 5]. Казалось бы, вполне очевидный с точки зрения общеизвестной периодизации истории термин должен был вполне органично войти в историко-правовую науку. Однако, в традицию историко-правовой науки советского периода, частично поддерживаемую и современными исследователями, вошло использование понятия «феодальное право» для обозначения всех правовых явлений соотносимых с определенной общественно-экономической формацией. Феодальное право понималось «как исторический тип права, соответствующий экономическим и социально-политическим отношениям феодального общества» [1, с. 360]. Подобный подход был вполне закономерен в условиях советского юридического позитивизма и идеологизированности исторической науки. Его элементы не вышли из обращения до настоящего времени, что отражается в широко применяемой терминологии. Так, в новейшем исследовании сравнительно-исторической типологии права Е. Н. Трикоз указывает на работы современных авторов, которые в рамках историко-цивилизационной (не позитивистской!) типологии права указывают на западный и восточный феодализм как на смешанный цивилизационный тип аграрной эпохи [14, с. 136].

Однако постепенно на смену понятию «феодальное право» приходит дефиниция «средневековое право», нуждающаяся, на наш взгляд, в более точном определении и отграничении от понятия, доминировавшего ранее. Большинство

³**Шаляпин Сергей Олегович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, член Правления Российского историко-правового общества, член Исполкома Российской академии юридических наук. Специалист по истории средневекового русского права, государственно-конфессиональным отношениям, истории правовых учений. E-mail: s.shalyapin@narfu.ru.

авторов историко-правовых исследований продолжает связывать средневековье либо с временным отрезком, традиционно охватывающим эпоху от падения античных обществ до буржуазных революций, либо все-таки с феодальной формацией, зачастую ставя знак равенства между средневековьем и феодализмом [7, с. 5]. Между тем, когда мы говорим о возможности выделения особого исторического типа права, характерного для определенной эпохи, корреляция его только с особым типом феодальных экономических или вассальных отношений представляется некоторым упрощением.

Большая приемлемость термина «средневековое право», способствующего «синтезу всей совокупности исторических знаний, которыми располагает историко-правовая наука в начале XXI в., не ограничивая себя формационным подходом», доказывается в работах В.В. Момотова [8, с. 7], доводы которого были восприняты или совпали с мнением многих ученых, работающих в данной области. Так один из наиболее глубоких исследователей российского средневекового права В. А. Рогов указывал на недопустимость приписывания современного линейного понимания права средневековой эпохе, которая придавала правовым нормам религиозный характер и мистическую трактовку [10, с. 25]. Он же реконструировал элементы средневековой теории права [11, с. 360; 12], для которой тип феодальных экономических отношений вовсе не выступал определяющим фактором. Ряд современных авторов или вовсе избегают не вполне адекватного их исследования термина «феодальное право» [2], либо даже вступают на путь обоснования явлений, производных от дефиниции «средневековое право», таких, например, как средневековое правосознание [5], региональная средневековая правовая традиция [9] или средневековое правосудие [13].

В определенном смысле отечественная историко-правовая наука возвращается к терминологии начала XX века, когда марксистские формационные подходы еще не довлели над научной терминологией. Но возврат этот будет более обоснованным, если мы сможем четко прояснить смысл и содержание дефиниции «средневековое право». В противном случае все сведется к простой подмене понятий – навязшее в зубах «феодальное» механически будет заменено на более нейтральное «средневековое». На самом деле между этими понятиями есть очевидная взаимосвязь. Еще русский историк-медиевист, ставший классиком английского сравнительно-исторического правоведения, П.Г. Виноградов, обозначая исторические формы права для Европы, одной из них считал «средневековое право», понимаемое как совокупность феодального права и канонического права. Его пояснение в данном случае настолько любопытно, что заслуживает обширной цитаты: «Источники двух систем, несомненно, различны и, в значительной степени, антагонистичны. Но не случайно то, что и феодальное и каноническое право произросли на одной почве. Их дуализм является необходимым следствием их крайней односторонности. Феодальное право имеет слишком узкий, а каноническое – слишком широкий базис: одно отгалкивается от права владения, второе – от общечеловеческих ценностей... Было бы невозможно

справедливо оценить этот важный период правовой мысли и деятельности, разделив эти противоположные элементы реального мира, или попытаюсь сконструировать правовую систему на одном из двух оснований, взятом в отдельности» [16, с. 158-159]. Представляется, что попытки свести всю правовую традицию средневековья исключительно к феодальному праву – это и есть конструирование правовой системы на одном, не слишком устойчивом основании.

Чтобы объемно и всесторонне представить себе определяющие черты средневекового права можно обратиться к работе непревзойденного знатока средневекового миросозерцания Г. Эйкена. В главе, посвященной средневековому праву он, также как и Виноградов, описывает сложный механизм правового взаимодействия феодального государства и церкви, отводя последней ведущую роль в формировании как доктрины права, так и ключевых юридических практик. Средневековое сознание было проникнуто идеей о том, что «не государство, а Бог был источником права» [15, с. 487]. Созданное Богом чистое, естественное право должно было превалировать над земным законом (в том числе и римским), по отношению к которому религиозное воззрение на право «действовало в двух направлениях, отчасти сохраняя существовавшие правовые принципы и развивая их далее в смысле, соответствовавшем его духу, отчасти же изменяя или вовсе устраняя взгляды и правовые интересы, противоречившие его религиозной системе» [15, с. 488].

Взгляды Эйкена и Виноградова на внутреннюю структуру и отличительные особенности средневекового права принципиально дополнены классиком советской медиевистики А. Я. Гуревичем, писавшим, что «концепция права, преобладающая в том или ином обществе, в конечном счете упирается в положение человеческой личности в этом обществе» [3, с. 184]. Для средневекового общества западного типа была характерна монархическая концепция правопонимания, возводившая само право к божественной воле, а статус каждого индивида в мире связывавшая с его местом в иерархической структуре, освещенной той же высшей волей. Действительным считалось лишь то, что подверглось правовой институционализации (статус личности, общины, цеха города, прихода, вотчины). А подобный подход, в свою очередь, порождал всюду проникающую правовую символику и ритуал, превращавший юридические факты в священнодействия. На вопрос, столетиями смущавший умы исследователей, о наличии или отсутствии сходства между средневековым правом Запада и российским правом и российской правовой культурой того же периода недавно однозначный ответ был дан Н. Ш. Коллманн, подробно изучившей практику отечественного правосудия и наказания рубежа средневековья и Нового времени. В предисловии к русскому изданию своей монографии она указала, что «наиболее важным выводом книги является то, что в течение всего Московского периода... Россия обладала судебной культурой, во многом сопоставимой с судебной культурой ряда стран Европы» [6, с. 7]. Таким образом, реалии российского права соответствующей эпохи вполне могут быть интерпретированы в рамках дефиниции «средневековое право» более органично,

нежели при употреблении старого термина «феодалное право», требующего постоянных ритуальных оговорок относительно особого пути развития феодальных экономических отношений в России.

«Средневековое право» как историческую форму права следовало бы представить как совокупность систем феодального и канонического права с особым типом правосознания, для которого характерными являлись символизм, иерархичность, религиозный характер и тесно связанная с ним эсхатологичность. Справедливо будет подчеркнуть, что данное определение не может быть механически распространено на средневековые общества незападного типа. Но подобной неэластичностью страдал и термин «феодалное право», поскольку вопрос о феодальном характере экономических отношений в азиатских, африканских или древнеамериканских обществах также не имеет однозначного решения. В обществах же западного (или близкого к западному) типа средневековое право господствует вплоть до периода рационализации последнего, произошедшего под влиянием секулярных тенденций XVII–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всемирная история государства и права: Энциклопедический словарь. / Под ред. А.В. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001.
2. Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984.
4. Дамирли М.А. Теоретико-методологические проблемы понятийно-категориального аппарата историко-правовой науки. // Поняття, терміни і категорії історико-правової науки: матеріали XXI Міжнародної історико-правової конференції, 23-26 квітня 2009 р. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – С.3-11.
5. Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. – М.: Юрлитинформ, 2014.
6. Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.
7. Ливанцев К.Е. История средневекового государства и права. – СПб. 2000.
8. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. – М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2003.
9. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-западной Руси XII – сер. XV вв. – М.: Юрлитинформ, 2011.
10. Рогов В.А. Право-Пространство-Время в богословии средневековой Руси (О средневековых вероятностях и идеях в перспективе). – М.: МГИУ, 2007.
11. Рогов В.А. Этюды о параллелях в средневековой теории права // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. 2002. – Вып. 3. – М.: МГИУ, 2002. – С.11 – 23;
12. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки в IX – сер. XVII вв.). – М.: МГИУ, 2006.
13. Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. – М.: Наука, 2006.
14. Трикоз Е.Н. Периодизация и сравнительно-историческая типология права // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. - № 2. – С.132-144.

15. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011.

16. Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. – Vol.1. – Oxford, 1920.

REFERENCES

1. Vsemirnaya istoriya gosudarstva i prava: Entsiklopedicheskiy slovar. / Pod red. A.V. Krutskih. – М.: INFRA-M, 2001.

2. Georgievskiy E.V. Formirovanie i razvitie obschih polozheniy drevnerusskogo ugovnogo prava. – М.: Yurlitinform, 2013.

3. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kulturyi. – М.: Iskusstvo, 1984.

4. Damirli M.A. Teoretiko-metodologicheskie problemy ponyatiyno-kategorialnogo apparata istoriko-pravovoy nauki. // Ponyattya, termini i kategoriYi istoriko-pravovoYi nauki: materialy XXI MizhnarodnoYi istoriko-pravovoYi konferentsiYi, 23-26 kvitnya 2009 r. – MikolaYiv: Vid-vo ChDU im. Petra Mogili, 2010. – S.3-11.

5. Kalinina E.Yu. Mifologiya srednevekovogo pravosoznaniya: irratsionalnoe v ratsionalnom. – М.: Yurlitinform, 2014.

6. Kollmann N.Sh. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.

7. Livantsev K.E. Istoriya srednevekovogo gosudarstva i prava. – SPb. 2000.

8. Momotov V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX – XIV vv. – М.: ZERTsALO-M, 2003.

9. Ospennikov Yu.V. Pravovaya traditsiya Severo-zapadnoy Rusi XII – ser. XV vv. – М.: Yurlitinform, 2011.

10. Rogov V.A. Pravo-Prostranstvo-Vremya v bogoslovii srednevekovoy Rusi (O srednevekovyih veroyatnostyah i ideyah v perspektive). – М.: MGIU, 2007.

11. Rogov V.A. Etyudy o parallelyah v srednevekovoy teorii prava // FEMIS. Ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya. 2002. – Vyip. 3. – М.: MGIU, 2002. – S.11 – 23;

12. Rogov V.A., Rogov V.V. Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (ocherki v IX – ser. XVII vv.). – М.: MGIU, 2006.

13. Togoeva O.I. «Istinnaya pravda»: yazyiki srednevekovogo pravosudiya. – М.: Nauka, 2006.

14. Trikoz E.N. Periodizatsiya i sravnitelno-istoricheskaya tipologiya prava // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2014. - # 2. – S.132-144.

15. Eyken G. Istoriya i sistema srednevekovogo mirosozertsaniya. – Изд. 2-е. – М.: Knizhnyiy dom «LIBRIKOM», 2011.

16. Vinogradoff P. Outlines of Historical Jurisprudence. – Vol.1. – Oxford, 1920.

РИМСКОЕ ПРАВО: ВЗГЛЯДЫ НА РЕЦЕПЦИЮ

В. В. САЖИНА (Минск, Республика Беларусь)⁴

Как хорошо известно, в буквальном переводе с латинского «гесертіо» означает «принятие». Термин «рецепция» универсален, и на сегодняшний день имеет, по доктринальному утверждению, несколько взаимосвязанных значений. В культуре, искусстве, общественных науках, и в том числе в праве, его понимают как «заимствование данных обществом социологических и культурных форм, возникших в другой стране или другую эпоху» [1, с.679].

Рецепция права может, в свою очередь, быть вызвана целым рядом различных факторов (правовых, социально-экономических, религиозно-этнических и т. д.). Она проявляется как в виде заимствования прошлого правового опыта, так и в формате копирования элементов современных правовых систем.

В общем суть рецепции права может быть определена как «заимствование одним государством более развитого права другого государства» [2, с. 271]. Что касается рецепции непосредственно римского права, то её можно трактовать как «восприятие и усвоение римского правового наследия в качестве действующего права» [3, с. 392].

Следует подчеркнуть, что в юриспруденции предметом рецепции явилось преимущественно римское частное право. Наоборот, римское публичное право «умерло с падением Рима». Однако с тех времён и до наших дней в публичном праве многих стран создаются и действуют Сенаты как верхние палаты парламентов (Италия, США, Франция и др.), а также все еще существует изобретенный римлянами титул императора (Япония). Издревле были взяты на вооружение и многие другие названия римских публично-правовых институтов (деликтология от *delictum*, например). Вместе с тем необходимо понимать, что эти заимствования никак не являются истинным «воскрешением римских государственных учреждений» [4, с.12].

Начало рецепции римского права, по мнению большинства романистов, неразрывно связано со своеобразной средневековой урбанистической революцией, а именно, с интенсивным возникновением городов на севере Италии в XI-XII вв. Это были города-государства с республиканской формой правления (Венеция, Генуя, Флоренция), где весьма активно развивались торговые связи, ремесло, изобразительное искусство и торговля в средневековой Европе. Новые для Средневековья экономические отношения требовали более совершенного правового регулирования, в то время как римское право уже содержало в себе

⁴ **Сажина Варвара Владимировна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права факультета управления Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Известна как специалист по сравнительному конституционному праву, истории мирового конституционализма, истории государства и права. E-mail: v.v.sazhin@rambler.ru.

готовое юридическое оформление развивавшихся экономических отношений. В связи с этим в старых и новых итальянских городах появляются первые университеты, где начинает преподаваться римское право. Использование римского права способствовало дальнейшему развитию средневековой европейской экономики и культуры, поскольку предметами искусства как объектами экономико-правовых отношений также весьма активно торговали, начиная с эпохи Ренессанса.

По своему содержанию римское право удовлетворяло потребностям Средневековья в части регламентации частной собственности и договорных правоотношений. Кроме того, римское право было овеяно величием славного европейского прошлого. Достоинствами римского права были его абстрактность, системность и упорядоченный понятийный аппарат [3, с. 6].

В свою очередь, Римско-католическая церковь была наиболее ранним проводником знания о римском праве в феодальном мире. Так, раннее каноническое право складывалось под непосредственным воздействием римской правовой культуры. Христианство заимствовало у Рима некоторые специальные воззрения на отношения, подлежащие общественному регулированию, и отдельные правовые институты. Рецепция римского права была основана на возрождении идеи о том, «что общество должно управляться правом и подчиняться нормам разума» [5, с. 40]. Поскольку в церковных школах преподавание велось на латинском языке, то сохранились и некоторые рукописи с текстами римских законов, что также сделало возможным масштабную рецепцию права.

Римская правовая концепция, кроме того, была прочно соединена с идеей сильной государственной власти. Римское правопонимание концептуально было чуждо идеям политической раздробленности и смешению частных и публичных интересов. По этой причине феодалы видели в римском праве способ закрепощения крестьян и дальнейшего захвата общинных земель, а монархи – способ централизации своей власти.

Свою роль сыграла и пафосная идея преемственности полномочий средневековых монархов от римских императоров. Так, в раннем Средневековье внимание к римскому праву в сильной степени поддерживалось убеждением, что государство, образовавшееся на территории Германии и Италии, является прямым наследником Римской империи. В России позднее имела место политическая концепция «Москва – третий Рим», что способствовало восприятию и там римских правовых воззрений.

У рецепции, бесспорно, были и чисто юридические основания. Во-первых, это, как подчеркивалось выше, осознание тогдашними правоведами высокого уровня римского частного права – наличия в готовом виде ряда системных институтов, регулировавших многочисленные правоотношения, четкость и ясность правовых норм. Во-вторых, рецепция обуславливалась недостатками местного, в основном обычного права. Обычное право было архаично, страдало партикуляризмом, содержало многочисленные пробелы, неясности, противоречия,

то есть в целом оно не давало надлежащих средств урегулирования новых отношений [6, с. 113-121].

Заметим вместе с тем, что историко-правовой метод исследования не является универсальным при изучении проблем римского права, а также его рецепции.

Альтернативным является «цивилистический» подход, который позволяет рассматривать римское право в качестве основания современной правовой теории. Понятно, что при этом акцент делается на теорию частного права.

Основное различие между историко-правовым и юридическими методами изучения римского права заключается в том, что «при историческом изучении исследуется последовательная смена правовых институтов во времени в зависимости от изменяющихся условий жизни данной общественной среды, а при юридическом – анализируются эти же правовые институты в том виде, в каком они представляются при данных условиях места и времени» [7, с.6].

Традиционно основателем науки римского права, которая является, в свою очередь, основой теории частного права, признается итальянский ученый-филолог Ирнерий, который в конце XI столетия стал публично преподавать римское право. Юридический метод был им использован при изучении крупнейшего памятника византийского и общеримского законодательства эпохи императора Юстиниана – *Corpus iuris civilis*.

Этот знаменитый источник, как хорошо известно, состоит из четырех частей: Институций (*Institutiones*), Дигест (*Digesta*), Кодекса (*Codex*), Новелл (*Novellae*).

Особое значение для теории частного права представляют Дигесты – правовые извлечения, сделанные из сочинений 39-ти римских юристов, живших в позднеереспубликанский или императорский период Древнего Рима. Дигесты подразделяются на 7 частей и 50 книг. Каждая книга делится на титулы под определенным названием, а каждый титул состоит из правовых фрагментов и высказываний знаменитых римских классических юристов. Всего в Дигестах 9123 таких фрагмента.

Исследователями практически единодушно отмечается, что именно «в Дигестах более, чем в каком-либо другом памятнике древности, выразился истинный характер римской юриспруденции» [8, с. 458].

В раннем Средневековье любой континентальный европейский университет или школа права начинали обучение студентов юридической профессии именно с подробного преподавания вначале Дигест Юстиниана, а после и других частей выдающегося свода гражданского права. При этом следует отметить тот факт, что тогдашние суверены практически не вмешивались в процесс изменения частноправовых норм, ограничиваясь изданием только многочисленных публично-правовых эдиктов и ордонансов. Даже в XVIII столетии французские монархи все еще полагали, что по своему разумению они не вправе изменять нормы частного права.

В связи с вышесказанным очевидно, что цивилистический подход к изучению римского права рассматривает римское право в качестве универсальной теории

частного права, отталкиваясь именно от законодательства императора Юстиниана. И опять же очевидно, что подобный метод отчасти противопоставляется историческому (хронологическому) подходу к изучению римского правового наследия.

Основной же заслугой альтернативного цивилистического подхода является конкретное обозначение контуров не только римского, но и любого национального частного права, которые остаются в основе неизменными и по настоящий день в соответствующих национальных правовых системах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. 944 с.
2. Харитонов Е.О. Основы римского частного права. / Е.О. Харитонов. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. – 416с.
3. Юридическая энциклопедия. Отв. ред. М.Ю.Тихомиров. / М.:изд. г-на Тихомирова М.Ю. - 1998. – 526 с.
4. Римское частное право: Учебник. / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1996. – 544 с.
5. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 456 с.
6. Косарев А.И. Римское право. / А.И.Косарев. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.
7. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. / Пособие для слушателей. /Изд. третье, исправленное и дополненное.: С.-Петербург, 1910. –496 с.
8. Муромцев С. А. Римское право в Италии в XI-XV столетиях. Очерк 2. // Юридический вестник. Кн.3. - М.: 1885. – 572 с.

REFERENCES

1. Kryisin L.P. Tolkovyy slovar inoyazyichnyih slov. / L. P. Kryisin. – M.: Eksmo, 2008. 944 s.
2. Haritonov E.O. Osnovyi rimskogo chastnogo prava. / E.O. Haritonov. – Rostov n/D: izd-vo «Feniks», 1999. – 416s.
3. Yuridicheskaya entsiklopediya. Otv. red. M.Yu.Tihomirov. / M.:izd. g-na Tihomirova M.Yu. - 1998. – 526 s.
4. Rimskoe chastnoe pravo: Uchebnik. / pod red. prof. I.B. Novitskogo i prof. I.S. Pereterskogo. – M.: Yurist', 1996. – 544 s.
5. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnyie pravovyye sistemyi sovremennosti. / Per. s fr. V.A. Tumanova. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2009. – 456 s.
6. Kosarev A.I. Rimskoe pravo. / A.I.Kosarev. – M.: Yurid. lit., 1986. – 160 s.
7. Grimm D.D. Lektsii po dogme rimskogo prava. / Posobie dlya slushateley. /Izd. trete, ispravlennoe i dopolnennoe.: S.-Peterburg, 1910. –496 s.
8. Muromtsev S. A. Rimskoe pravo v Italii v XI-XV stoletiyah. Ocherk 2. // Yuridicheskiy vestnik. Kn.3. - M.: 1885. – 572 s.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРАВО ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

М. В. КИЧА (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)⁵

Османская империя вошла в историю как самое крупное и могуще-ственное мусульманское государство. Она просуществовала более шестисот лет, и её богатая история продолжает вызывать оживлённый интерес исследователей. Особое внимание необходимо уделить правовой системе Порты, поскольку многие её нормы и институты не только распространились практически на весь Ближний Восток и Южную Европу, но и сохранились в новом законодательстве Турецкой республики. Также следует помнить, что формирование османского права произошло именно в Средние века – это обусловило тему данной статьи и актуальность исследования правовой системы Османской империи в целом.

Говоря о средневековом праве Высокой Порты, необходимо выделить основные источники влияния на него. В первую очередь к таковым относится право, сформировавшееся и действовавшее в Арабском халифате (как известно, халифат пал под ударами османов). Следовательно, османское право имело ярко выраженный мусульманский характер и признавало четыре корня, выделенные знаменитым исламским правоведом Абу-Ханифой: Коран (священную книгу мусульман), Сунну (жизнеописание пророка Мухаммеда), иджму (юри-дическую доктрину, разработанную именитыми исламскими учёными-юристами) и кийяс (аналогию права). В Коране содержалось около пятисот аятов, имеющих юридическое содержание, этого было недостаточно для регулирования правоотношений уже в эпоху Раннего Средневековья. Сунна содержала информацию о различных жизненных (в т.ч. правовых) ситуациях и способах их разрешения в описательной, а не в доктринальной форме, от чего, безусловно, страдала конкретика изложения. Появление и применение иджмы и кийяса было обусловлено в первую очередь размытостью мусульманского права, его прецедентным характером и отсутствием какой-либо системы. Такое неоднозначное юридическое наследство получили османские султаны от арабских халифов. Не исключено, что особенности средневекового исламского права в целом послужили одной из причин жёсткой централизации в Османской империи.

Султаны быстро поняли, что для эффективного управления государ-ством необходимо взять право в свои руки. Так начинает развиваться государ-ственное законодательство – уже в XV в. оно занимает доминирующую пози-цию в правовой системе Османской империи.

Нормативные правовые акты Порты делились на три вида:

1) хатты – светские общие законы султана, они могли быть направ-лены как на

⁵**Кича Мария Вячеславовна** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия. Известна своими исследованиями в сфере обычного права и сравнительного правоведения. E-mail: kichamv@mail.ru.

население, так и на османских чиновников;

2) фирманы – указы султана, адресованные бейлербеям (наместникам), великому визирю (премьер-министру) либо дивану (правительству) в целом;

3) ираде – личные указы султана, имевшие характер административного распоряжения [1, с. 132].

Хатты требовали фетвы – религиозной санкции; обычно её давал шейх-уль-ислам – главное должностное лицо Османской империи по религиозным вопросам. Смысл фетвы заключался в том, что светские по своей природе хатты признавались не противоречащими шариату. Фетва представляла собой вопросы имаму и ответы на них, благодаря этой форме происходила конкретизация права, и абстрактные юридические нормы преломлялись к реальной жизни и конкретным жизненным ситуациям.

Со временем светских законов становилось всё больше, и возникла необходимость в их систематизации. Так появились канун-наме (от византийского слова «канон») – сборники османского законодательства. Канун-наме пользовались популярностью: с XV в. султаны активно издавали не только отдельные хатты, но и целые сборники нормативных правовых актов, посвящённые наиболее важным вопросам общественной жизни и государственного управления.

Первым стал канун-наме Мехмеда II Фатиха – султана, в 1453 г. захватившего Константинополь. Систематизация была связана с тем, что Мехмед не обнаружил никаких законов, принятых его предками, и, соответственно, начал издавать свои. Канун-наме Мехмеда II состоял из трёх частей, позже такая форма стала традиционной для подобных сборников: первая часть посвящалась должностным лицам и их полномочиям, вторая – торжественным церемониям, третья – уголовному праву (главным образом в отношении государственных чиновников).

Канун-наме Селима I Явуза свидетельствует о быстром развитии общественных отношений в Османской империи – он включает в себя изменения и нововведения в области уголовного права, а также нормы, регулирующие порядок и принципы налогообложения и владение, пользование и распоряжение земельными наделами. Ключевую роль в формировании средневекового османского права сыграл сын Селима I Сулейман I – в Европе он известен как Великолепный, в то время как поданные окрестили его Кануни – Законодателем. В сборнике Сулеймана впервые в истории Порты закреплялись санкции за все правонарушения, предусмотренные исламским правом, устанавливался порядок назначения телесных наказаний, регламентировались права и обязанности владельцев воинских наделов, принципы и порядок налогообложения, а также правовой статус представителей разных категорий податного населения. Канун-наме Селима I и Сулеймана I отличались довольно высоким уровнем юридической техники – это было достигнуто благодаря активной деятельности Мустафы Челеби, выдающегося османского историка и нишанджи – личного секретаря обоих султанов.

Правление Сулеймана I ознаменовалось ещё одним важным событием – была

проведена масштабная и тщательная кодификация османского и исламского права, уступавшая разве что аналогичной деятельности, осуществлённой за тысячу лет до того при византийском императоре Юстиниане. В данном своде законов переплелись нормы государственного, гражданского, уголовного, административного, семейного, земельного, налогового и прочих важнейших отраслей и подотраслей права. Кодекс Сулеймана получил название «Мултека-уль-усер», что в переводе с арабского означает «Слияние морей» – таким образом, султан хотел подчеркнуть комплексный и универсальный характер данного нормативного правового акта, охватывающего все сферы общественной жизни.

Нормы, закреплённые в Мултека-уль-усер, носили воистину всеобъемлющий характер: они устанавливали правовой статус поданных султана, регулировали отношения между мусульманами и немусульманами и вообще регламентировали все аспекты государственного и социального устройства Порты – от отправления правосудия и порядка сбора налогов до одежды, которую предписывалось носить представителям различных сословий. Мултека-уль-усер действовал в Османской империи вплоть до второй половины XIX в., когда появилась Маджалла (1869 – 1877 гг.) – крупнейшая в истории кодификация мусульманского права, проведённая при султанах Абдул-Азизе и Мураде V. Она состояла из 1850 статей и действовала на территории Турции до 1926 г. Многие нормы кодекса Сулеймана перекочевали в Маджаллу, а оттуда – в законодательство современной Турции и ряда государств Ближнего Востока, включая Ливан, Иорданию, Израиль, Сирию, Иран, Кувейт и Кипр.

Серию традиционных канун-наме продолжил Ахмед I – его сборник законов оказался самым значительным среди всех аналогичных султанских уложений. Канун-наме Ахмеда I состоял из трёх книг и включал в себя нормы, охватывающие все сферы общественной жизни Османской империи. Первая книга делилась на шесть глав и содержала нормы, регулирующие правовой статус лиц государственного и местного управления, а также порядок представления земельных наделов сипахам и прочим представителям разных родов османских войск. Вторая книга состояла из четырёх глав, и её правовые нормы впервые кодифицировали правила дворцовой, внутренней и военной службы, в том числе на флоте. В третьей книге (семь глав) были собраны нормы, регулировавшие финансовые и семейно-брачные правоотношения (включая процедуру развода и санкции за нарушение семейных устоев), преступления и наказания, правовой статус цехов и рыночной полиции.

Каждый султан издавал собственный канун-наме, поскольку считалось, что этот сборник законов действует только до смерти принявшего его правителя. В итоге османские канун-наме составили преемственную линию законодательства.

В период расцвета Османской империи канун-наме представляли собой важнейший источник права, вплоть до того, что в случае противоречия между религиозными нормами, суждениями имамов и хеттами надлежало руководствоваться последними. Данное правило окончательно утвердилось в

середине XVI в., оно означало не только приоритет султанского законодательства над любыми существовавшими нормами и правилами, но и фактическую ведущую роль султана в государственной и общественной жизни Османской империи. Впрочем, так продолжалось недолго: уже в XVII в. возросла значимость норм шариата по сравнению с позитивным правом; в конце XVII в. диван даже предложил отменить все не предусмотренные шариатом либо противоречащие ему налоги и сборы. В XVIII в. султан прямо приказал кади (судьям) назначать за преступления наказания, обусловленные духом и смыслом шариата, и вообще не равнять позитивное право с каноническим [2, с. 245-247].

Таким образом, средневековое право Османской империи развивалось по сценарию, прямо противоположному европейскому – оно прошло путь от приоритета позитивного (султанского) права над каноническим до возвышения религиозного права, в то время как в Европе всё происходило с точностью до наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Imber, C. The Ottoman Empire, 1300-1600: The Structure of Power. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 448 p.
2. Faroqhi, S. The Cambridge History of Turkey: The Later Ottoman Empire, 1603 – 1839. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 625 p.

REFERENCES

1. Imber, C. The Ottoman Empire, 1300-1600: The Structure of Power. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 448 p.
2. Faroqhi, S. The Cambridge History of Turkey: The Later Ottoman Empire, 1603 – 1839. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 625 p.

КОНСТИТУЦІЙНІ ОСНОВИ ЗАХИСТУ ПРАВ ІНВАЛІДІВ В РОСІЇ

А. В. ЛЕБІДЬ (Москва, Російська Федерація)⁶

Становлення конституційних основ захисту прав інвалідів в Російській Федерації відбувалось впродовж багатьох століть і супроводжувалося доволі спірними й болючими процесами.

Вже за царя Федора Олексійовича (старшого брата майбутнього імператора Петра I) у 1682 році в Москві виникли дві богадільні, до кінця століття їх стало близько десяти, а при Петрові I (на 1718 р.) їх було вже 90, в тому числі – відома «Матроська тиша» на річці Яузі.

В 1775 р. Катерина II заснувала прикази громадського піклування (прообрази майбутніх комітетів соціального захисту). При цьому, до влаштування благодійних закладів заохочувалися й приватні особи. Згодом виникло Відомство установ імператриці Марії, а її син Олександр I заснував Імператорське «людинолюбиве» товариство. Тоді ж графом Шереметьєвим був побудований притулок з лікарнею для «сірих і убогих» (нині знаменитий Інститут швидкої допомоги ім. М. В. Скліфосовського). Також при Олександрі I, не отримавши очікуваної підтримки від Наполеона на батьківщині, в Петербург приїхав лікар Гаюї, стараннями якого тут був заснований перший в Росії інститут для сліпих. Це було до Вітчизняної війни 1812 року, а роком пізніше, після її завершення, в столиці на кошти видавця П. Пезаровіуса стала виходити газета «Російський інвалід», яка приділяла увагу насамперед ветеранам воєнних дій і видавалася аж до Жовтневої революції. У Кримську, Російсько-турецьку і Російсько-японську війни стали виникати громади сестер милосердя. Біля витоків першої такої громади – Хресто-Воздвиженської стояли велика княгиня Олена Павлівна і знаменитий хірург М. І. Пирогов. Згодом багато членів цих громад стали членами Товариства Червоного Хреста.

У 1880-их роках поміщиця Анна Адлер влаштувала друкарню для сліпих, де в 1885 році шрифтом Брайля була надрукована перша російськомовна книга. До початку XX століття в Росії вже існувало кілька десятків шкіл для сліпих, тоді ж було засновано журнал «Сліпий». Ще раз підкреслимо: все, що до тих пір робилося для інвалідів, відбувалося за задумами і на кошти державних мужів та громадських діячів, а не самих інвалідів. До них ініціатива перейшла пізніше.

Ситуація докорінно зміниться із встановленням радянської влади. Прийнято вважати, що першими товариствами інвалідів були Всеросійське товариство сліпих (ВТС) і Всеросійське товариство глухих (ВТГ), що виникли у 1925 і 1926 рр., відповідно. Однак ще в грудні 1921 року, на базі створених в кінці Громадянської

⁶ **Лебідь Анна Вікторівна** – провідний спеціаліст Управління інноваційної політики та міжнародного співробітництва Московського державного університету імені М. В. Ломоносова. Займається дослідженнями в сфері конституційного права. Сфера наукових зацікавлень – конституційно-правові основи прав захисту інвалідів в Росії, конституційно-правовий статус дитини-інваліда. E-mail: lebed.ania@yandex.ru.

війни артилей інвалідів, постановою РНК РРФСР було засновано Всеросійське виробничо-споживче об'єднання інвалідів, мета, завдання та структура якого істотно вплинули на формування та розвиток ВТС і ВТГ. Головне його завдання полягало в наданні допомоги інвалідам щодо їхнього працевлаштування шляхом розширення мережі власних артилей і цехів для надомників, а також будівництво дитячих садків, санаторіїв, професійних шкіл і спортивних споруд. Так, зокрема, Всеросійський союз кооперації інвалідів став одним із засновників спортивного товариства «Спартак». Всі питання в ньому вирішувалися демократичним шляхом і право голосу мали тільки інваліди. У довоєнні роки держава спробувала прибрати до рук невеликі підприємства Товариства сліпих, але тоді інваліди змогли їх відстояти.

Сучасна Конституція Російської Федерації формально гарантує рівність прав і свобод всіх громадян, без винятку. Рівність означає, що права і свободи визнаються за всіма людьми, в рівній мірі, не допускається дискримінація в користуванні правами з яких-небудь підстав, залежних від природних особливостей особистості і її соціального статусу. Рівність прав і свобод людини визнається незалежно від статі, раси, національності, мови, походження, майнового і посадового положення, місця проживання, ставлення до релігії, переконань, належності до громадських об'єднань, а також інших обставин [3, с. 10].

Залежно від перелічених вище та інших особистих і соціальних ознак людини їй не можуть бути надані будь-які виняткові привілеї чи допущені обмеження в правах у порівнянні з іншими громадянами. У Конституції РФ встановлено, що забороняються будь-які форми обмеження прав громадян за ознаками соціальної, расової, національної, мовної та релігійної приналежності. Отже, всі права та свободи громадян, що означені в Конституції РФ, поширюються і на інвалідів.

Історично так склалося, що поняття «інвалід» і «інвалідність» в Росії пов'язували з поняттями «хворий» і «непрацездатність». Наслідки таких підходів створювали ілюзію уявного благополуччя, оскільки відносні показники інвалідності на тлі природного приросту населення поліпшувалися, через що реальні стимули до пошуку справжніх причин зростання абсолютного числа інвалідів були відсутні. Лише після 1992 року, коли в Росії відбулось перехрещення ліній народжуваності і смертності, а явища депопуляції нації набули виразного характеру, на фоні стійкого погіршення показників інвалідності, виникли серйозні сумніви в правильності методології статистичного аналізу даного явища. Фахівці довгий час розглядали поняття «інвалідність», відштовхуючись переважно від біологічних передумов, розцінюючи її виникнення в основному як наслідок негативного результату лікування. У зв'язку з цим соціальна сторона проблеми була звужена до непрацездатності, як основного показника інвалідності. Тому головне завдання лікарсько-трудова експертних комісій (ЛТЕК) полягало в тому, щоб визначити, яку професійну діяльність оглянутий не може здійснювати (виконувати), а що може, і визначалося все це на основі суб'єктивних, переважно біологічних, а не соціально-біологічних критеріїв. Природно, поняття «інвалід»

звужувалося до поняття «невиліковно хворий». Таким чином, соціальна роль людини в чинному правовому полі і конкретних економічних умовах відступала на другий план, і поняття «інвалід» не розглядалося з точки зору багатопрофільної реабілітації, що використовує соціальні, економічні, психологічні, освітні та інші необхідні технології.

З початку 90-х років у зв'язку зі складною соціально-економічною ситуацією в країні традиційні принципи державної політики, спрямованої на вирішення проблем інвалідів втратили свою роль і значення та й ефективність. Треба було шукати нові підходи, створювати нове законодавство та приводити закони РФ у відповідність з нормами міжнародного права. В даний час інвалід характеризується як особа, яка має порушення здоров'я зі стійким розладом функцій організму, обумовлене захворюваннями, наслідками травм або якимись фізичними дефектами, що призводить до обмеження життєдіяльності та викликає необхідність її соціального захисту (Федеральний закон «Про соціальний захист інвалідів в Російській Федерації» від 1995 року) [6, с. 1].

Питання законодавчого закріплення права інвалідів на соціальне забезпечення і реалізації державної соціальної політики щодо інвалідів розглядаються в числі найбільш гострих проблем і пріоритетних напрямків сучасного розвитку соціальної сфери в Російській Федерації. Право інвалідів на соціальне забезпечення отримало своє закріплення в Конституції РФ (ст. 39) [3, с. 15]. Дане право торкається життєвоважливих інтересів близько 11 млн. громадян Росії, які є інвалідами, а також значно більшого числа членів їхніх сімей. З метою формування законодавчої бази державної підтримки інвалідів та реалізації останніми конституційних прав, розроблені і введені в дію такі основоположні закони, як «Про соціальний захист інвалідів в Російській Федерації» [6], «Про ветеранів» [7], «Про соціальний захист громадян, які постраждали внаслідок катастрофи на Чорнобильській АЕС» [2], Указ Президента Російської Федерації «Про заходи щодо забезпечення державної підтримки інвалідів» [5].

Важливі аспекти реалізації конституційних прав інвалідів знайшли своє відображення також і в Податковому кодексі Російської Федерації, в Кодексі про адміністративні правопорушення, Містобудівному Кодексі Російської Федерації, Федеральному законі «Про ліцензування окремих видів діяльності» [8]. Прийнятий і введений в дію Федеральний закон, який встановив систему соціальних гарантій для осіб, які постраждали від випробування ядерної зброї на Семіпалатинському полігоні. Ухвалений Федеральний закон «Про внесення змін і доповнень до статей 15 і 16 Федерального закону «Про соціальний захист інвалідів в Російській Федерації» [9], який гарантує створення умов для безперешкодного доступу інвалідів до об'єктів соціальної інфраструктури, користування засобами зв'язку, транспорту, інформації, а також регламентує адміністративну відповідальність за ухилення від виконання вимог щодо створення цих умов.

Основним нормативним актом Російської Федерації, що забезпечує конституційно закріплене право інвалідів на соціальне забезпечення є, згадуваний

вище, Федеральний закон «Про соціальний захист інвалідів в Російській Федерації», прийнятий 24 листопада 1995 року. Слід зазначити, що він має і більш пізні редакції. В його основі – Декларація про права інвалідів, прийнята Генеральною Асамблеєю ООН в 1975 році і стандартні правила забезпечення рівних можливостей для інвалідів, прийняті Організацією Об'єднаних Націй в 1993 році.

Слід виділити три принципові положення, що складають основу зазначеного федерального закону: перше – це наявність в інвалідів особливих прав на певні умови для отримання освіти; забезпечення засобами пересування; наявність права на спеціалізовані житлові умови; першочергове отримання земельних ділянок для індивідуального житлового будівництва, ведення підсобного і дачного господарства та садівництва тощо. Вводяться особливі умови для забезпечення зайнятості інвалідів. Друге положення – це право інвалідів бути активними учасниками всіх тих процесів, які стосуються прийняття рішень щодо їх життєдіяльності, статусу і т.д. Тепер федеральні органи виконавчої влади, органи виконавчої влади суб'єктів Російської Федерації повинні залучати повноважних представників громадських об'єднань інвалідів для підготовки і прийняття рішень, які торкаються інтересів інвалідів. Рішення, прийняті з порушенням цієї норми, можуть бути визнані недійсними в судовому порядку. І третє – закон проголошує створення спеціалізованих державних служб, зокрема, медико-соціальної експертизи та реабілітації.

Основними конституційними засадами і головною концепцією законодавства РФ щодо інвалідів є профілактика інвалідності і реабілітація інвалідів. Саме реабілітація повинна стати інструментом, що усуває або компенсує обмеження життєдіяльності інваліда. Така норма відображена як в документах міжнародного права, так і в російських нормативних актах. Законодавством Росії визнані і гарантуються рівні громадянські, соціальні, культурні та ін. права інвалідів. Тим самим, особливо вразливій частині нашого суспільства дано гарантії соціального забезпечення. Разом з тим, до недоліків даного закону можна віднести відсутність чіткого розподілу повноважень у сфері реалізації права інвалідів на соціальне забезпечення між федеральними органами влади і органами влади суб'єктів Російської Федерації.

Питання дотримання прав інвалідів, дітей-інвалідів, а також їх батьків, осіб, які здійснюють догляд за дітьми – інвалідами та інвалідами з дитинства неодноразово ставали предметом розгляду Конституційного Суду Російської Федерації. Як справедливо відзначав М. В. Вітрук у своїй монографії «Вірність Конституції», не являючись законодавчим органом і не підміняючи законодавця, Конституційний Суд, проте, активно бере участь в законодавчому процесі, формує позитивне конституційне право, сприяє вдосконаленню і розвитку галузевого законодавства [1, с. 226].

З огляду на неоднозначність правозастосовчої практики повсякденного використання та застосування прав інвалідів, до Конституційного Суду Російської

Федерації надходить велика кількість звернень громадян (об'єднань громадян), що стосуються питань соціального захисту інвалідів. Із судової практики нам відомо, що найбільш часто надходять звернення з питань надання інвалідам кваліфікованої медичної допомоги, виділення путівок на санаторно-курортне лікування, надання житлоплощі і земельних ділянок.

Отже, ми можемо констатувати, що правові позиції Конституційного Суду Російської Федерації вибудовуються на основі багатовікового досвіду, набутого правознавцями та правозахисниками не лише Росії, але й інших країн світу. Тим самим вони суттєво впливають на формування системи механізмів захисту трудових прав батьків дітей-інвалідів та осіб, які здійснюють догляд за дітьми-інвалідами, а також гарантування прав на їх державне пенсійне забезпечення [4]. Все це дає нам також підстави стверджувати, що дана проблема потребує подальшого комплексного вивчення та всебічного наукового аналізу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Витрук Н.В. Верность Конституции. Монография. М.: Издательство РАП, 2008.
2. Закон РФ от 15.05.1991 N 1244-1 (ред. от 28.12.2016) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». // www.garant.ru.
3. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М. Юрид. лит. 2009. – 64 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 N 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина О». // www.garant.ru.
5. Указ Президента РФ от 01.07.1996 N 1011 «О мерах по обеспечению государственной поддержки инвалидов». // www.garant.ru.
6. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ. // www.garant.ru.
7. Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 N 5-ФЗ. // www.garant.ru.
8. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ. // www.garant.ru.
9. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнения в статьи 15 и 16 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 08.08.2001 N 123-ФЗ. // www.garant.ru.

REFERENCES

1. Vitruk N.V. Vernost Konstitutsii. Monografiya. M.: Izdatelstvo RAP, 2008.
2. Zakon RF ot 15.05.1991 N 1244-1 (red. ot 28.12.2016) «O sotsialnoy zaschite grazhdan, podvergshihsiya vozdeystviyu radiatsii vsledstvie katastrofyi na Chernobyilskoy AES». // www.garant.ru.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Ofitsialnoe izdanie. – M. Yurid. lit. 2009. – 64 s.
4. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.12.2011 N 28-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti chetvertoy stati 261 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina O». // www.garant.ru.

5. Ukaz Prezidenta RF ot 01.07.1996 N 1011 «O merah po obespecheniyu gosudarstvennoy pldderzhki invalidov». // www.garant.ru.
6. Federalnyiy zakon «O sotsialnoy zaschite invalidov v Rossiyskoy Federatsii» ot 24.11.1995 N 181-FZ. // www.garant.ru.
7. Federalnyiy zakon «O veteranah» ot 12.01.1995 N 5-FZ. // www.garant.ru.
8. Federalnyiy zakon «O litsenzirovanii otdelnyih vidov deyatelnosti» ot 04.05.2011 N 99-FZ. // www.garant.ru.
9. Federalnyiy zakon «O vnesenii izmeneniy i dopolneniya v stati 15 i 16 Federalnogo zakona «O sotsialnoy zaschite invalidov v Rossiyskoy Federatsii» ot 08.08.2001 N 123-FZ. // www.garant.ru.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРВАТСКОГО ГОСУДАРСТВА: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ И. Н. СМИРНОВА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ «РИМ-КОНСТАНТИНОПОЛЬ»

В. М. МЕЛЬНИК (Киев, Украина)⁷

Государствообразующая роль Католической Церкви. Изучение роли Католической Церкви в становлении любого государства требует особого подхода. Когда мы говорим о других религиозных и религиозно-философских системах, то видим, прежде всего, фактор духовного воздействия, который в течение исторического процесса обеспечивал соответствующий уровень духовного сознания. Когда мы обращаем наши взоры на взаимодействие Римо-Католической Церкви с локальными институтами государственной власти, то нам открывается многоаспектное и многогранное явление, которое упрощенно может быть охарактеризовано как наслоение рационального на иррациональное – формализованного на естественное. Исходя из этого утверждения, позволим себе определить Католическую Церковь как институт, основанный на сочетании духовного и юридического. Схожее определение Католической Церкви в украинской литературе было дано ещё украинским юристом, историком Матвеем Стаховым (1895-1978) в обширной монографии «Христова Церковь в Украине» [26]. Норма Божественного Закона Католической Церкви служит источником права позитивного. Не зря религиоведами принято считать Католическую Церковь одной из наиболее институционализированных и формализованных (юридически) институтов мира.

Юридизация духовного института абсолютно не означает её отход от Бога. Напротив, восприятие закона земного как местного отображения Закона Божественного предоставляет Церкви поле для деятельности как в дипломатическом, так и в евангелизационном контекстах [26]. Кроме того, именно попытки осмыслить разновекторные политико-юридические практики различных частей мира способствуют налаживанию экуменического диалога, значение которого стало нарастать после решений Второго Ватиканского Собора (1962-1965).

Известный религиовед, преподаватель Киевской духовной семинарии, автор книги «Религиоведение» В. М. Чернышев подчеркивает: «Организация Католической Церкви отличается строгой централизацией. Если в Православии

⁷ Мельник Виктор Мирославович – главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории», ученый секретарь Международного центра гражданской политологии при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, член Украинской ассоциации внешней политики, член Национального союза журналистов Украины. Исследует политическую антропологию, юридическую историю и международно-правовой статус Ватикана. E-mail: melnyk_science@mail.ru.

Вселенский Константинопольский Патриарх в семье других Патриархов является первым среди равных, то в католическом мире Папа Римский – юридически закрепленный глава этой Церкви, и именно он определяет доктрины по вопросам веры, морали, структурной организации. Его власть выше Соборного Разума Церкви. Когда Папа говорит с кафедры, Его слово является истиной в последней инстанции, уже не предмет обсуждения и полемики, а руководство к действию» [28, с. 218]. Мы же подчеркнем, что окончательное признание за Папой Римским исключительного права на определение доктрины в делах веры, морали и административного управления Церковью произошло в 1870 году согласно решению I Ватиканского Собора, и было подтверждено «Сводом канонического права» (1917 год) во времена Папы Бенедикта XV. В. М. Чернышев цитирует последний документ: «Римский Первосвященник, преемник в примате блаженного Петра, не только имеет первенство чести, но и высшую и полную власть юрисдикции над всей Церковью, как в вопросах, касающихся веры и морали, так и в тех, которые касаются дисциплины и управления Церкви, разветвленной по всему миру» [28, с. 220].

Церковь – это совокупность всех верующих людей, которые руководствуются верой в Иисуса Христа, признанием и соблюдением Закона Божьего, верой в Семь Церковных Таинств и священническую опеку. Церковь состоит из Божественной и человеческой сторон. Упомянутый нами В. М. Чернышев пишет по этому поводу: «Церковь в этом смысле является одновременно и равно Божественным и человеческим обществом в двух планах бытия» [28, с. 185]. Именно централизация и юридизация, на наш взгляд, отличают Церковь от религиозно-философского течения. Церковь и религиозное мировоззрение – далеко не тождественные вещи. Религиозное мировоззрение может развиваться и детерминировать человека вне Церкви. Однако оно лишает человека сакрального ощущения вселенского единства. По сути, религиозное мировоззрение обычно воплощается в религиозно-философских направлениях или в этнических религиях, которые лишают индивида антропологической сверхсоциальной целостности. Церковь, в свою очередь, выступает инструментом создания такой сверхсоциальной идентичности и выполняет дисциплинирующие, нормотворческие в сфере морали и закона функции. Церковь трансформируется в социальной психологии в авторитет-институт [9]. С этого момента, когда Церковь начинает больше влиять на сознание, мысли, поступки людей (относительно государства – граждан), следует говорить о необходимости государственного влияния на Церковь для совместной выработки положительной юриспруденции. Особо подчеркнем, что, на наш взгляд, постоянное взаимодействие Церкви и государства – явление нужное и положительное, учитывая хотя бы социально-психологические и историко-психологические исследования последнего времени [15; 19; 20]. Человеческое сознание по своей природе является сознанием априори зависимым. И пусть лучше оно будет зависимым от Высшего Божественного Закона, чем от светско-государственного принципа «что не запрещено – то разрешено».

Историческая роль Католической Церкви может быть признана неоднозначной с точки зрения светского восприятия исторического процесса. Однако ее роль в морализации целых обществ, евангелизации народов, толковании и решении вопросов закона чрезвычайно высока. Католическая Церковь показала путь народам Западной и Центральной Европы. Путь, на который они стали и проходя который построили собственные государства. Католическая Церковь в течение двух тысячелетий выполняла почетную роль государственного попечителя и законодателя Европы. Вне влияния Католической Церкви не существовало бы ни Священной Римской империи, ни рецепции римского права, ни концепции университетов.

Католическая Церковь распространяла, по определению И. М. Смирнова, «римско-германское право» и контролировала процессы государственного строительства как через исключительное право на толкование Божественного Закона, так и через разветвленный инструментарий дипломатической службы. Католическая Церковь стала первой наднациональной организацией Европы с широкими надгосударственными полномочиями, функциями контроля и вынесения судебных решений. Выступая центральным арбитром в системе международных отношений средневековой Европы, Католическая Церковь дала толчок для формирования норм международного права в том виде, в котором мы их видим сейчас.

Исследование исторической роли католицизма в становлении современного славянства как цивилизационной и этноисторической целостности требует того, что юристы называют «системным подходом». В рамках этого подхода мы должны проанализировать как положительные, так и отрицательные последствия институционального воцерковления в истории каждой конкретной славянской страны. Например, историко-правовой анализ хорватского государственного примера, являющийся нашей непосредственной задачей, оказывается невозможным вне изучения борьбы Византийской империи и Святого Престола за власть над территорией этого славянского королевства. *Борьба между Константинополем и Римом является определяющим фактором средневековой истории Хорватии и всех земель над Адриатическим морем.*

Древнеримский философ Цицерон переводил понятие «religio» как «собрание» [28, с. 14]. В свою очередь римский оратор Лактанций указывал на происхождение термина «религия» от латинского глагола «religare» («связывать», «объединять»). Именно Лактанций писал, что «религия – это союз благочестия человека с Богом». Это определение в качестве рабочей основы перенял и В. М. Чернышев, за что мы должны быть ему благодарны. *Восприятие религии как прежде всего благочестия человеческого в союзе с Божественным позволяет ученым-гуманитариям внутренне (то есть теоретико-методологически) разграничить религию как двуединую в своей основе целостность: 1) союз с Богом; 2) институт.* Это означает, что, рассматривая историческую роль, дипломатическое влияние, юридическое значение каждой конкретной религии на каждую конкретную страну,

мы не должны говорить о положительных или отрицательных последствиях союза с Богом в её истории. Эти последствия и эти качества определяются содержанием и характером индивидуальной веры. Нас интересует именно институциональная основа Церкви и ее антропологическое измерение. Поэтому, когда мы говорим о глобальной или локальной политике такой религиозной институции как Католическая Церковь (или как Константинопольский Патриархат), то не стоит забывать определение, данное В. М. Чернышевым и приведенное нами выше: «Церковь является одновременно и равно Божественным и человеческим обществом в двух планах бытия» [28, с. 185]. Исходя из этого утверждения, можно исследовать церковную историю и церковное право в трех философских измерениях: 1) Божественном; 2) институциональном; 3) антропологическом.

Перспектив хорватской истории через призму католического влияния. Перспектив хорватской истории в обозначенном контексте выглядит следующим образом:

а) *Историческая роль Католической Церкви* характеризовалась отрывом провинций Иллирик и Далмация от Византии и интеграцией сначала княжества (819-925), а затем и королевства (925-1102) в состав Западного мира. Католицизм длительное время оттеснял православие с территории Хорватии. Эта борьба характеризовалась тактическими победами то с одной, то с другой стороны. Например, мы можем говорить о длительной неопределенности по делу патриаршего подчинения иллирийского и далматинского клира в течение всего IX века [11; 14; 27]. До 860-х годов вопрос о разграничении канонической юрисдикции между Римским Патриархатом и Константинопольским Патриархатом (создан в 451 году) не играл никакой роли в политическом диалоге между Востоком и Западом. Византийские императоры, в том числе и кодификатор законодательства Юстиниан I (527-565), видели в римском подчинении западных территорий плацдарм к дальнейшей инкорпорации Италии и Франкии [3; 10]. Именно поэтому Святой Престол получил полную свободу действий на территории современной Хорватии после Ахенского мира (с 807 года Ахен был официальной столицей Франкского государства) между Византией и Империей Карла Великого (810 год) [10; 23]. Во времена князя Трпимира (правил примерно между 845 и 864 годами) впервые была оформлена на программном уровне потребность в геополитической ориентации исключительно на Запад [23]. Очевидно, что создание сильной прозападной партии представителями администрации и латинской иерархии привело к нарастанию внутреннего сопротивления. В 877 году князем стал Здислав, который отменил вассальную зависимость от Германии и объявил себя независимым от власти Византийского императора. При этом на территории Хорватского княжества Здислав провозгласил юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Уже в 879 году Здислав умер. Ослабление восточных союзников и нарастание политической силы Римского Патриархата обусловили провозглашение князем Бранимиром (879-892) решений Здислава недействительными. Хорватское княжество объявило себя вассально независимым от Святого Престола.

Князь Бранимир выступил инициатором (или только дал санкцию) создания Нинского епископства. Очевидно, что это было одной из предпосылок возвращения Хорватии под руку Папы Римского. Нинское епископство подчинялось уже исключительно Римскому Патриархату, но обладало собственной «изюминкой» – славяноязычной литургией. Её институциональное становление в Хорватском княжестве, на наш взгляд, сыграло огромную роль в истории литургии на Балканах вообще. Кроме того, проблема славяноязычной литургии выступает для нас фактором демонстрации позиционного («точечного») отношения Пап к славянскому вопросу. Отдельные Папы относились толерантно или положительно, а некоторые наоборот. В любом случае наличие такой изюминки в руках Нинского епископства сыграло на руку Томиславу Великому в процессе переговоров с Римом о превращении его княжества в королевство. Осуществление последнего в 925 году стоило Хорватии потери Нинского епископства в результате двух церковных соборов в Сплите (925 и 928 годов). В дальнейшем запрет славянского богослужения происходил также на Сплитских соборах 1058-1059 и 1075-1076 годов. В 1058 году Нинское епископство восстановили, но оно уже формировалось заново и с латинизированным клиром в качестве составной части единого хорватского Сплитского архиепископства. Таким образом, Томислав Великий (914-940) потерял относительную церковную самостоятельность, но он добился включения Хорватии в орбиту Западной цивилизации. Хотя Томислава со стороны Константинополя и было признано королем Хорватии и проконсулом Далмации, но в дальнейшем между хорватами и византийцами нарастала только конфронтация. Впрочем, справедливости ради следует подчеркнуть: в 1025-1027 годах именно Томислав Великий спас Византийскую империю от завоевания со стороны болгар под руководством царя Симеона Болгарского (893-927). Василевсом в Константинополе на тот момент был Роман I Лакапин (920-944), а Папой Римским Иоанн X (914-928). Роман I Лакапин обратился к Томиславу с предложением признать его королевский суверенитет над Хорватией в обмен на помощь против болгар. Последние вынашивали планы создания Славянско-Византийской империи с центром в Константинополе, оккупировали значительную часть Балкан и разгромили Сербию. На очереди была Хорватия и военная победа, которую получили войска Томислава над мощной болгарской армией Симеона 27 мая 927 года, обусловила начало конца имперских идей для Болгарии [10; 23].

Примерно в 968-993 годах хорватским королем был Крешимир II Старший, который геополитически пошел на развитие программы князя Трпимира (845-864) и короля Томислава Великого (914-940). Крешимир II Старший ориентировался на Папу Римского и, заручившись поддержкой его легатов, присоединил Боснию, а в 986 году захватил Далмацию [23]. Византийская империя, несмотря на окончательный отрыв от нее Крешимира II Старшего, предоставила Венецианской республике право отвоевать Далмацию у хорватов с возможностью устанавливать там гражданскую администрацию. Венецианский дож Петр II Орсеоло в 991-996 году захватил Далмацию и был признан со стороны Константинополя ее

губернатором – дуксом [14]. Далмация стала центром борьбы между Венецией и Хорватией на долгие годы.

В 1050-1073 годах Хорватией правил король Крешимир IV Петр, в 1058-1059 годах занимавшийся организацией очередного Сплитского церковного собора. В значительной степени на церковных соборах в Сплите обсуждались и вопросы светского внутривластного характера. В 1076 году именно на Сплитском церковном соборе королем был избран один из бывших воевод Крешимира Петра – Дмитрий Свинимир (1076-1089). В значительной степени Сплитское архиепископство занималось также и избранием его преемника, последнего короля Хорватия Стефана II (1089-1090).

Сплитские церковные соборы мы можем охарактеризовать как одновременно внутривластный фактор развития Хорватского королевства и внешнеполитическую инвазию Святого Престола. Последний активно влиял на решение соборов, предоставляя специальные полномочия своим послам – легатам, которые не только контролировали и формулировали сплитские решения, но и председательствовали на соборных мероприятиях. Уже во времена Дмитрия Свинимира (1076-1089) мы можем говорить об абсолютном и бесповоротном переходе всех церковных институтов Хорватии под управление Рима. Это была эпоха достижения Римским Престолом наивысшего пика централизаторской идеологии – время Папы Римского Григория VII Гильдебранда (1073-1085).

Итак, историческое значение Римо-Католической Церкви для хорватов является прежде всего геополитическим по своему содержанию. Хорватия выступала ареной борьбы между католиками и православными, что знаменовало собой самое страшное в истории христианства явление – внутренние раздоры. Подчеркнем также, что изучение исторического значения католицизма в становлении хорватской средневековой государственности невозможно без изучения аналогичного значения православия и всего комплекса византийской культуры.

б) *Дипломатическое влияние Католической Церкви* на Хорватию в княжеские времена определялось потребностью уменьшить сопротивление местных князьков (жупанов) центральной власти для ускорения процесса эвангелизации через централизацию. Кроме того, следует предположить, что легаты Папы Римского вели активные переговоры с византийскими императорами по поводу признания Константинополем перехода провинций Иллирик и Далмация в юрисдикцию Святого Престола [3; 10; 23]. В этих потребностях и этих переговорах выкристаллизовывались и дипломатическая служба Римского Патриархата, и церковное право с обеих сторон, идеи иерархичности, подчинения, подотчетности, что обосновывались теологическими положениями о Божественной гармонии и разумном порядке [22]. Исходя из теории исторической антропологии, отметим, что в процессе воздействия субъекта на объект изменения претерпевает не только объект, но и субъект [19]. Так, в процессе каждого локального дипломатического вмешательства менялись не только векторы развития Хорватии, но и методы деятельности папства.

Хорватский локальный пример для нас интересен его политико-географическим детерминизмом. С одной стороны, Рим как олицетворение Италии. С другой стороны, Константинополь на границе Европы и Азии как сила евразийская (по масштабам, по силе культуры, по глубине мышления). Посередине – Балканы. Большая часть Балканского полуострова находилась под администрацией Византии. Весь полуостров принадлежал Византийской империи номинально. Абсолютное большинство балканских народов подчинялись Константинополю (или Болгарии – в зависимости от времени) в контексте церковной юрисдикции. По сути, по состоянию на середину X века Хорватское королевство выступало на Балканах единственной католической силой. На наш взгляд, этот момент имеет большое значение в целой этнополитической истории славянства [3; 19].

Хорватия стала вассально зависимым от немцев княжеством в 819 году. Именно тогда князь Борна силой оружия раздавил самостоятельное движение славян под руководством Людевита Паннонского. Мы не владеем документально подтвержденными данными о контактах между хорватами и Святым Престолом в этот период. Очевидно, что такие контакты были активизированы в процессе усиления Католической Церкви. Однако в эту же эпоху Святой Престол позиционировал себя в качестве протектора Италии – бывшего сердца Римской империи. Именно этим, на наш взгляд, объясняется вмешательство Рима в первый известный истории конфликт между Хорватией и Венецианской республикой (840-842 годы).

840 год – первая дата в дипломатической истории Хорватского государства. Хотя связана она с курьезной проблемой пиратства на Адриатическом море, но дает много информации по поводу расстановки геополитических сил на Апеннинах и Балканах. Именно тогда к хорватскому князю Моиславу обратились послы Венеции, стремящиеся обеспечить себе возможность свободной торговли. Препятствовали им в этом хорватские и боснийские пираты, терроризировавшие все торговые грузы на Адриатике. Переговоры продолжались два года и только вмешательство Святого Престола, который направил к Моиславу своих легатов, позволило примирить обе стороны. Моислав признал, что пиратство на Адриатическом море находится под его контролем и обязался запретить разбойникам нападения на венецианцев в обмен на выплату Венецианской республикой ежегодной дани Хорватскому князю. На этих условиях в 842 году был заключен договор, растянувший выплату венецианцами дани хорватам на 149 лет (842-991) [14; 23].

Важную роль папские легаты как высший институт тогдашней дипломатии играли во время коронации Томислава Великого в 925 году. Фактически переговоры между Римом и Хорватией продолжались с самого вступления Томислава на княжеский престол (914 год). Именно папские легаты организовывали Сплитские церковные соборы (годы: 925, 928, 1058-1059, 1075-1076) и председательствовали на них. Напомним, что в то время, судьба каждого новоизбранного монарха во многом зависела от признания его со стороны Папы

Римского. Если признание не осуществлялось, то это означало, что государство может быть непризнанным и со стороны других монархий. С другой стороны, Святой Престол вел себя достаточно осторожно в хорватском вопросе, поскольку не желал своими резкими действиями спровоцировать внезапный переход хорватских правителей под протекторат византийского императора [23].

Дипломатическое влияние всегда содержит геополитическую основу и имеет целью достижение юридических договоренностей. Опыт изучения хорватской средневековой истории доказывает, что уже на момент существования Хорватского княжества (819-925 годы) Святой Престол обладал тем, что мы сегодня называем «международной правосубъектностью». Высшая иерархия Католической Церкви пользовалась особым «международно-правовым статусом», использовала нижний клир как своих «агентов влияния», лоббируя через местные церковные соборы принятие необходимых для них решений. Так, например, в 928 году было ликвидировано Нинское епископство, что многими воспринималось как уступка Томислава Великого Папе Иоанну X (860-928) в обмен на королевский титул. Можно критиковать эту уступку с позиций цивилизационного выбора Хорватии, с позиций дальнейшей латинизации хорватского клира и хорватского дворянства. Впрочем, повышение титула хорватского монарха сразу увеличивало политическое значение Хорватского государства на карте Европы. Коронацией Томислава Великого Папа Иоанн X юридически нивелировал формальную зависимость Хорватии от Константинополя. Этой коронацией Святой Престол окончательно оторвал хорватов от Византийской империи. Принятие Томиславом Великим титула «король» от Папы Римского заставило всех других европейских властителей смотреть на Хорватию как на самостоятельное государственное образование. Вхождение Хорватии в семью европейских католических государств состоялось именно в 925 году. Подчеркнем, что это вхождение не было бы возможным без наличия у Святого Престола того комплекса международно-правовых полномочий, который давал ему право на принятие «наднациональных решений» [10; 21; 22; 23].

Можно предположить, что благодаря лоббированию Папы Римского Григория VII Гильдебранда (1073-1085), на Сплитском церковном соборе 1076 года королем Хорватии был избран преданный ему лично воевода Дмитрий Свинимир (Звонимир, правил в течение 1076-1089 годов). Период правления Дмитрия Свинимира стал периодом наибольшего взаимодействия Святого Престола и Хорватии. В плане историко-дипломатическом он также имеет наиболее исследовательских перспектив.

Дипломатическое воздействие Святого Престола на Хорватию было продиктовано его особым международно-правовым статусом. Не меньшее значение имело и использование католического клира, священства как инструмента дипломатии. Святой Престол рассматривал Хорватию в качестве европейского щита на Балканах. Очевидно, что переориентация князя Здислава (877-879) на Константинополь и на православие заставила Рим пересмотреть свое

отношение к славянскому вопросу и относиться к нему более положительно во времена князей Бранимира (879-892), Мутимира (892-914), Томислава Великого (914-940). В годы правления короля Крешимира III (1018-1035) именно католический клир и папские легаты выступали посредниками между Хорватским и Венгерским королевствами. В 1025-1027 годах Крешимир III вступил в военный союз с венграми против немцев. Хотя этот союз и не привел к вооруженному противостоянию Хорватии и Священной Римской империи, но в награду Крешимир III получил от мадьяр часть славянской территории (Славонию). Это выглядело значительной поддержкой для хорватов на фоне постоянных войн с Венецианской республикой за Далмацию, на фоне трагической потери городов Далмации (в том числе Зары, Сплита, Дубровника) в пользу венецианского дожа Петра II Орсеоло в 996 году (во времена довольно неудачного правления короля Држислава – преемника Крешимира II Старшего) [14; 23].

Союз дожа Петра II Орсеоло с Византийской империей, оккупация им Далмации на правах «византийской тэрры» (с разрешения василевса) однозначно не был дружественным актом по отношению к Папе Римскому. Святой Престол видел в поддержке Хорватского королевства и новообразования под названием Мадьярия возможность ослабить Венецианскую республику (союзника Византийской империи), остановить её продвижение в сторону современной Словении и Италии. Вот почему Рим всячески поддерживал союзные отношения между хорватами и венграми. Обе народности отличались воинственностью. Обе народности могли в перспективе уничтожить Венецию и подчинить ее де-факто Святому Престолу. Вокруг решения этой проблемы были сосредоточены все дипломатические потуги и маневры Папы Римского во времена правления Крешимира III (1018-1035), Стефана I Хорватского (1035-1050), Крешимира IV Петра (1050-1073).

Еще при жизни Дмитрия Свинимира (Звонимира) Венеция получила от Константинополя право присоединить Хорватию не как византийскую, а как свою собственную провинцию (1084). Детективная история с убийством короля Дмитрия Свинимира (в 1089 году) и слишком короткое правление Стефана II (1089-1090) ослабили политическую элиту Хорватии. Началась междоусобица. Стремительное падение Хорватского королевства заставило Святой Престол принять меры для недопущения венецианской оккупации. Рим видел больше геополитической выгоды в аннексии Хорватии мадьярами. В 1091 году войска венгерского короля Ладислава захватили часть северной Хорватии с Загребом включительно, где Ладислав создал Загребское епископство (конечно же, на основе санкции Рима). Это было «пробное вторжение». Хорваты продолжали бороться друг с другом, что увеличивало возможность венецианского удара. Именно поэтому в 1102 году Святой Престол закрыл глаза на оккупацию венграми всей территории Хорватского королевства. Венгрия вышла на берег Адриатического моря, активно угрожая Венецианской республике. Формально дело было согласовано как коронация венгерского монарха Коломана королем Хорватии. *Де-юре Хорватия*

оставалась отдельным государством, но де-факто она вошла в состав Венгрии со всеми негативными последствиями. Хорватия как образование политическое прекратила свое существование. Одной из причин её гибели стала именно геополитическая борьба между Римом и Константинополем – тот самый фактор, который вызвал её рождение.

в) **Юридическое значение Святого Престола** в хорватской средневековой истории характеризуется совокупностью его исторических функций и дипломатического воздействия. Католическая Церковь не выступала единственным источником рецепции римского права. Территория Хорватии была частью Римской империи, а затем Византии. Римское частное право здесь скорее вступило во взаимодействие со славянским обычным правом (в VI-VII веках), а затем и с германскими традициями (IX век). Долгое время, ещё со времен законодательной кодификации Юстиниана I (527-565), романское население Иллирика и Далмации пользовалось римским правом, а славянские племена основывались на собственных обычаях [10].

Конечно же, традиционалистская обособленность славянских племен не исключала возможности «точечного» культурного взаимодействия. Не исключено, что вышеуказанный император Юстиниан имел славянское происхождение. Например, И. Н. Смирнов (1856-1904) пишет прямо: «Славянин – Юстиниан ставит задачей своей жизни спасти Империю от рук своих соплеменников» [23, с. 4]. В свою очередь, стоит учитывать и наличие в современной историографии последователей И. И. Соколова (1865-1939), который писал: «Славяне еще в конце V века стали теснить Византию с севера. Их натиск на окраины Империи сменился потом вторжением во внутренние греческие области. Славянский вопрос получил жгучий интерес для Византии. Правительство решило его весьма остроумно и вместе либерально: оно систематически втягивало славян в интересы Империи, предоставив им для оседлого обитания западные и восточные провинции и привлекая на службу в византийской армии. Вековое культурное общение мира славянского и эллинистического привнесло некоторые и славянские элементы в состав византинизма, как это видно, например, из *Земледельческого закона* императора Льва III (717-741)» [24, с. 12]. Славянское влияние на законодательство осуществлялось более всего через сферу культуры. Славянские колонисты на Балканах создали мощный бастион для культурного захвата Византии. Однако эллинистические традиции, как показала история, оказались более стойкими. Славяне влияли на формирование византийского законодательства лишь в некоторых отдельных случаях. Греки же влияли на славянское законодательство постоянно. Сам же И. И. Соколов пишет: «Почти одновременно византинизм испытал натиск и со стороны мира германского, но посредством хитрых приемов византийской дипломатии парализовал это иностранное влияние без всякого ущерба для господствующих эллинистических традиций» [24, с. 12].

В монографии «Очерки по теории социокультурной антропологии» мы уже подчеркивали: право – результат и отображение культурного развития [19]. В

значительной степени право является предметом культурно-исторического анализа [22]. Это подчеркивал еще известнейший украинский историк Иван Крипякевич. Я. Р. Дашкевич в своей великолепной статье «Иван Крипякевич – историк консервативно-государственнической школы» (2000) приводит цитату из очерка Крипякевича «Сравнительная история» (1913): «существующие донныне исторические методы не уступают своё место, но развиваются далее как подготовка к *сравнительной истории*; но к этой истории приходят также вспомогательные дисциплины: психология как основа исторических исследований, политика и наука о государственном устройстве, народное хозяйство и право, искусство и литература, история мировоззрений и науки. Все указанные области должны состоять между собой в постоянной связи, должны сравнивать результаты друг друга, исследования должны в равной мере охватывать как развитие одиночных национальных организмов, так и расследовать универсально-исторические проблемы» [15, с. 489]. Иван Петрович Крипякевич (1886-1967) – профессор, доктор исторических наук, академик АН УССР, автор большого количества фундаментальных научных трудов по истории Украины, истории славянства, всемирной истории. Он был сыном известного галицкого теолога и с юных лет интересовался проблематикой «Рим-Константинополь». Его монография о Галицко-Волынском княжестве, хоть и не была доработана до конца, но содержит большое количество сведений по истории папско-славянских взаимоотношений. Исходя из культурно-исторического подхода Карла Лампрехта (1856-1915), Крипякевич рассматривал формирование политико-правовых институтов у славян. В одной из ранних рецензий («Новые книги по культуре», Иллюстрированная Украина, Львов, 1913) он подчеркивал: «История культуры не должна синтезировать сумму достижений истории литературы, искусства, религии; её задание намного шире – выбирать из имеющегося материала то, что *особенно* характеризует и определяет человека в конкретном контексте. И этот человек должен быть не талантливой единицей, а представителем народных масс» [15, с. 489].

Юридический традиционализм славян выступал одним из факторов их культурного сепаратизма в пределах Византийской империи. Славяне колонизировали Балканский полуостров несколькими волнами. Безусловно, что колонизационные и ассимиляционные процессы происходили и насильно. Славянский элемент вступил в борьбу с романским латиноязычным населением Иллирика, Далмации, Норика. Эта борьба выражалась в том числе и в конфликте правового нормотворчества, правоприменения. В процессе византийской истории римское право постепенно эволюционировало в сторону тесной взаимозависимости с православием. Славяне же держались древнего язычества и правовых традиций общинного типа. Яркий пример тому -общинное землевладение и внутриобщинное судоустройство, проанализированное И. Н. Смирновым: «юго-славянская семья вообще, а в частности семья хорватская (мы должны понимать, что это определение во многом следует распространить на весь

ареал расселения славян во второй половине I тысячелетия нашей эры – В. М.), представляла особый тип сравнительно с тем, который мы замечаем у античных народов и народов германских. Семья не находится в безусловной зависимости от отца семейства и последний не имеет права распоряжаться не только жизнью и смертью своих домочадцев, но даже и имуществом. Письменные памятники, дошедшие до нас из IX-XI веков, дают нам возможность доказать это положение преимущественно в сфере имущественных отношений. В хорватской семье этого периода господствует полная равноправность всех ее членов. Дедина (земля, на которой живет семья) считается общей собственностью. Семья обрабатывает сообща принадлежащую ей землю и живет ею. Без большой необходимости семейная собственность редко отчуждалась. Если обстоятельства требовали отчуждения, то отец семейства должен был получить дозволение домочадцев (всех, включая женщин – В. М.), и только после их согласия произвести отчуждение» [23, с. 98].

Константинополь в значительной степени сам толкнул романское население западных Балкан на сближение с Римским патриархатом. Это произошло тогда, когда Византийская империя в пост-Юстиниановскую эпоху проходила процесс дероманизации. Греческий язык превратился в государственный. Эллинская культура стала средством византийской самоидентификации. Это было не совсем понятно для латинского населения побережья Адриатического моря. Таким образом, в момент, когда пришло войско Карла Великого (800 год), романские граждане не идентифицировали себя с эллино-ортодоксальным мировоззрением Второго Рима, а славянские племена относились к администрации василевса крайне враждебно (хотя они и находились на щедро оплачиваемой императорской службе). Администрация Империи Карла Великого создала выгодные условия для славян. В значительной степени франки сделали ставку именно на хорватов. Последние помогали франкам в подавлении иноплеменных восстаний. Это обусловило прочную имперскую поддержку хорватам, сохранение их традиций, создание на этой основе вассально-зависимого княжества. Так возникло Хорватское государство. Одной из его важнейших задач, на наш взгляд, была девизантинизация Балканского полуострова, создание плацдарма для нажима на восток, попытка побороть ортодоксию не только в религиозно-административном, но и в мировоззренческом контексте (что было характерно для романского клира Далмации). Язычники и их традиции доминировали в Хорватии недолго. Рост международно-правового статуса Святого Престола, повышение внутреннего значения «Ватиканских холмов» в рамках империи Каролингов кардинально изменили ситуацию. Уже во времена князя Трпимира (около 845-864) происходит тотальная христианизация славян Хорватского княжества. Хорватия стремится к инкорпорации преимущественно романской, но де-юре византийской Далмации, а Святой Престол требует взамен за это тотального подчинения Хорватского княжества, становящегося заложником собственной политической стратегии и, как следствие, превращающегося в объект геополитической игры «Рим-

Константинополь» [12; 13; 19; 27].

Святой Престол использовал юридические механизмы как дипломатический инструментарий. То же самое делала и Византия. Например, Византия до 1084 года считала всю территорию Хорватского государства своей провинцией. В зависимости от состояния своих отношений с хорватскими правителями Константинополь мог жаловать им придворные титулы или звания государственных служащих. Например, король Томислав Великий (914-940) в 925 году был признан византийским императором Романом I Лакапином (920-944) проконсулом Далмации. В момент своей конфронтации с королем Крешимиром II Старшим (около 968-993), византийский император Василий II Болгаробойца (963, 976-1025) предоставил венецианскому дожу Петру II Орсеоло звание дукса (дукс, в кодифицированном Юстинианом римском праве означает губернатор) Далмации и передал ему право на вооруженную оккупацию этой провинции. *Фактически славяне в Восточной и Южной Европе находились постоянно между двух огней – Римом и Византией. Они вполне ощущали на себе последствия постоянного изменения отношения Пап и императоров к славянской проблеме.*

С точки зрения историко-юридической Святой Престол сделал очень много для унификации хорватского законодательства. Этот процесс характеризовался заимствованием хорватскими монархами стиля и практики государственного управления у других католических властителей. Начался он в эпоху Трпимира (около 845-864). Особенно Святой Престол активизировал своё влияние во времена князя Бранимира (879-892). Попытки его предшественника – князя Здислава (877-879) вернуться под протекторат византийского императора открыли Риму глаза на необходимость «правильно воспитывать элиты» для того, чтобы такое больше не повторялось. Правильно воспитывать и создавать элиты можно только в условиях систематизации законодательства и системной иерархичности в органах государственной власти. Исходя из этого положения, папские легаты, постоянно находясь при дворе хорватских монархов, приступили к формированию системы государственного управления. Первым шагом было уменьшение влияния местных князьков – жупанов (выборных руководителей общин).

Уничтожение внутреннего автономизма давало возможность свободного правления монархам и обеспечивало их зависимость от римского сюзерена. Работа Католической Церкви проходила в трех направлениях – 1) ликвидация демократических традиций общинного землевладения и общинного устройства, 2) ликвидация демократических традиций выборного управления отдельными регионами, локальными дединами (наследственной общинной землей), 3) уничтожение церковного сепаратизма. Итак, Католическая Церковь выступала проводником феодализации. Однако в хорватском контексте Рим видел потребность в феодализации в пользу одного человека – короля. Стратегического перелома в свою пользу Святой Престол добился только в момент коронации Томислава Великого (925 год). Эта коронация не только ознаменовала конец локальной власти жупанов, но и полностью нивелировала любые надежды на

самостоятельное развитие хорватской церкви. Падение Нинского епископства в 928 году стало следствием трехлетней судебной тяжбы между епископом Григорием и руководством Сплитского епископства. В результате вся территория Хорватии была подчинена Сплитскому архиепископству [23]. На наш взгляд, это имело решающее влияние на унификацию как церковного, так и светского законодательства внутри королевства.

Иван Николаевич Смирнов – учёный. Его концепция. Иван Николаевич Смирнов (1856-1906) известен как историк и этнограф, специализирующийся в двух направлениях – славистике и угро-финских исследованиях. Он окончил историко-филологический факультет Казанского университета (в 1878 году) и, будучи учеником Н. А. Осокина, в 1881 году защитил магистерскую работу под названием «*Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV веков*». После трехлетней работы в итальянских и хорватских архивах Смирнов защитил докторскую диссертацию «*Отношения Венеции к городским общинам Далмации. С 1358 по 1573 годы*» (1886 год). После защиты докторской диссертации Иван Смирнов был назначен ординарным профессором на кафедре всемирной истории историко-филологического факультета Казанского университета.

Казанский университет в годы жизни профессора И. Н. Смирнова был одним из флагманов научной жизни всей Российской империи. Особое значение имеют те источниковедческие и архивные исследования, которые проводились под эгидой кафедры всемирной истории. Смирнов в течение всей своей жизни был «историком точного профиля», считая, что главным для историка есть факт и источник, а не философская интерпретация.

Наряду с этим Иван Смирнов идеологически опирался на **византинизм**, который в это время переживал период своего философского становления. Казанский университет выступал одним из передовых центров российского византизма [17]. В этом плане достаточно назвать имя профессора Ф. А. Курганова. Профессор Г. Е. Лебедева о нем пишет: «Ф. А. Курганов (1844-1920), заслуженный ординарный профессор Казанской Духовной академии и Императорского Казанского университета в своей диссертации «*Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного утверждения характера этих взаимоотношений (325-565 гг.)*» впервые в историографии тщательно проанализировал византийскую каноническую теорию, касающуюся отношений между духовной и светской властью, сделав вывод, что восточная византийская теория заключала в себе идею союза и полного согласия духовной и светской власти и в то же время предполагала для каждой из властей определенную независимость. Далее Ф. А. Курганов обратился к широкому кругу византийских исторических источников IV-VI вв., как церковных, так и светских, и исследовал содержащиеся в них сведения об «исторической жизни Церкви». Таким образом, тезис Ф. А. Курганова о «византийской симфонии», «диархии», или «двуединстве», светской и духовной власти в Византии, противостоял концепции цезарепапизма, преобладавшей в то время на Западе, не на уровне декларации, а доказательно, с предоставлением

материала первоисточников, причем, на основе объективного их анализа» [16, с. 6-7].

Слушая лекции на историко-филологическом факультете Казанского университета, Иван Смирнов воспринял основные положения византизма и, опираясь на них, стал разрабатывать собственную схему истории южных славян. Безусловно, что на него оказали влияние труды Ф. А. Курганова. Отметим, что огромный вклад в становление концепции византизма на территории Российской империи внес также ученик Курганова – профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Иван Иванович Соколов (1865-1939). Он, как и Ф. А. Курганов, рассматривал геополитическую борьбу Святого Престола и Константинополя как войну идей – диархии и цезарепапизма. При этом И. И. Соколов считал, что церковно-императорская диархия регулировалась Божественным правом. Он писал: «Реальным признаком византизма была своеобразная система взаимных отношений Церкви и государства. В противоположность государственному абсолютизму Рима, Византия провозгласила идею соподчинения целей государства и Церкви, теснейший союз между этими двумя учреждениями при юридической независимости того и другого» [24, с. 19]. Разница между византизмом и цезарепапизмом в интерпретации Ивана Соколова состоит в концепции «юридической независимости». Если византизм является попыткой объединить государство и религию духовно, при формальном сохранении административной и иерархической независимости обоих друг от друга, то цезарепапизм – тотальная централизация, объединение всей религиозной и светской власти в руках Римского Понтифика.

Иван Смирнов также следовал этому обоснованию Византии как «оцерковленного государства» [24, с. 54]. Можно даже сказать, что для него близко было утверждение Соколова, сделанное позже в статье «О византизме в церковно-историческом отношении» (напечатана в 1903 году – за год до смерти Смирнова): «Неужели Византия во всем многообразном течении своей церковно-гражданской жизни была государством оцерковленным? Неужели здесь именно и существовало земное Царство Божие? Мы утверждаем это, но только с ограничениями. Утверждаем, прежде всего, что именно Византия впервые выработала систему оцерковленного государства, установила такие принципы личной и общественной жизни, создала такие культурно-исторические идеалы, которые в конечном практическом своем осуществлении и могли бы дать человечеству всегда привлекающее его пресловутое счастье» [24, с. 53-54].

Дальнейшие фундаментальные труды профессора И. Н. Смирнова («Восточные финны: историко-этнографический очерк» в 2-х томах, «Задачи и значение местной этнографии», «Очерк культурной истории южных славян» в 3-х книгах etc) только подтвердили византинистские симпатии Смирнова, проявившиеся ещё в его докторской диссертации. *В качестве дипломной работы за полный курс историко-филологического факультета Смирнов в 1878 году защитил работу «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне», которая была издана отдельной книгой в 1879 году и, наконец, была переиздана в 2016*

году, и на которую мы опираемся в нашем очерке [23].

Так, например, оценивая политику Томислава Великого (914-940), Смирнов пишет: «Благодаря трудам Томислава и его предшественников, Хорватия сделалась самостоятельным государством, королевством. Правда, но только наполовину! Для того, чтобы создать независимое государство, недостаточно назвать тому или другому правителю себя королем; нужно добиться признания этой независимости от соседей; если нельзя этого сделать вдруг, нужно подготовить средства для того, чтобы достигнуть этого признания во всякий данный момент; надо воспитать в народе чувство политической независимости, привести в гармонию интересы трона и народной массы, интересы политические и духовные. Ни того, ни другого не было сделано, несмотря на то, что Томислав видел пред собой прекрасный образец государя, понимающего свои задачи и положение, в лице Симеона Болгарского. Болгария и Хорватия были номинально в числе владений византийского императора. Симеон и Томислав стремились сделать их самостоятельными государствами; оба они получили королевский титул от папы, так как нельзя было добровольно добиться его от византийского императора, – но на этом и кончается сходство их. Симеон не ограничился тем, что папа назвал его королем или царем; он заставил силой византийского императора признать за ним этот титул. Томислав ограничился признанием папы. Результатом этого было то, что Болгария перестала даже номинально считаться в числе византийских владений, а Хорватия навсегда осталась в глазах византийских императоров его тэмой, а хорватский король простым князем-наместником. Этот взгляд на Хорватию рельефно выступает в сочинении Константина Багрянородного, современника Томислава» [23, с. 52].

Мы видим, что для концепции И. Н. Смирнова характерна византийская трактовка, которую он распространяет и на юридические аспекты признания-непризнания государств. Её источник, на наш взгляд, находится в византийской теории «василевс – император всех христиан». Согласно этой теории все государства христианской крови, которые не признаны василевсом, являются его «тэмами» (историческими землями, провинциями).

Развивая свой взгляд, Смирнов пишет: «Продолжая эту параллель, мы должны заметить, что и относительно внутренней политики Симеон и Томислав резко расходятся. Симеон, несмотря на то, что получил королевский титул от папы, остался вне всякой зависимости от него в церковных вопросах своего государства. Век Симеона – блестящий век болгарской письменности, век полного развития того, что было посеяно славянскими апостолами. Томиславу гораздо дороже обошелся союз с Римом: он привел к торжеству католицизма и романства, к разрыву с народом. Созданное Томиславом государство носило уже в себе зародыш разложения; этим зародышем является рознь в стремлениях трона и народа, в интересах политических и духовных. Томислав забыл о народе и его потребностях; он построил государственное здание на союзе с Римом и романством. На долго ли, это показала история. Преемникам Томислава предстояла задача исправить его ошибку, сблизиться с народом, но мы увидим, что они пошли

не по этой дороге» [23, с. 52-53].

Интерес к хорватским исследованиям остался у Ивана Смирнова на всю жизнь. Именно хорватам была посвящена его первая книга и *одним из важнейших акцентов этой насыщенной архивными ссылками и источниковедческими экскурсами монографии стала проблематика дипломатической игры между католическим Римом и православным Константинополем за религиозный и политический контроль над Хорватией.*

Приведем теперь **общую схему исторического процесса средневековых хорватов по И. Н. Смирнову.** До 800 года территории Далмации и Иллирика, переживая процесс колонизации славянами, принадлежали Византии. В 800 году их захватили войска Карла Великого. Именно этот момент служит отправной точкой в процессе окатоличивания Хорватии. Она входит в геополитическую орбиту западного мира (который Л. Гумилев называл «Христианским миром» в противовес «Византийскому востоку»). Независимость Хорватии И. Н. Смирнов связывает с князем Борной, который получил от Каролингов в 819 году титул князя-вассала в обмен на помощь в подавлении восстания паннонского князя Людевита. И. Н. Смирнов считает, что первые дипломатические контакты между Папой Римским и Хорватским княжеством следует отнести к 840-842 годам. В 840 году князь Моислав стал терроризировать Венецию пиратскими нападениями на торговые корабли, что привело к установлению мира между Венецией и Хорватией на основе выплаты венецианцами последним ежегодной дани. Опираясь на архивные источники, И. Н. Смирнов считает, что этот мир был установлен при посредничестве легатов римского папы Григория IV (827-844).

В течение 877-879 годов хорватский князь Здислав попытался вернуться под протекторат Византии и провозгласил о восстановлении православия в Хорватии (возврат в лоно Константинопольского Патриархата). Однако уже в 879 году при поддержке иерарха созданного в этом же году Нинского епископства Феодосия, князь Бранимир (879-892) переходит в вассалитет к Папе Римскому. В 925 году хорватского князя Томислава (914-940) короновали римские легаты по специальному приказу Папы Иоанна X (914-928). Следствием была отмена славянской литургии и уничтожение на основе церковно-судебного решения Нинского епископства на Сплитских церковных соборах 925 и 928 годов.

Огромное значение Папа Римский играл также в Сплитских церковных соборах 1058-1059 и 1075-1076 годов, которые сыграли решающую роль в окончательном разрыве (теперь уже духовном) Хорватского королевства с Византией. Результатом этого было установление вечного мира между хорватским королем Дмитрием Свинимиром (избран прямо на Сплитском соборе в 1076 году и правил до 1089 года) и Папой Римским Григорием VII Гильдебрандом (1073-1085). Король Свинимир признавал себя «вечным вассалом» и «рабом» Папы Римского, а Хорватию называл «не королевством, а леном папским». В результате такой политики Свинимира Византия, до сих пор не расстающаяся с надеждой восстановить духовную власть над Хорватией, передала все права на эту

«провинцию» Венецианской республике (1084).

После смерти Папы Григория VII интерес Рима к Хорватии уменьшился, и в конце концов королевство было оккупировано и уничтожено венграми в 1102 году под руководством короля Коломана.

Общие выводы и перспективы дальнейших исследований в контексте концепции И. Н. Смирнова. *Изучение роли Римско-Католической Церкви в психологическом, политическом и юридическом аспектах истории Хорватского государства имеет колоссальное значение для осмысления традиционных условий международного диалога на Балканах сегодня.* Фазы активации и затухания конфликтных ситуаций являются обычным условием существования государственных и этнических организмов на полуострове. В процессе распада Югославии в течение 1990-2000-х годов огромное (если не определяющее) значение имели межконфессиональные отношения, реальные и искусственные осложнения в системе взаимоотношений между католиками, православными и мусульманами, которые вместе творили единую политическую общность – «югославянскую» (пользуясь сербохорватским определением). К сожалению, современная монографическая литература уделяет мало внимания тем политико-историческим и религиозно-политическим примерам, позволяющим осмыслить и проанализировать с позиций философии истории и философии права значение церковной институционализации (и воцерковления в целом) в истории того или иного государства. Нам необходимо возвращаться в прошлое и читать классиков. *Ординарный профессор кафедры всемирной истории Казанского императорского университета, автор многочисленных работ в области славистики и угро-финских исследований Иван Николаевич Смирнов (1856-1904) был именно тем человеком, который циклом хорватских исследований сумел продемонстрировать роль Католической Церкви как института прежде всего дипломатического и юридического в становлении отдельно взятой славянской государственности.* Профессору Смирнову принадлежит первенство в фактологическом обосновании исследовательского треугольника «Церковь-Государство-Дипломатия» на материале славянского государственного контекста. И, на наш взгляд, наиболее содержательной, наиболее продуманной с точки зрения историко-философского анализа является его монография «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне» (1879) [23]. В общем, монографическая концепция профессора И. Н. Смирнова заключается в следующей схеме: 1) первоначальная византийская сущность Хорватии; 2) сохранение Византией за собой права на Хорватию как на лен; 3) основание Хорватии в 819 (как княжества), и в 925 годах (как королевства) в качестве вассально-зависимой страны; 4) борьба Католической Церкви за латинизацию хорватов посредством уничтожения Нинского славяноязычного епископства; 5) безоговорочное признание королем Дмитрием Свинимиром (1076-1089) Хорватии леном Папы Римского, который хорватские короли только получают из его рук; 6) потеря Хорватией независимости в 1102 году в результате венгерской оккупации, спровоцированной

антиславянскими тенденциями в среде высшего клира Католической Церкви после смертей выдающегося Папы Григория VII Гильдебранда (1073-1085) и последнего хорватского короля Стефана II (1089-1090).

Особенность исторического процесса хорватского этноса в условиях средневековой государственности заключалась в бесконечном пребывании между двух огней – Римом и Константинополем. Для Ивана Смирнова характерна мировоззренческая симпатия к Византийской империи и к византизму как идеологическому явлению. Однако мы должны подчеркнуть, что И. Н. Смирнов не выходит за пределы фактологической базы и признает наличие как положительных, так и отрицательных для Хорватии действий и решений с обеих сторон. До 800 года территория Хорватии (провинции Иллирик и Далмация) на вполне законных основаниях входила в состав Византийской империи. После потери этих территорий в пользу империи Карла Великого (по Ахенскому миру 810 года), *Византия не признала потери своих исторических прав на указанные провинции. Так был создан важный прецедент международного права, который, во-первых, активно использовался византийцами на Балканах вплоть до 1453 года; во-вторых, заставлял Рим идти на уступки Константинополю в других регионах для укрепления своего влияния в пределах приадриатических территорий Балканского полуострова.* Хорватское государство было основано в 819 году именно с помощью Империи Каролингов и в обмен на масштабную помощь хорватов немцам-франкам в борьбе против сепаратистских вооруженных выступлений славянского князя Людевита Паннонского. Хорватия была учреждена в виде вассального (зависимого от германских императоров) княжества во главе с назначенным с санкции немецкого императора князем. Первым таким князем и основателем хорватской государственности стал князь Борна (819-821). Его вассальная зависимость и верная служба немцам создали хорватам положительный имидж на политической карте Европы. Хорватское княжество было постепенно окатоличено. *Борьба между католицизмом и православием стала смыслообразующей особенностью исторического процесса Хорватского государства, растянувшейся от 819 до 925 года.* В 877 году к власти пришел князь Здислав (877-879), что в последний раз в хорватской истории попытался вернуть хорватов на восток и возобновил деятельность ортодоксальной иерархии в своем государстве, объявил о ленной зависимости от византийского императора. Его преемник – князь Бранимир (879-892) сразу после смерти Здислава вернулся под протекторат Запада, но главным протектором стал считать уже не немецкого императора, а прямо Папу Римского. Бранимир сделал ставку также на славянскую литургию (идеи и формы ее хорваты переняли в богослужениях св. Кирилла и св. Мефодия) и создал отдельное от латинской (мы бы даже сказали «реликтивно-староримской») Сплитской епископии Нинское епископство во главе с епископом Феодосием. Наибольшее развитие славянизированный католический обряд достиг во времена правления князя Мутимира (892-914) и был уничтожен по наущению Сплитского духовенства на Сплитском церковном соборе 928 года в эпоху первого

хорватского короля Томислава Великого (914-940). *Получение Томиславом короны от легатов папы Римского с молчаливого согласия византийского императора, по сути, является самым успешным в хорватской истории примером дипломатического взаимодействия и с Римом, и с Константинополем одновременно.* Не стоит забывать и о получении Томиславом звания «проконсул Далмации» от византийского василевса. После смерти Томислава Великого в историю хорватов, как прежде всего народа славянского, начинают вторгаться кровавые междоусобицы, а политический процесс с эволюционного процесса совершенствования искусства государственного управления превращается в борьбу за власть. В течение 991-996 годов Хорватия ведет затяжную войну с Венецией, в результате которой, после смерти князя Крешимира II Старшего (около 968-993), венецианский дож Петр II Орсеоло оккупировал присоединенную Томиславом и Крешимиром Далмацию, ссылаясь именно на *византийское историческое право*. В дальнейшем особенно положительную роль в истории Хорватии сыграл лояльный к славянам Папа Григорий VII Гильдебранд, смерть которого в 1085 году совпала с окончательной передачей Византией своего исторического права на всю Хорватию венецианцам (1084). *Следствием персональной зависимости хорватских королей от воли Папы Римского и латинизации хорватского населения стала, по мнению И. Н. Смирнова, оккупация Хорватии мадьярами в 1102 году.*

Итак, взгляды И. Н. Смирнова можно охарактеризовать следующим утверждением: Католическая Церковь выступила деструктивным фактором, который помешал хорватам сделать правильный цивилизационный и геополитический выбор. На наш взгляд, важным с точки зрения истории и философии юриспруденции в целом и философии и истории международного права в частности является использование работ И. Н. Смирнова на хорватскую тематику как демонстрации зарождения (в том числе и на основе хорватского прецедента!) *исторического права определенного государственного образования на определенную территорию*. Заслуга Смирнова состоит в том, что он, указывая дальнейшим исследователям правильную дорогу, относит формирование этого исторического права в указанную эпоху к компетенции религиозно-политического противостояния Рима и Константинополя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. / В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.): Доклады советской делегации. Отдельный оттиск. — М.: Наука, 1973. — 18 с.
2. Акимова О. А. История Хорватии в трудах Ю. В. Бромлея. / О. А. Акимова. // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология (1960-1990-е гг.). — М.: Наука, 2003. — с. 242-249.
3. Алимов Д. Е. Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII-IX веках. / Д. Е. Алимов. — СПб: Нестор-История, 2016. — 380 с.
4. Бромлей Ю. В. Ієрархія історико-культурних спільностей – основні риси й тенденції

- динаміки. / Ю. В. Бромлей. // Народна творчість та етнографія. — №6. — 1980. — с. 20-32.
5. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1981. — 390 с.
6. Бромлей Ю. В. Брак и семья у народов Югославии: опыт историко-этнографического исследования. / Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба. — М.: Наука, 1982. — 239 с.
7. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
8. Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1987. — 334 с.
9. Вернадский Г. Начертание русской истории. / Г. Вернадский. — Москва: Алгоритм, 2008. — 336 с.
10. Войтович Л. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики. / Л. В. Войтович, А. М. Домановський, Н. Б. Козак, І. М. Лильо, М. М. Мельник, С. Б. Сорочан, О. В. Файда. За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. — Львів: Видавництво «Апріорі», 2011. — 880 с.
11. Gracanin Hrvoje. Juzna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4 do konca 11 stoljeca). / Hrvoje Gracanin. — Zagreb: Plejada, 2011. — 455 s.
12. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. / Л. Н. Гумилев. — Л.: Наука, 1990. — 278 с.
13. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. / Л. Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 736 с.
14. Dalmatia. / Handbooks prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. No 11. General Editor G. W. Prothero. — London: Published by H. M. Stationery Office, 1920. — 92 pp.
15. Дашкевич Я. Р. Постаті: Нариси про дічів історії, політики, культури. / Я. Р. Дашкевич, Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. — 3-тє вид., доповн. — Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. — 924 с.
16. Лебедева Г. Е. И. И. Соколов об извечной проблеме церковной византистики: Вступительная статья. / Г. Е. Лебедева. // Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843-1453 г.). Вселенские судьи в Византии. / И. И. Соколов. — СПб: «Издательство Олега Абышко», 2003. — с. 5-10.
17. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. / К. Н. Леонтьев. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. — 280 с.
18. Мельник В. М. Ранняя этническая история южных славян. / В. М. Мельник, Е. В. Шишкина. — Запорожье, 1978. — 98 с.
19. Мельник В. М. Нариси з теорії соціокультурної антропології. / В. М. Мельник. — Вінниця: ТОВ «Вінницька міська друкарня», 2015. — 552 с.
20. Мельник В. М. Теоретична конструкція політичної антропології. / В. М. Мельник. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. — К.: Видавництво «Гілея», 2016. — Випуск 113 (10). — с. 348-359.
21. Мельник В. М. Теория международно-правового статуса Ватикана. / В. М. Мельник. // «Conceptul de dezvoltare a statului de drept în Moldova și Ucraina în contextul proceselor de eurointegrare», conferință internațională științificopractică. (2016 ; Chișinău). Conferința internațională științifico-practică «Conceptul de dezvoltare a statului de drept în Moldova și Ucraina în contextul proceselor de eurointegrare», 4-5 noiembrie 2016 / com. org.: V. Bujor (preș.) [et al.]. — Chișinău : Iulian, 2016 (Tipogr. «Cetatea de Sus»). — p. 303-306.
22. Мельник В. М. Еволюція міжнародно-правового статусу Ватикану: історія,

сьогодення, українські акценти. / В. М. Мельник. – Вінниця: ТОВ «Меркьюрі-Поділля», 2017. – 192 с.

23. Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне. / И. Н. Смирнов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 136 с.

24. Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843-1453 г.). Вселенские судьи в Византии. / И. И. Соколов. – СПб: «Издательство Олега Абышко», 2003. – 272 с.

25. Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов. / С. М. Соловьев. — М.: Астрель, 2003. — 511 с.

26. Стахів М. Христова Церква в Україні: 988-1596. Нарис історії Української Католицької Церкви. / М. Стахів. — Львів: Видавниче підприємство «Стрім», 1993. — 586 с.

27. Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. / В. И. Фрейдзон. – М.: Издательство Алетей, 2001. – 318 с.

28. Чернышев В. М. Религиоведение. / В. М. Чернышев. – М.: Общество Любителей Православной Литературы, Издательство имени святителя Льва, Папы Римского, 2010. – 336 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. P. K voprosu o roli avtohtonogo naseleniya v etnogeneze yuzhnyih slavyan. / V. P. Alekseev, Yu. V. Bromley. // Istoriya, kultura, etnografiya i folklor slavyanskih narodov. VII mezhdunarodnyiy s'ezd slavistov (Varshava, avgust 1973 g.): Dokladyi sovetskoy delegatsii. Otdelnyiy ottisk. — M.: Nauka, 1973. — 18 s.

2. Akimova O. A. Istoriya Horvatii v trudah Yu. V. Bromleya. / O. A. Akimova. // Akademik Yu. V. Bromley i otechestvennaya etnologiya (1960-1990-e gg.). – M.: Nauka, 2003. – s. 242-249.

3. Alimov D. E. Etnogenez horvatov: formirovanie horvatskoy etnopoliticheskoy obschnosti v VII-IX vekah. / D. E. Alimov. – SPb: Nestor-Istoriya, 2016. – 380 s.

4. Bromley Yu. V. Ierarhiya istoriko-kulturnih spIlnostey – osnovnI risi y tendentsIyi dinamIki. / Yu. V. Bromley. // Narodna tvorchi ta etnografiya. — #6. — 1980. — s. 20-32.

5. Bromley Yu. V. Sovremennyye problemy etnografii. / Yu. V. Bromley. — M.: Nauka, 1981. — 390 s.

6. Bromley Yu. V. Brak i semya u narodov Yugoslavii: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya. / Yu. V. Bromley, M. S. Kashuba. – M.: Nauka, 1982. – 239 s.

7. Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa. / Yu. V. Bromley. — M.: Nauka, 1983. — 412 s.

8. Bromley Yu. V. Etnosotsialnyie protsessyi: teoriya, istoriya, sovremennost. / Yu. V. Bromley.— M.: Nauka, 1987. — 334 s.

9. Vernadskiy G. Nachertanie russkoy istorii. / G. Vernadskiy. — Moskva: Algoritm, 2008. — 336 s.

10. Voytovich L. V. Istoriya VizantIyi. Vstup do vizantinIstki. / L. V. Voytovich, A. M. Domanovskiy, N. B. Kozak, I. M. Lilo, M. M. Melnik, S. B. Sorochan, O. V. Fayda. Za red. S. B. Sorochana i L. V. Voytovicha. – LvIv: Vidavnitstvo «AprIorI», 2011. – 880 s

11. Gracanin Hrvoje. Juzna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4 do konca 11 stoljeca). / Hrvoje Gracanin. – Zagreb: Plejada, 2011. – 455 s.

12. Gumilev L. N. Geografiya etnosa v istoricheskij period. / L. N. Gumilev. – L.: Nauka, 1990. – 278 s.

13. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus i Velikaya Step. / L. Gumilev. — M.: Ayris-press, 2011. —

736 s.

14. Dalmatia. / Handbooks prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. No 11. General Editor G. W. Prothero. – London: Published by H. M. Stationery Office, 1920. – 92 pp.

15. Dashkevich Ya. R. Postati: Narisi pro diChiv Istoriyi, politiki, kulturi. / Ya. R. Dashkevich, Lvivske viddilennya IUAD Im. M. S. Grushevskogo NANU. — 3-tE vid., dopovn. — Lviv: Literaturna agentsiya “Piramida”, 2016. — 924 s.

16. Lebedeva G. E. I. I. Sokolov ob izvechnoy probleme tserkovnoy vizantinistiki: Vstupitelnaya statya. / G. E. Lebedeva. // Sokolov I. I. O vizantinizme v tserkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbranie patriarhov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka (843-1453 g.). Vselenskie sudi v Vizantii. / I. I. Sokolov. – SPb: «Izdatelstvo Olega Abyishko», 2003. – s. 5-10.

17. Leontev K. N. Vizantizm i slavyanstvo. / K. N. Leontev. – M.: Izdatelstvo Sretenskogo monastyirya, 2010. – 280 s.

18. Melnik V. M. Rannaya etnicheskaya istoriya yuzhnykh slavyan. / V. M. Melnik, E. V. Shishkina. – Zaporozhe, 1978. – 98 s.

19. Melnik V. M. Narisi z teoriyi sotsiokulturnoy antropologiyi. / V. M. Melnik. – Vinnitsya: TOV «Vinnitska miska drukarnya», 2015. – 552 s.

20. Melnik V. M. Teoretichna konstruktsiya politichnoyi antropologiyi. / V. M. Melnik. // Gileya: naukoviy visnik. Zbirnik naukovih prats. — K.: Vidavnistvo “Gileya”, 2016. — Vipusk 113 (10). — s. 348-359.

21. Melnik V. M. Teoriya mezhdunarodno-pravovogo statusa Vatikana. / V. M. Melnik. // «Conceptul de dezvoltare a statului de drept în Moldova și Ucraina în contextul proceselor de eurointegrare», conferință internațională științificopractică. (2016 ; Chișinău). Conferința internațională științifico-practică «Conceptul de dezvoltare a statului de drept în Moldova și Ucraina în contextul proceselor de eurointegrare», 4-5 noiembrie 2016 / com. org.: V. Bujor (preș.) [et al.]. – Chișinău : Iulian, 2016 (Tipogr. «Cetatea de Sus»). – p. 303-306.

22. Melnik V. M. Evolyutsiya mlzhnarodno-pravovogo statusu Vatikanu: Istoriya, sogodennya, ukraYinski aktsenti. / V. M. Melnik. – Vinnitsya: TOV «MerkyurI-Podillya», 2017. – 192 s.

23. Smirnov I. N. Oчерk istorii Horvatskogo gosudarstva do podchineniya ego Ugorskoj korone. / I. N. Smirnov. – M.: Knizhnyiy dom «Librokom», 2016. – 136 s.

24. Sokolov I. I. O vizantinizme v tserkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbranie patriarhov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka (843-1453 g.). Vselenskie sudi v Vizantii. / I. I. Sokolov. – SPb: «Izdatelstvo Olega Abyishko», 2003. – 272 s.

25. Solovev S. M. Nablyudeniya nad istoricheskoy zhiznyu narodov. / S. M. Solovev. — M.: Astrel, 2003. — 511 s.

26. Stahiv M. Hristova Tserkva v UkraYinI: 988-1596. Naris Istoriyi UkraYinskoYi KatolitskoYi Tserkvi. / M. Stahiv. — Lviv: Vidavniche pidpriEmstvo “StrIm”, 1993. — 586 s.

27. Freydzon V. I. Istoriya Horvatii. Kratkiy oчерk s drevneyshih vremen do obrazovaniya respubliki. / V. I. Freydzon. – M.: Izdatelstvo Aleteyya, 2001. – 318 s.

28. Chernyishev V. M. Religiovedenie. / V. M. Chernyishev. – M.: Obschestvo Lyubiteley Pravoslavnoy Literaturyi, Izdatelstvo imeni svyatitelya Lva, Papyi Rimskogo, 2010. – 336 s.

РЕКОНСТРУКЦІЯ ЗВИЧАЄВОГО ПРАВА СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ СКАНДИНАВІЇ ЗА МАТЕРІАЛАМИ ІСЛАНДСЬКИХ САГ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМИ

В. Б. КІОРСАК (Львів, Україна)⁸

Звичаєве право в Скандинавії є важливим структурним елементом середньовічного права Європи, оскільки сягало своїми коренями традицій давньогерманського права та мало суттєвий вплив на генезу правової системи Руської держави та окремих країн Західної Європи.

При цьому, на відміну від Русі, писемних джерел, які б ілюстрували суспільне життя Скандинавських королівств є доволі багато. Більшість з цих джерел датуються більш пізнім часом, оскільки латинська абетка була пристосована до давньоскандинавської мови лише в XI ст. Звісно, що інформацію з цих джерел не можна сприймати дослівно, оскільки такі свідчення є ретроспективними і відображають скоріше атмосферу того часу, в якому вони творились, аніж того, про який говорить автор [14, с. 18-20]. Однак, часто в основі саг, особливо легендарних, лежали епічні твори, які побутували досить довгий час в усній формі і базувались на реальних історичних подіях [9, с. 125-129].

Для нас важливим є аналіз ставлення середньовічних скандинавів до тих чи інших злочинів на ментальному рівні. Ці уявлення дуже добре ілюструють міфологічні твори. В одному з розділів «Поетичної Едди» («Розмови Високого») зустрічаємо настанови від імені верховного скандинавського бога Одина. Через призму цих побажань можемо репрезентувати своєрідний «моральний кодекс» тогочасних людей. Так, в одному з віршів Один не рекомендує глумитись чи ображати своїх гостей щоб не нажити гнівних ворогів. При цьому в тексті зазначається, що чвари часто виникають серед друзів на бенкетах. Тож: «Чоловік не повинен ні на хвилю відходити від зброї, оскільки не знає коли на шляху йому спис знадобиться» [3, с. 192].

«Поетична Едда» вихваляє мудрість та розсудливість людини, наголошує на повазі до інших, культивує доброту та щедрість. В той же час Один під кенінгом «Високий» закликає чоловіків не надто довіряти іншим людям, особливо тим, хто має репутацію злочинця, «називати злі вчинки злими та мститись за зло негайно» [3, с. 200-201].

Помста в свідомості давніх скандинавів займала надзвичайно важливе значення. Суспільство через суворі кліматичні умови повинно бути максимально згуртованим для досягнення спільних цілей. Ядро суспільства – рід. Мав місце в скандинавському суспільстві і розвинений культ предків. Про людину зазвичай

⁸Кіорсак Владислав Борисович – студент історичного факультету Львівського національного університету імені І. Я. Франка, голова Львівського медієвістичного клубу. Досліджує ісландські саги, середньовічну історію Скандинавії, «хозарське питання». E-mail: vlad.kiorsak@gmail.com.

судили з огляду на те, ким були її батьки та родичі [15, с. 76].

Образа члена клану автоматично ставала образою цілого клану. Найпоширенішою формою відплати за вбивство людини була негайна помста членів його роду. Зазвичай така помста тягнула за собою чергову помсту і ворожнеча могла затягуватись на декілька поколінь, оскільки якщо родич не відомщений – це сприймалось як ганьба для всієї родини [5, с. 93-94]. Загалом це була епоха сили, саме вона визначала авторитет і суспільне становище людини. В «Сазі про названих братів» згадується епізод, в якому один з героїв Торгейр вимагав виплатити грошову компенсацію за вбивство батька, а після відмови він просто пронизав списом вбивцю [7, с. 122].

Писемних джерел юридичного характеру дохристиянського часу майже не збереглось. Найдавніші пам'ятки, які містять згадки про відносини норманів вірогідно були написані рунами. В письмових джерелах, зокрема в Поетичній та Прозовій Едді Снорі Струлуссона, згадуються так звані *malrunar*, або промовисті руни. В «промовах Сігрідріви», що є частиною Старшої Едди написано, що їх складають на тінгу, де люди творять правосуддя [3, с. 285]. Сучасні дослідники вважають, що промовисті руни мали юридичний характер і були поширеними на тінгах в дописемний період у віршованій формі [23, с. 133].

Найстарішим правовим рунічним написом є напис на залізному кільці в парафіяльній церкві Форса в провінції Хельсінгланд, що на півночі Швеції. Цей напис містить релігійні правила, які регулюють церковну десятину, надання притулку, незаконне скасування богослужіння. Датувати цей напис надзвичайно складно. Очевидно напис відноситься до періоду християнізації країни. Однак самі літери є доволі архаїчними. Вони синхронні з написом на камені з провінції Остерготланд датованого близько 800 р. [17, с. 28]

З контексту саг дізнаємось, що в різних провінціях, навіть в межах однієї країни закони могли суттєво відрізнятись, що призводило до виникнення непорозумінь. Вже наприкінці XI – на початку XII ст. публікуються перші збірники провінційного права. До сьогодні тривають суперечки про те, якою мірою вони відображають звичаєве право періоду Епохи вікінгів і який ступінь впливу на них римського та канонічного права континентальної Європи [18, с. 435].

В Норвегії перші записи провінційних законів були зроблені в XI ст. Вони були затверджені на тінгах чотирьох областей: Фростатінг, Гулатінг, Ейдсватінг та Боргартінг [16, с. 92]. В період правління короля Магнуса Хаконарсона (1238-1280), який отримав прізвисько «виправник законів» була проведена правова реформа, метою якої була уніфікація законів всіх територіальних одиниць. Так було створено Ландслов – збірник законів, який був своєрідним симбіозом давніх норвезьких приписів та європейського права [1, с. XLIX].

На основі норвезького права сформувалось ісландське право (пізніше оформлене у звід законів, який відомий тепер як *Gragas*, створений на початку XII ст.) [19, с. 1- 3]. На думку Джессі Байока корпус ісландських законів був архаїчнішим, оскільки зумів законсервувати більш ранні форми звичаєвого права

[2, с. 467-468].

Наприкінці XII ст. почався запис датського права. Тут, як і в інших скандинавських країнах право кодифікувалось в межах територіальних областей, яких в Данії було три: Скандія, Зеландія та Ютландія [10, с. 499].

Пізніше сформувалось право Швеції, оскільки саме Швеція найдовше зберігала свою політичну роздробленість. Тут мешкали етнічні шведи та гаути. Кожна етнічна група мала свої закони. У шведів було п'ять провінційних законів, у гаутів чотири. Найранішим записаним кодексом був Вестготалаген, який почав формуватись в середині XIII ст. Приблизно в той самий час був оформлений ще один кодекс Гуталаген, що регулював правові відносини на острові Готланд, який не входив до юрисдикції Швеції. Більшість текстів були написані латиною, що свідчить про міцні західноєвропейські впливи на правову культуру [10, с. 495].

Абсолютно всі збірники юридичних норм в Скандинавії писались під впливом християнської традиції континентальної Європи тому надзвичайно важко викристалізувати з усього масиву юридичних текстів архаїчні норми скандинавського звичаєвого права Епохи вікінгів. Для цього варто звернутись по допомогу до ісландських саг, які не брешуть про речі які були не на першому плані, такі як побут, світогляд та суспільне життя. Світогляд середньовічного скандинава, особливо в Ісландії, ще довго залишався язичницьким, тому крізь призму скандинавських саг можна спробувати відтворити деякі нюанси звичаєвого права в Скандинавії в Епоху вікінгів.

Найбільшу цінність для дослідження правових відносин в скандинавському суспільстві мають «саги про ісландців». Ця група саг описує життя та побут в тодішній Ісландії і не рідко основним об'єктом такого твору є ворожнеча окремих сімей, яка закінчувалась судовою тяганиною [4, с. 143-142].

Ще в давньогерманських законах покарання за вбивство визначалось як виплата компенсації родині загиблого. Ця норма була обов'язковою і в середньовічному суспільстві Епохи вікінгів. Сума, яку мав оплатити обвинувачений в сагах вказується по-різному. Так, в «Сазі про Гунлауга Зміїного Язика» згадується інцидент в якому головний герой вдарив пастуха який взяв без дозволу його коня, пастух впав без пам'яті і його господар вимагав у Гунлауга грошову компенсацію. Той запропонував йому марку срібла, але на думку господаря цього було мало [22, с. 9]. За матеріалами різних саг вергельд за вбивство вільної людини складав 100-120 ейрірів срібла [13, с. 655]. Однак, як бачимо з саг, цієї норми не так часто дотримувались. Кровна помста була найпоширенішим способом відплати за вбивство. Більшість законів дозволяли вбити злодія на місці скоєного злочину. Промовистим є епізод «татру про Фроді», в якому сини загиблого конунга Хальвдана мстяться за вбивство свого батька підпаливши палати вбивці, коли той спав [23]. В «Сазі про Олава Трюгвассона» описано, що в Хольмгарді (Новгороді) панував такий непорушний мир, що згідно закону, будь-хто, хто вбив людину мав негайно бути вбитий сам [6, с. 166]. Помста була частиною свідомості тодішніх людей, адже в цьому суспільстві честь була

найдорожчою цінністю людини. Суспільство будувалось на принципі авторитету, тому будь-яка образа розцінювалась як посягання на честь людини і єдиним способом виправдати себе була негайна помста кривднику.

Помста провокувала іншу помсту і часто зупинити війни між родинами могли лише місцеві громади, на чому акцентують саги. Вже в пізніший час в Ландслові вбивство як помста за вбитого злочинця класифікувалось як ганебний злочин, який не можна було спокутувати шляхом вергельду [20, с. 44-45].

Найпоширенішим типом покарання за вбивство чи інші серйозні злочини було проголошення людини поза законом. Фактично це означало, що вбивство цієї людини не буде каратись. Саги рясніють подібними згадками. Так, в «Сазі про Хрольва Пішохода» згадується епізод в якому син конунга у своїй мандрівці зустрівся зі злочинцем, якого його батько проголосив поза законом і намагався помститись за це [12]. Часто люди поза законом намагались таємно переїхати в інші землі і ставали героями саг як видатні мандрівники чи морські конунги. В «Сазі про людей з лососевої долини», після вбивства людини, Грім проголошений поза законом і був змушений переховуватись в горах весь час свого покарання [11]. В тій же сазі описана страта людини за безчесний вчинок. При цьому надзвичайно важливо було прийняти смерть з гідністю і поводити себе як належить чоловікові [11].

В «Сазі про Вольсунгів» змальовано ситуацію в якій Сігі, особа знатного походження вбив раба і був проголошений, – «Þá kalla þeir hann varg í véum, ok má hann nú eigi heima vera með feðr sínum» [24, с. 1], – поза законом. Цьому повідомленню суперечать численні згадки про вбивство рабів, які відкуповувались за ціною худоби. В іншому епізоді «Саги про людей з лососевої долини» згадувалось про вбивство вільновідпущеника, який помилково поселився на землі іншої людини. Вбивця був виправданий, оскільки скоїв злочин на своїй землі [11].

Паралельно з цим, на матеріалі саг можна прослідкувати процес інтеграції в скандинавське звичаєве право елементів європейського права. Ісландія є своєрідним феноменом поміж інших європейських держав, оскільки в ній не було централізованої влади монарха, а основні повноваження знаходились в руках протодемократичних інтиститутів на кшталт тінгу [2, с. 272-273].

У «Сазі про людей з піщаного берега» описуються суперечки двох людей. В одного з персонажів саги Торбйорна вкрали коней. Він прибув до Тораріна з метою обшуку його дому. Тоді Торарін запитав, чи є в них відповідний дозвіл на обшук, свідки а також чи обшукували вони вже інші місця. Торбйорн сказав, що немає сенсу обшукувати інші місця. Після цього Торарін відмовився дати дозвіл на обшук і Торбйорн призначив суддями шість людей, які прибули з ним. Це був один з різновидів приватних судів за межами тінгу. Якби інша сторона визнала цей суд вона також би мала представити своїх шість суддів. Однак Торарін відмовився і накинувся зі зброєю на суддів. В результаті цієї сутички був вбитий Торбйорн і всі його люди [8, с. 39-40].

Загалом «Сага про людей з піщаного берега» містить надзвичайно багато

прикладів судових справ ісландців. Одним з найцікавіших таких прикладів є епізод судової тяганини Торгерд з вбивцею її чоловіка. У судовому засіданні на місцевому тінгу брали участь представники родин обох сторін. Ці сторони мав очолити один з старших членів сім'ї, який безпосередньо відповідав від імені своєї родини. На прохання Торгерд очолити цю тяганину жоден з її родичів не погоджувався, після чого їй порадили розкопати могилу свого чоловіка дістати звідти його голову та звертатись до родичів: «Ця голова не ухилялась би від помсти за тебе якщо б це знадобилось». Після цього судовий процес очолив її родич, а за смерть чоловіка родина отримала велику компенсацію [8, с. 57-59].

Як бачимо, середньовічна скандинавська правова система є надзвичайно складною і важко відокремити пізніші нашарування та впливи європейського права. На жаль, джерел з історії цього питання, які б були сучасними Епосі вікінгів ми не маємо, тому змушені вибирувати інформацію по крупицях та просіювати її через сита достовірності. Дана розвідка є лише спробою побіжного огляду даного питання та постановки проблеми дослідження правової системи Північної Європи крізь призму свідомості середньовічної людини. Корпус ісландської середньовічної літератури є необмеженим і дослідження цих питань видаються нам надзвичайно актуальними, оскільки реконструкція звичаєвого права Скандинавії цілком може пролити світло і на деякі аспекти звичаєвого права на Русі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Агишев С. Ю. «Земский закон» (Ландслов) Магнуса Исправителя Законов: утраченное единство? / Сергей Юрьевич Агишев. // Vox Medii Aevi. – 2015. – №2. – С. XLIX-LXXXIX.
2. Байок Д. Исландия эпохи викингов. / Джесси Байок. – Москва: Астрель: Corpus, 2012. – 914 с.
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – Москва: Художественная литература, 1975. – 749 с.
4. Гуревич А. Я. История и сага. / Арон Яковлевич Гуревич. – Москва: Наука, 1972. – 202 с.
5. Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. / Арон Яковлевич Гуревич. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 352 с.
6. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. / Татьяна Николаевна Джаксон. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 779 с.
7. Исландские саги Том 1. – Москва: Языки славянской культуры, 2000. – 655 с.
8. Исландские саги. Том 2. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
9. Мельникова Е. А. Германский героический эпос в средневековой Скандинавии: актуализация традиции. / Елена Александровна Мельникова. // Самые забавные лживые саги. Сборник статей в честь Г. В. Глазыриной. – 2012. – с. 122–137.
10. Прицак О. Й. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (Крім ісландських саг) Т.1. / О. Прицак. – К.: Обереги, 1997. – 1084 с.
11. Сага о людях из Лососьей Долины [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу:

<http://norse.ulver.com/src/isl/laxdaela/ru.html>.

12. Сага о Хрольве Пешеходе. *Göngu-Hrólfs saga* [Электронный ресурс]. // Водолей. – 2008. – Режим доступа до ресурсу: <http://norse.ulver.com/src/forn/gonguhrolf/ru.html>.

13. Сванидзе А. А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. / Аделаида Анатольевна Сванидзе. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 800 с.

14. Стеблин-Каменский М. И. Саги как исторический источник. / М.Стеблин-Каменский // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. – Москва: Наука, 1978. – с. 18–28.

15. Успенский Ф. Б. Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии. / Ф. Б. Успенский — М.: Форум: Неолит, 2015. — 256 с.

16. Brink S. Law and legal customs in Viking Age Scandinavia. / Stefan Brink // *The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century An Ethnographic Perspective.* / Stefan Brink. – Woodbridge: Boydell Press, 2002. – P. 117–129.

17. Brink S. Law and society: politics and legal customs in Viking Scandinavia. / Stefan Brink. // *The Viking World* / Stefan Brink. – London and New York: Routledge, 2008. – P. 23–32.

18. Brink S. The creation of a Scandinavian provincial law: how was it done? / Stefan Brink. // *Historical Research.* – 2013. – №86. – С. 432–442.

19 *Laws of Early Iceland: Gragas I.* – Winnipeg: University of Manitoba Press, 2007. – 281 p.

20. *Magnus Lagabøters landslov.* – Oslo: Universitetsforl, 1970. – 206 s.

21. Mees B. Weaving words: Law and performance in early Nordic tradition. / Bernard Mees. // *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik.* – 2013. – №70. – P. 131–150

22. *The Saga of Gunnlaug Serpent-Tongue.* – London, Edinburgh, Paris: Thomas Nelson & Sons, 1959. – 119 p.

23. Tunstall P. The Saga of Hrolf Kraki and his Champions [Электронный ресурс]. / Peter Tunstall // *Northvegr.* – 2005. – Режим доступа до ресурсу: <https://web.archive.org/web/20100908084159/http://www.oe.eclipse.co.uk/nom/Hrolf%20Kraki.htm>.

24. *Völsunga Saga.* – London: Nelson: Thomas Nelson and Sons, 1965. – 219 p.

REFERENCES

1. Agishev S. Yu. «Zemskiy zakon» (Landslov) Magnusa Ispravatelya Zakonov: utrachennoe edinstvo? / Sergey Yurevich Agishev. // *Vox Medii Aevi.* – 2015. – #2. – S. XLIX-LXXXIX.

2. Bayok D. Islandiya epohi vikingov. / Dzhessi Bayok. – Moskva: Astrel: Corpus, 2012. – 914 s.

3. Beovulf. Starshaya Edda. Pesn o Nibelungah. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 749 s.

4. Gurevich A. Ya. Istoriya i saga. / Aron Yakovlevich Gurevich. – Moskva: Nauka, 1972. – 202 s.

5. Gurevich A. Ya. Izbrannyye trudyi. T. 1. Drevnie germantsyi. Vikingi. / Aron Yakovlevich Gurevich. – Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. – 352 s.

6. Dzhakson T. N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoy Evrope. Teksty, perevod, kommentariy. Izdanie vtoroe, v odnoy knige, ispravlennoe i dopolnennoe. / Tatyana Nikolaevna Dzhakson. – Moskva: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2012. – 779 s.

7. *Islandskie sagi Tom 1.* – Moskva: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2000. – 655 s.

8. *Islandskie sagi. Tom 2.* – Moskva: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2004. – 608 s.

9. Melnikova E. A. Germanskiy geroicheskiy epos v srednevekovoy Skandinavii: aktualizatsiya

- traditsii. / Elena Aleksandrovna Melnikova. // Samyie zabavnyie Izhivyye sagi. Sbornik statey v chest G. V. Glazyirinoy. – 2012. – s. 122–137.
10. PrItsak O. Y. Pohodzhennyya RusI. StarodavnI skandinavskI dzhherela (KrIm Islandskih sag) T.1. / O. PrItsak. – K.: Oberegi, 1997. – 1084 s.
11. Saga o lyudyah iz Lososey Dolinyi [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu do resursu: <http://norse.ulver.com/src/isl/laxdaela/ru.html>.
12. Saga o Hrolve Peshehode. Göngu-Hrólf's saga [Elektronniy resurs]. // Водолей. – 2008. – Режим доступа до ресурсу: <http://norse.ulver.com/src/forn/gonguhrolf/ru.html>.
13. Svanidze A. A. Vikingi – lyudi sagi: zhizn i nrayi. / Adelaida Anatolevna Svanidze. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 800 s.
14. Steblin-Kamenskiy M. I. Sagi kak istoricheskiy istochnik. / M.Steblyn-Kamenskiy // Ryidzevskaya E. A. Drevnyaya Rus i Skandinaviya IX-XIV vv. – Moskva: Nauka, 1978. – s. 18–28.
15. Uspenskiy F. B. Lyudi, tekstyi i veschi. Iz istorii kulturyi srednevekovoy Skandinavii. / F. B. Uspenskiy — M.: Forum: Neolit, 2015. — 256 s.
16. Brink S. Law and legal customs in Viking Age Scandinavia. / Stefan Brink // The Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century An Ethnographic Perspective. / Stefan Brink. – Woodbridge: Boydell Press, 2002. – P. 117–129.
17. Brink S. Law and society: politics and legal customs in Viking Scandinavia. / Stefan Brink. // The Viking World / Stefan Brink. – London and New York: Routledge, 2008. – P. 23–32.
18. Brink S. The creation of a Scandinavian provincial law: how was it done? / Stefan Brink. // Historical Research. – 2013. – №86. – С. 432–442.
- 19 Laws of Early Iceland: Gragas I. – Winnipeg: University of Manitoba Press, 2007. – 281 p.
20. Magnus Lagabøters landslov. – Oslo: Universitetsforl, 1970. – 206 s.
21. Mees B. Weaving words: Law and performance in early Nordic tradition. / Bernard Mees. // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. – 2013. – №70. – P. 131–150
22. The Saga of Gunnlaug Serpent-Tongue. – London, Edinburg, Paris: Thomas Nelson & Sons, 1959. – 119 p.
23. Tunstall P. The Saga of Hrolf Kraki and his Champions [Elektronniy resurs]. / Peter Tunstall // Northvegr. – 2005. – Режим доступа до ресурсу: <https://web.archive.org/web/20100908084159/http://www.oe.eclipse.co.uk/nom/Hrolf%20Kraki.htm>.
24. Völsunga Saga. – London: Nelson: Thomas Nelson and Sons, 1965. – 219 p.

ПОЛІТИЧНІ ПАРАДИГМИ ВЧЕННЯ СВЯТОГО АВГУСТИНА: СПІВВІДНОШЕННЯ “ЦЕРКВА-ДЕРЖАВА” І ПРОБЛЕМА “ПАНУВАННЯ- ПІДКОРЕННЯ” В СУСПІЛЬСТВІ

В. О. САСІН (Київ, Україна)⁹

*«Дві любові – це ті, що створили обидва Гради: самозакоханість, аж до
зневаги до Бога, земного Граду і любов до Бога, аж до самозневаги,
Граду Божого...»
Святий Августин «Про Град Божий»*

Святий Августин – одна з найвизначніших постатей епохи Середньовіччя та історії загалом. Прекрасний богослов, ритор, філософ, мислитель, він – один із найвагоміших Отців християнської церкви, шанований як католиками і православними, так і протестантами. Як зазначає В. П. Андрущенко: «Праці Августина – «Сповідь» та «Про Град Божий» – встановлювали своєрідні канони філософування християнства. Їх розглядали як зразок теоретичного мислення, як скарбницю найузагальненіших ідей, що дають можливість досягнути велич Бога як вихідного й кінцевого продукту людських суджень та дій» [3, с. 108].

Августин також є автором і таких праць, як «Про велич душі», «Про Трійцю», «Про свободу волі» тощо. Саме в них філософ обґрунтував розв’язання найактуальніших проблем для того часу – про Бога та душу людини, про вічність й час, про добро і зло, про пізнання та волю, про віру й розум. Віддаючи пріоритет «Богу» та «вірі», Августин разом з тим пам’ятає й про людину, її реальне життя, прагнення та інтереси. Це було першим новим кроком у філософському обґрунтуванні християнства. Попередники Августина до «людського» торкалися лише поверхово. Головну увагу вони зосереджували на «Божому». Августин же, в свою чергу, поєднав «побутово-людське» та «божественне» в єдине ціле [3, с. 109]. Ці погляди торкнулися і політичної складової вчення Августина про два Гради, державу, природу суспільства і т.д., а тому й важливо з’ясувати прогресивність поглядів Августина щодо співвідношення Церкви і Держави, природи панування, які, в свою чергу, стали стрижневими для політичної думки Середньовіччя.

Перед початком аналізу проблеми, згадаємо ідеї та думки мислителів доавгустинівського часу про співвідношення держави і Церкви. У ранній період існування християнства були сформульовані принаймні дві крайні позиції з питання про відносини між Церквою та державою. Одну з них представляв

⁹ Сасін Владислав Олександрович – студент відділення політології філософського факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка, член Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка. Спеціалізується на вивченні історії і теорії політичної думки, досліджує церковно-державні відносини та історію Української Православної Церкви. E-mail: vsasin@bk.ru.

Кіпріян Карфагенський, який стверджував, що порятунку немає не тільки поза віри Христової, а й стояв на тому, що поза Церквою, бо «не може досягти Царства Божого той, кого покинула Церква, призначена панувати». Виступаючи за одностайність не тільки релігійну, а й соціальну, він проголошував невірною людину ворогом як Церкви, так і держави. З його точки зору, Церква займає певний політичний простір, вимагаючи повної лояльності щодо себе як носія святості та непогрішності, причому лояльності вищого порядку, ніж щодо держави: проти Церкви всі ті, хто не за неї, тоді як за державу всі ті, хто не проти державності. Домагання держави і Церкви прямо протилежні, на додаток до цього цей дуалізм є непорушним та сталим.

Інша позиція була виражена Євсевієм Кесарійським, придворним істориком імператора Костянтина, автором першої «Історії Церкви». Євсей висловив ідею, що християнство було підготовлене усім попереднім розвитком культури. На його думку, держава в особі Римської імперії виступає як знаряддя божественного провидіння і призначене для порятунку людства й побудови Царства Божого на землі. Доля Церкви й держави нероздільні, і в перспективі гряде повне об'єднання духовної та світської інституцій.

Саме святий Августин спробував примирити та пом'якшити ригоризм раннього християнства з його очікуванням кінця світу та Страшного суду. Він розумів, що Церква має постулювати і вирішити для себе проблему панування, яка не може бути знята одним тільки покладанням надії на пришествя Христа, оскільки Церква виступає вже як інституційний чинник тривалої дії. Тому він прагне уникати як крайнощів жорстокого протиставлення Церкви і держави Кіпріяна, так і теократичного ототожнення їх Євсевієм й константинопольськими теологами. І хоча Августина не можна вважати політичним мислителем у власному розумінні цього слова, але все ж таки проглядається виокремлення двох найважливіших проблем світоглядно-політичного характеру: по-перше, питання про те, як можливе співіснування Церкви і держави, що знайшло своє відображення у вченні святого Августина про два Гради; по-друге, проблеми стосовно панування в її теологічно-філософському та політико-правовому вимірі.

З наведеного вище епіграфу робимо висновок, що істина людського існування реалізовується не в обох античних філософах (Платон, Аристотель) державах-полісах, а в християнській кафоличній релігії та Церкві. Досконалість людини не в тому, що вона є (знову ж таки за античною традицією) суспільною істотою, а в тому, що вона є індивідуальною істотою, що реалізує божественне провидіння. Праведне буття людини – не політичне, але релігійне, що виражається в безпосередньому відношенні людини до Бога і любові Бога до неї.

Щодо самої людини Августин ставився як до створіння Божого. Але той гріх, який вчинили перші люди – Адам та Єва, а також гріх братовбивства Каїна, дає Августинові можливість дійти до того висновку, що рід людський: «...ми розділяємо на дві частини: на тих людей, що живуть мирськими потребами, та на тих, що живуть за Божим покликом. Ці дві частини ми назвали двома Градами,

тобто двома спільнотами людей, з яких одній призначено царювати з Богом навіки, а іншій – піддатися вічним мукам з дияволом» [1, с. 705].

При подальшому аналізі твору «Про Град Божий» бачимо, що Августин в своїй концепції історії людства вважає усі соціальні, державні та правові установи наслідками гріховності людини, він підкреслює, що «великий злочин», що його вчинили Адам та Єва, від яких походить увесь людський рід, призвів до того, що «змінилась в гіршу сторону сама природа людини, яка передала разом з першородним гріхом неминучу смерть... громадян земного граду народжує зіпсована гріхом природа, а громадян Небесного Граду народжує благодать, яка звільняє природу від гріха; тому-то ті називаються посудиною гріха Божого, а інші – посудиною милосердя» [1, с. 708]. В цьому августинівському погляді щодо людства, як протилежних форм спілкування, простежується вплив минулих концепцій, таких як: вчення Платона про існування в державі двох «держав» («держави бідних» та «держави багатих»), уявлення стоїків про два поліси (окрему державу та про космічний поліс); маніхейської ідеї про боротьбу двох початків (божественного та диявольського).

Природно усталений порядок земного життя Августин критикує з релігійно-ідеалістичних позицій божественного порядку та його земного прообразу, який представлений в житті «обраних» та їхніх спільнот (Християнської Церкви). Цей гріховний порядок світу носить умовно-часовий характер та продовжиться до другого пришествя Христа та Судного дня, коли буде встановлене Царство Небесне, добродішні отримають «ангельське життя», а нечестиві будуть піддані «другій смерті», бо всі люди воскреснуть, але не всі зміняться.

Разом з тим, поки ще не прийшов очікуваний час, Августин захищає земні соціально-політичні порядки, правда із застереженням, щоб не чинили перепон християнству та Церкві; в іншому випадку (тобто при антихристиянських політико-правових порядках) влада перетворюється в насилля та панування шайки розбійників. «Отже, цей небесний Град, поки знаходиться в земних мандрах, закликає громадян з усіх народів та збирає мандруючу спільноту, не звертаючи увагу на розбіжності у мові, традиціях, законах та установах, якими мир земний встановлюється чи підтримується; нічого з останнього не скасовуючи, а, навпроти, зберігаючи та дотримуючись усього, що хоча й у різних народів є відмінним, рухається до однієї мети земного світу, якщо тільки не суперечить релігії, яка вчить величати єдиного та найвищого Бога» [1, с. 1038].

Однак було б спрощенням ототожнювати Град Божий з Церквою, а Град земний – з державою (Римською імперією). Церква – земне втілення Граду Божого, але Град Божий не є тотожним земному образу Церкви точно так само, як Римська імперія не може бути ототожнена з Градом земним, державою проклятих і приречених. Августин прагне уникнути крайнощів. Тому відразу відмовляється від дихотомічного протиставлення і теократичного ототожнення двох сторін проблеми. Сенс його вчення полягає у тому, що жоден з двох Градів звести до якогось зовнішнього інституту не можна, так як Град земний та Град Божий є

абстрактними одиницями, які не представлені у конкретиці певної держави й навіть самої християнської Церкви. Межа, що розділяє обидва Гради невидима, вона належить духовному порядку. Град земний – це зіпсована частина людства, яка забула про своє духовне покликання і звернулась до самообожнення. Град Божий включає в себе тих, хто присвятив себе істині і чеснотам як в лоні Церкви, так і поза Нею. Царство гріха і Царство блага нерозривно пов'язані, громадяни обох Градів зовні не відрізняються один від одного, і приналежність до того чи іншого Граду незримо обумовлена Богом.

Таким чином, Августин формулює характерну для всієї середньовічної філософії ідею релігійної громади надприродної сутності, складеної з тих, кому належить долучитися до Божого Граду і хто прямує до цієї мети під керівництвом Церкви. «...Бо кожна частина, яка не узгоджується з цілістю, гідка...» [6, с. 56]. Ця ідея соціального цілого, що визначається загальним прийняттям однієї істини і загальної любові до спільного блага, знаходила своє відображення і в античних філософів (Платон), але була видозмінена та модифікована Августином наданням їй трансцендентального характеру.

З точки зору Августина, держава має співіснувати з Церквою, як і навпаки, Церква з державою мусить перебувати у гармонійному зв'язку, адже від цього залежить добробут суспільства, а отже, і кожного окремого громадянина загалом. Цей принцип існування та взаємодії став ключем до вирішення проблеми, яку порушили Кіпріян Карфагенський та Євсевій Кесарійський. Але все ж таки, панування середньовічного релігійного світогляду та вчення Амвросія, який, в свою чергу, навернув Августина до християнства, стали причинами визнання Августином верховенства Церкви над державою. Він часто вказує в своїх творах на те, що Церква була полоненою та такою, яка була змушена коритися законам, нав'язаним людською владою, але в той же час, Августин визнає право держави на підтримку Церкви та втручання в боротьбу з еретиками. До обов'язків християн перед християнським правителем належить лояльність, а до обов'язків Церкви – бути вчителем народу, наставницею людських чеснот та проповідником «духу» братерства. Слід зауважити, що концепція Августина передбачала й незалежність світського уряду, допоки він діє в рамках своєї юрисдикції.

В цілому суспільство Божих обранців – при всій принциповій опозиційності до порядків та традицій Граду земного – все ж таки було, за концепцією Августина, спроможним жити з останнім заради використання «земного світу» та заради укорінення «цілковитої згоди у розумінні необхідності та неминучості». «...Цар має право в тій державі, в якій панує, видавати якесь розпорядження, якого ніхто перед ним ані він сам ще не видавав, і підкорення тому розпорядженню не суперечить суспільним засадам цієї держави, ба, більше, сам непослух був би порушенням прав, бо послух своїм володарям – це загальна умова людського суспільства... Більше в усіх розпорядженнях треба без сумніву і вагань підкорятися Богові, Володареві всього Всесвіту! Бо як у ієрархії людської суспільності вища влада поставлена над нижчою, щоб та їй корилася, так само Бог стоїть понад

усім...» [6, с. 56].

Що ж до проблеми панування, то при вирішенні цієї проблеми Августин виходив з християнської антропології, відмінної від антропології античної. Панування в його теорії виступає не як природний, від початку життя властивий людині та суспільству феномен, але як руйнування свободи людини. «За природою, з якою Бог спочатку створив людину, нема раба в людині або гріха» [1, с. 1095]. Наділена розумом і створена за подобою Божою, людина повинна панувати лише над нерозумною «твар'ю», тобто не людина над людиною, а людина над твариною. Людина створена як істота, що володіє здібностями до пізнання, волею, і, головне, прагненням до свободи. На відміну від платонівсько-аристотелівської традиції, Августин розрізняє дві природи – до гріхопадіння і після нього. Природа людини деформована, розірвана гріхом. У своїй роботі «Про свободу волі» він прямо вказує на двояке вживання слова «природа»: у власному розумінні воно характеризує природу людини, якою людина була створена з початку, у другому ж значенні це слово постає як опис стану, в якому опинилася людина внаслідок свого первісного гріхопадіння і понесення нею покарання, коли вона стала смертною, неосвіченою та підлеглою тварним інстинктам [2]. Тобто після гріхопадіння людина вже не здатна слідувати голосу розуму: вона бачить добро і прагне до нього, але творить зло і нерозуміння. Для Платона причина зла закорінена в незнанні добра: хто пізнає благо, той і творить його. Для Августина ж зло – не незнання, але наслідок вибору, доброї чи злої волі: воно виростає з волі, але не з природної необхідності та обумовленості. Отже, тільки після першого гріхопадіння, вчиненого людиною проти Божого порядку і волі, панування стає необхідним елементом життя, найважливішою складовою його гріховної природи, причому це не стає панування розуму людини над вадами та пороками, а панування людини над людиною. Тому панування одного над іншим та рабство є правомірним, хоча і суперечать «першій» природі людини. Вони являють собою свого роду перехідний стан до такого стану справ, коли усунеться несправедливість, зникне людське насильство і Бог стане «все в усьому». Істинно вільною людина може стати тільки завдяки милості Божій.

Держава ж як частина земного порядку підпорядкована порядку небесному. А оскільки після гріхопадіння розколотим виявляється не тільки приватне життя, але і весь світ людського буття, то досягнення досконалості і гармонії в рамках людської держави є неможливим, в ньому панують розбрат і грізність через прагнення кожного задовольнити свої особисті мирські потреби. Земна держава може претендувати тільки на те, щоб створити умови для недосконалого, швидкоплинного світу. У такій державі людина може пережити лише миттєве щастя, але до вічності та до спасіння кожного громадянина держава не має ніякого відношення.

Отже, основний висновок політичної антропології Августина полягає в наступному: свобода як політична автономія і самовизначення неможлива, а політичне панування не можна визнати реалізацією ідеалів розуму на основі

вільного волевиявлення індивіда. Держава ж як система панування, необхідність якого обумовлена гріховністю роду людського, може лише перешкодити людині грішити, але не може допомогти індивіду вести добродійне життя. Істина людського існування та благого життя реалізується не в державі, як це стверджувалося Платоном й Аристотелем, а відкривається в релігії і Церкві.

Висуваючи положення про існування «двох Градів», Августин, проте, не висловлювався на користь безпосереднього підпорядкування держави Церкві. Він чітко вказував на легітимний характер політичних інститутів, яким добрий громадянин і християнин повинен підкорятися, оскільки так побажав сам Бог.

ЛІТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. О Граде Божьем. / Августин Блаженный. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Августин Блаженный. О свободе воли: Пер. с лат. Ермаковой М. Е. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к книге: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o_svobode_voli/
3. Андрущенко В. П. Історія соціальної філософії: (Західноєвропейський контекст). / В. П. Андрущенко. – К.: Тандем, 2000. – 416 с.
4. Кирилюк Ф. М. Історія політології. / Ф. М. Кирилюк. – К.: Знання України, 2002. – 535 с.
5. Класики політичної думки від Платона до Макса Вебер: Пер. з нім. – Київ: Тандем, 2002. – 584 с.
6. Святий Августин. Сповідь. / Пер. з латини Ю. Мушака. – Львів: Свічадо. – 2016. – 356 с.
7. Федорова М. Классическая политическая философия. – М.: Издательство «Весь мир». – 2001. – 224 с.

REFERENCES

1. Avgustin Blazhenyyi. O Grade Bozhem. / Avgustin Blazhenyyi. – Mn.: Harvest, M.: AST, 2000. – 1296 s.
2. Avgustin Blazhenyyi. O svobode voli: Per. s lat. Ermakovoy M. E. [Elektronnyiy resurs]. – Rezhim dostupa k knige: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o_svobode_voli/
3. Andruschenko V. P. IstorIya sotsIalnoYi fIlosofIYi: (ZahIdnoEvropeyskiy kontekst). / V. P. Andruschenko. – K.: Tandem, 2000. – 416 s.
4. Kirilyuk F. M. IstorIya polItologIYi. / F. M. Kirilyuk. – K.: Znannya UkraYini, 2002. – 535 s.
5. Klasiki polItichnoYi dumki vId Platona do Maksa Veber: Per. z nIm. – KiYiv: Tandem, 2002. – 584 s.
6. Svyatyi Avgustin. SpovId. / Per. z latini Yu. Mushaka. – LvIv: SvIchado. – 2016. – 356 s.
7. Fedorova M. Klassicheskaya politicheskaya filosoфиya. – M.: Izdatelstvo «Ves mir». – 2001. – 224 s.

ЗАКОНОТВОРЧА ПОЛІТИКА ЮСТИНІАНА I: ІМПЕРАТОР ЯК ДЖЕРЕЛО ПРАВА

І. Р. ГІЩИНСЬКА (Львів, Україна)¹⁰

У даній статті пропонуємо розглянути передумови та причини створення «Corpus juris civilis», його структуру та особливості, становлення особи імператора як «джерела права» на прикладі Юстиніана I, а також визначитись з поняттям «живий закон». Мета даної статті – через призму законодавства показати роль імператора як джерела права.

Петро Саватій (справжнє ім'я Юстиніана I) прийшов до влади в 527 р., але його політична кар'єра розпочалась ще за часів його дядька Юстина I. Будучи фактично співправителем при старому імператорі, Юстиніан I вже тоді почав втілювати в життя свої амбіції, яких мав насправду багато. Час правління цього імператора, який тривав до 565 р., окреслюють як найбільший розквіт Східної Римської імперії. Одночасно, Юстиніана називають останнім римським імператором. Ця теза виправдовує себе, оскільки вся його зовнішня та внутрішня політика була спрямована на відродження величі Римської імперії. Так, в територіальному плані, завдяки завойовницьким війнам, Середземне море, хоч і на короткий час, знову стало внутрішнім озером імперії. Та недоречним буде вести мову про об'єднання імперії, звертаючи увагу лише на цей аспект. Власне, варто наголосити на іншому моменті, головному для нашої теми. Мова буде йти про законодавство, яке мало стати єдиним для всіх громадян імперії і юридично об'єднати їх в одному політичному організмі. «Ніколи, можливо, теорія імператорського деспотизму не була виражена більш точно і повно, ніж в законодавстві Юстиніана, і в цьому відношенні Юстиніан був істинним наступником цезарів» [4, с. 265], – пише Діль. Саме в законотворчій політиці звершилася вся велич і повнота влади імператора.

Що передувало зібранню римського права? Які причини, крім політичних, стали рушійними для видання Кодексу? Якими методами Юстиніан здійснював свою законотворчу політику?.. Ще в часи язичницького Риму офіційно єдиною формою законодавства були імператорські конституції, які називались «законами». На противагу їм, всі правові пам'ятки, які були створені раніше і опрацьовані юристами, називались «древнім правом». З половини III ст. юриспруденція переживає певний спад, а юридична література починає обмежуватися лише компілятивною роботою. Результатами такої роботи ставали збірники для суддів, які мали в своїй основі імператорські конституції та праці найвідоміших юристів. Все ж це були приватні збірники, які не носили офіційного характеру. Таким

¹⁰ Гіщинська Ірина Романівна – студентка історичного факультету Львівського національного університету імені І. Я. Франка, редактор у Львівському медієвістичному клубі. Досліджує законодавство Юстиніана, зовнішню політику, ідеологію влади та адміністративне право доби Юстиніана. Спеціалізується на вивченні історії Візантійської імперії та її політичної думки. E-mail: irwolf@ukr.net.

чином суддя мав бути обізнаним зі всіма імператорськими законами та напрацюванням юристів, що фізично було не під силу одній людині. Всі правові пам'ятки були розпорошені, не існувало єдиного органу, який би регулював їх. Звідси випливає нагальна потреба в уніфікації та спрощенні діючого законодавства [2, с. 102].

Спроби зібрати діюче законодавство вилились у створення трьох самостійних збірників римських законів, які передували законодавчій реформі Юстиніана I. В кінці III – на початку IV ст. з'являються два приватні збірники видатних юристів. Це, насамперед, «Codex Gregorianus», складений в кінці III ст. юристом Грегором, який вмещав в себе найважливіші конституції імператорів, видані протягом 196–297 рр. Другий збірник – «Codex Hermogenianus», який був продовженням і доповненням попереднього, до якого увійшли імператорські закони декількох наступних років. Безперечно, важливішим був третій збірник, виданий вже у Східній римській імперії імператором Феодосієм II у 438 р. Кодекс Феодосія, як його назвали, складався з шістнадцяти книг і вмещав у себе безліч скорочених і перероблених імператорських конституцій з часів Константина I [6, с. 59].

На початок VI ст. діюче римське право являло собою величезний масив різноманітних законодавчих актів і т. п. Також, варто зауважити, що в згаданих кодексах були зібрані лише імператорські конституції. Реформа Юстиніана передбачала зібрання всього римського права, з опрацюванням не лише збірників імператорських конституцій, а й юридичних пам'яток. Важливою причиною цієї реформи також виступають такі чинники, як християнство та централізація. Політика Юстиніана I базувалась на них, оскільки саме вони послужили рушійними аспектами його діяльності. Так, новий збірник законів мав бути обрамлений ідеєю строгої централізації в душі християнства.

У квітні 528 р. Юстиніан скликав комісію з десяти чоловік, серед яких був юрист Трибоніан і професор права в Константинополі – Феофіл. Завдання комісії полягало в наступному: перегляд попередніх трьох збірників, вилучення з них зайвого та застарілого матеріалу, опрацювання імператорських законів, які вийшли після Феодосія II. Таким чином мало вийти нове зібрання законів. Буквально через рік, у квітні 529 р. новий збірник побачив світ під іменем «Кодекс Юстиніана» («Codex Justinianus»). Він був розділений на дванадцять книг і вмещав в собі конституції з часів імператора Адріана (117–138) до Юстиніана, і став єдиним збірником законів у імперії, відмінюючи всі попередні кодекси. Знову ж, варто зауважити, що цей збірник вмещав лише імператорські конституції, та праці юристів все ж не залишились поза увагою.

15 грудня 530 р. Юстиніан видав указ про створення комісії, яка повинна була упорядкувати твори всіх класичних юристів. В даному указі йшлося наступне: «Тоді, коли серед всіх справ не можна знайти нічого більш важливішого за владу законів, яка розподіляє в порядку божественні і людські справи і виганяє всяку несправедливість, ми, все ж виявили, що вся генеалогія законів, яка сягає своїм корінням часів заснування міста Риму і Ромула, настільки заплутана, що

розширилась до безкінечності і досягнути її не дано ніяким природним людським даром» [3, с. 27]. Очолив комісію Трибоніан, квестор священного імператорського палацу. Крім нього задіяними були два професори з константинопольської Академії (Феофіл і Кратін), і двоє з беритської – Дорофей і Анатолій. Крім професорів було ще одинадцять адвокатів. Робота була завершена 16 грудня 529 р., тобто рівно через три роки, що було надзвичайно коротким терміном для опрацювання такого величезного масиву інформації (більше ста масивних томів). Так, новий збірник складався з п'ятдесяти книг і отримав назву «Digesta» (з латини – «Зібрання»). Грецька назва збірника – Пандекти.

Пропонуємо розглянути структуру Дігест. Так, кожна з п'ятдесяти книг ділиться на титули, фрагменти і параграфи. Торкаючись змісту, зазначимо, що перша книга трактує загальні питання права, містить короткий нарис історії права і публічне право. Зокрема розпочинає першу книгу вже згадуваний указ Юстиніана «Deo auctore» («Творіння Бога»), в якому імператор звертається до Трибоніана, говорячи про необхідність створення Кодексу. За ним слідує другий указ під назвою «Omne» («Все»), який звернений до викладачів права. В третьому указі, присутньому в першій книзі, який носить назву «Tanta» («Великий»), імператор звертається до сенату і народу. Цікаво, що цей указ містить дуже важливу постанову, в питаннях ролі імператора в складанні законів: «Якщо, однак, станеться, як сказано вище, що з'явиться двозначна думка, то нехай це буде передано суддям в дім імператора і прояснено владою Августа, якому єдиному лише дозволено і створювати закони і тлумачити їх» [3, с. 67].

З другої книги по сорок шосту викладено приватне право, сорок сьома, сорок восьма і частково сорок дев'ята розкривають питання права і правосуддя. В останній також викладено окремі інститути публічного права – фіскальне і військове право. Насамкінець, в п'ятдесятій книзі розглядаються такі інститути публічного права, як адміністративне право, право імунітету, посольства і т.п.

Не можна пропускати один цікавий момент цієї книги: XVI титул під назвою «Про значення слів» являє собою тлумачний словник римських юридичних термінів.

Крім загальної структури існує ще структура, запропонована Юстиніаном. Варто зазначити, що в VI ст., попри панування офіційної церкви, дехто все ж захоплювався астрологічним вченням. Не був винятком і Юстиніан, який уподібнював сім розділів Дігест семи планетам сонячної системи, які були на той час відомими. Так, першу частину Дігест він називає «Prota», що з грецької перекладається як «Початки». Ця частина включає в себе першу–четверту книги, які містять найбільш відомі положення права і судочинства. Друга частина «Про суди» («De iudiciis») включає в себе п'яту–одинадцяті книги, третя частина «Про речі» («De rebus») складена з дванадцятої по одинадцяті книги включно. Четверта частина під назвою «Umblicus», що означає «Середина», охоплює двадцяті–двадцять сьому книги. П'ята частина «Про заповіти» («De testamentis») складається з двадцять–восьмої по тридцять–шості книги Дігест. Шоста частина включає

тридцять сьому–сорок четверту книги, а остання відповідно – сорок п'яту–п'ятдесяту книги включно [3, с. 14].

Перший рукопис Дігест не зберігся. Натомість, у нашому розпорядженні є майже сучасний Юстиніану Флорентійський рукопис. Найімовірніше, він був написаний греками, які жили в Італії. Відомо, що вже в середині XII ст. цей рукопис зберігався в Пізі. Найбільш раннє посилання на нього датується 1076 р., коли згадується в судовому документі Ломбардії. Перше друковане видання Дігест втілене в трьох окремих книгах: «Старі Дігести» видані Г. Кляйном в Перуджії в 1476 р., «Infortiatum» видані в Римі Вітом Пукером в 1475 р., і «Нові Дігести» той же Пукер видав в Римі в 1477 р. Звичайно, з тих пір вийшло безліч різних видань текстів Дігест, але найкращим науковим виданням вважається Моммзенівське видання, від імені Теодора Моммзена, німецького історика, філолога-класика і юриста. Ця версія витримала більше десяти видань з 1870 по 1908 рр.

Одночасно, за словами Юстиніана, молоді люди були не в силі досягнути мудрості Кодексу та Дігест, тому потрібно було створити посібник, в якому законодавство було б подане в спрощеному вигляді. Над цим завданням, за дорученням імператора, працював Трибоніан з двома помічниками. 533 р. було створено, переважно для навчальних цілей, офіційний елементарний курс цивільного права, який складався з чотирьох книг і отримав назву Інституцій (Institutiones). Так, за висловом імператора, Інституції мали звести «всі каламутні джерела древнього права в одне прозоре озеро» [2, с. 103].

Після офіційного складення Кодексу, Юстиніан в наступні чотири роки створив безліч додаткових законів і в 534 р. видав їх окремою книгою. Зібрання цих законодавчих актів отримало назву «Novellae constitutiones» («Нові конституції») чи просто Новели. Структурно, вони вміщують в себе такі загальні постанови як едикти (edicta), декрети чи укази (decreta), мандати або накази (mandata), і рескрипти (rescripta). Едикти були проголошені імператором і спрямовані до народу загалом. Декрети склалися з судових рішень, створених, як в першій інстанції, так і в апеляційному суді. Мандати були настановами губернаторам у їхній діяльності. Рескриптами називалось імператорське листування з офіційними особами і приватними громадянами. Також, однією великою категорією були листи (epistulae) імператора до офіційних осіб, які встановлювалися обов'язковим законом, і підписки – його відповіді приватним особам, написані на полях в нижній частині їхніх петицій.

Варто зазначити, що більшість Новел були написані грецькою мовою, в той час як Кодекс, Дігести та Інституції латиною. Це свідчить про те, що Юстиніан, видаючи свої конституції, хотів зробити їх доступними для всього населення. Латина вживалась лише у вищих колах, в науці і була незрозумілою пересічному представнику еллінського світу.

Новели, як історичне джерело, представлені в трьох збірках: Втілення Юліана (Epitome Juliani), Справжні (Authenticum), і Грецька колекція зі 168-ми. Перший збірник, автором якого є Юліан, відомий професор права в Константинополі, являє

собою переклад Новел з грецької на латину. Цей збірник не містив всіх Новел, а складався лише зі ста двадцяти чотирьох, з яких дві повторюються. Він був призначений для латиномовних студентів професора, які вивчали право, ймовірно, в 556–557 рр. Юліан вирішив зробити свою збірку в 555 р., бо Юстиніан лише рік перед тим видав прагматичну санкцію *pro reposito Vigil*, зробивши Кодифікацію ефективною в Італії. Найбільш ранній відомий манускрипт цієї збірки датується VII чи VIII ст. В XII ст. збірник Юліана втратив свій статус правдивого видання Новел і поступився більш широкій латинській версії, відомій як *Authenticum*, яку виявили у Болоньї близько 1100 р. Ця латинська колекція отримала свою назву завдяки глосаторам (школа юристів XI–XIII ст., яка виникла в Болонському університеті), включаючи знаменитого Ірнеріуса, які сподівались, що це офіційна збірка Новел.

Витоки та мета *Authenticum* є найбільш обговорюваними, порівняно з іншими збірками. Теорія про офіційність збірки поступово втратила популярність, що було спричинене певними факторами. Насамперед, це низька якість її латинського перекладу з грецької. Однак, немає сумнівів, що ця збірка була створена в середині VI ст.

Найбільшим за розміром та найдостовірнішим збірником слугує Грецька колекція зі 168-ми, яка була виявлена близько 1200 р. В цій збірці дві з конституцій повторюються, інші написані одночасно і грецькою і латиною. Загалом маємо сто шістьдесят п'ять унікальних законів, які охоплюють час від 535 р., коли було створено друге видання Кодексу, і до 565 р., кінця правління Юстиніана. Новели доповнені до 575 р. конституціями Юстина II, і Тиберія II. Цікавим є той факт, що певні частини цієї збірки мають схожість з попередніми. Сучасна версія збірки представлена в двох манускриптах – Венеціанському чи Марканському (від назви собору Святого Марка у Венеції, де манускрипт був виявлений) і Флорентійському чи Лаврентійському (знаходився в Лаврентійській бібліотеці). Варто зазначити, що один з найкращих перекладів Новел виконаний англійським дослідником Фредом Блюмом в 20-х роках XX ст. [8].

Всі вищезгадані збірники законів (Кодекс, Дігести, Інституції, Новели) отримали свою загальну назву аж в XII ст. Так, «*Corpus juris civilis*» («Звід цивільного права») став фундаментальним в політико-правовій діяльності Юстиніана I. Одночасно, він став основою для всіх наступних законодавчих збірників у Візантії, і для західноєвропейського права загалом. Перше друковане видання всієї кодифікації під цією назвою було здійснене Діонісієм Готфрідом в 1583 р. [5]

Помилково вважати, що Кодифікація Юстиніана була завершенням в розвитку римського права. Власне, радянська дослідниця Удальцова З. В. зазначає, що цей звід законів становив собою еволюцію римського права в післякласичний період і була «тенденція перетворити все право в писаний закон, а в умовах посилення необмеженої влади монарха – в закон імператора» [7, с. 6].

Який характер носило Юстиніанове законодавство? Якою ідеєю воно було

пронизане? Що нового та особливого можемо спостерігати в ньому, порівняно з класичним римським правом? Важливо відмітити, що збір римського права вже мав певні локальні зміни, які були зумовлені викликами часу. Великий вплив мала грецька та близькосхідна традиція права, грецька філософія, християнство. Найбільше змін спричинила християнська традиція. Юстиніан, будучи запеклим ортодоксом, жорстоко боровся зі всіма невірними. «Церква внесла в римське законодавство суворий дух непримирення до всіх неправовірних – еретиків, язичників, юдеїв; дух боротьби проти народних рухів, які мали форму ересей. Вона ж примусила законодавчим шляхом оформити монархічну структуру церковної ієрархії з необмеженою владою єпископів, і закріпити за церквою всі майнові права та привілеї» [7, с. 8], – пише Удальцова.

Ідея «Зводу цивільного права» – це необмежена влада імператора, який є прямим представником Бога на землі і безпосереднім джерелом права. Власне, трактування імператора як джерела права має під собою певні передумови, на які варто звернути увагу. Так, криза рабовласницького господарства, з якою зіткнулась пізня Римська імперія в середині III ст. «викликала необхідність консолідації великих рабовласників і встановлення диктатури імператора» [5, с. 18]. Власне, це було спробою рабовласників підтримати хиткий рабовласницький устрій за допомогою строгої централізації. Удальцова зазначає, що «в IV–VI ст. імператори все більше і більше намагались стати найвищим законодавчим авторитетом і єдиними творцями всіх нових законів» [7, с. 6]. Таким чином, законодавча діяльність імператорів поглинає творчість юристів, закони видаються лише від імені монархів. Все більшим стає елемент бюрократизації законів, вихваляння володаря. Це чітко видно в законодавстві Юстиніана, що підтверджується даною цитатою: «в законодавстві цього імператора знайшло кінцеве оформлення вчення про божественність і повну безгрішність влади автократора на землі. Імператор був «живим законом», безумовним втіленням необмеженої влади» [7, с. 30]. В Новелах зустрічаємо надзвичайну пишність і возвеличення особи імператора у формі «Наша Велич», «Наше Благодестя», «Наша Сила», «Наша Могутність».

Як зазначалося вище, величезний вплив на правову політику імператора мала християнська ідеологія. Одночасно, невід'ємною частиною «живого закону» була його божественна природа. Саме за Юстиніана повністю утверджується ідея про те, що «імператор є обранцем Божим, якого Господь призначив для управління людськими справами» [4, с. 31]. У Візантії ця ідеологія набула свого максимального ствердження. В кожному законодавчому акті Юстиніана є покликання на Бога чи Святу Трійцю. У новелі 69 читаємо: «Один Бог, і після Бога один лише імператор регулює ці речі з помірністю і справедливістю» [8]. Власне, ці слова проливають світло на всю політику імператора. Ця «святість» імператора сприяла централізації. Народ, який був безмежно вірний Богу, бачив в особі імператора спасителя, який завжди чинить справедливо і якому треба поклонятися. Василевсу така доктрина влади була лише в користь, бо дозволяла називати будь-яку його видумку законом.

Чому імператор був «живим законом» і який характер носила ця доктрина ми визначились. Варто ще звернути увагу на саме поняття «закон», як його трактували тогочасні юристи, і що розумілося під цим поняттям. В першій книзі Дігест представлені наступні визначення закону: «Закон є спільним (для всіх) приписом, рішенням досвідчених людей, придушенням порушень, [...] загальна (для всіх громадян) обіцянка держави» [3, с. 107]. За визначенням Демосфена в тій же книзі читаємо: «Закон є тим, чому всі люди повинні коритися, за різних причин, але головне тому, що будь-який закон є думкою і даром бога» [3, с. 107]. Філософ Хрїзїпп пише, що «закон є царем всіх божественних і людських справ; [...] вождем і повелителем живих істот, які живуть в державі; мірилом справедливого і несправедливого, яке наказує робити те, що повинно робитися і забороняє робити те, що не повинно робитися» [3, с. 109].

Дігести проголошують непохитний принцип: «Те, що вирішив принцес, має силу закону» [3, с. 115]. В політиці Юстиніана це не лише мало силу, а й не підлягало ніякому запереченню чи критиці. В тих же Дігестах йдеться про те, що закони є святими, бо вони закріплені деякою санкцією, і якщо хтось спробує щось змінити в них, буде покараний смертю.

Джордж Бейкер ототожнює звід законів з чимось позалюдським, небесним, непідвладним людському розуму. В оцінці Юстиніана, його закони носили подібний характер. Бейкер продовжує свою думку наступним визначенням: «Закон – це не те, що люди винаходять; [...] Влада закону в кінцевому висновку полягає не в тому, що людина оголошує істинним, а в тому, що в дійсності є істиною» [1, с. 51]. Саме такою представлена влада закону в Кодексі.

Варто вказати на одиничність понять, згаданих вище. За логікою речей, істина завжди одна. Закон, який був істиною, теж був одним, бо «існувала лише одна система юриспруденції, і тільки одна могла існувати. Якби й була можлива інша юриспруденція, людський розум був би не в силах уявити собі її. Є лише одна істина, одна логіка, одна математика; на цій основі можна стверджувати, що є одне право і, відповідно, одна цивілізація» [1, с. 17]. Так, Юстиніан, поширивши свій вплив на колишні землі Римської імперії, був переконаний, що є лише один цивілізований світ, який має бути об'єднаний в одному політичному організмі, іншого такого світу не може і не має бути. Юстиніан, створюючи Кодекс, знав, що має бути лише одне правдиве право, лише один закон.

Отже, можемо зробити наступні висновки. Кодифікація римського права Юстиніаном I мала в своїй основі ряд передумов та причин, які безпосередньо вплинули на його структуру та зміст. «Звід цивільного права» становить собою унікальну пам'ятку в історичній та юридичній науках. Законотворча діяльність Юстиніана полягала в строгій централізації влади та ідеалізації постаті імператора. Така політика василевса була спричинена змінами в соціально-економічному та політичному устрої Римської імперії, які зумовили зосередження безумовної влади в руках однієї особи і трактування її як єдиного джерела права. На час правління Юстиніана така форма влади набуває свого найбільшого розквіту. Християнство,

яке стало ідеологічною основою нового права поклало початок власне візантійській юридичній думці, і надало божественних рис поняттю «живий закон».

ЛІТЕРАТУРА

1. Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель. / Джордж Бейкер. – М.: Центрполиграф, 2004. – 182 с.
2. Васильев А. История Византийской Империи. Том I. / Александр Васильев. – С-пб.: Алетейя, 1998. – 318 с.
3. Дигесты Юстиниана. / Перевод с латинского; отв. ред. Л.Л. Кофанов, Т.И. – М.: «Статут», 2002. – 584 с.
4. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI в. / Шарль Диль. – С.-Пб.: Типография Альтшулера Фонтанка, 1908. – 685 с.
5. Перетерский И. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. / Иван Перетерский. – М.: Госюриздат, 1956. – 132 с.
6. Сказкин С. История Византии. Т.I. / Сергей Сказкин. – М.: Наука, 1967. – 525 с.
7. Удальцова З. Законодательные реформы Юстиниана. / Зинаида Удальцова. // Византийский временник, том XXVI. – 1965. – Вип.26. – 43 с.
8. College of Law George W. Hopper Law Library Justinian's Novels. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.uwyo.edu/lawlib/blume-justinian/ajc-edition-2/novels/index.html>

REFERENCES

1. Beyker Dzh. Yustinian. Velikiy zakonodatel. / Dzhordzh Beyker. – M.: Tsentrpoligraf, 2004. – 182 s.
2. Vasilev A. Istoriya Vizantiyskoy Imperii. Tom I. / Aleksandr Vasilev. – S-pb.: Aleteyya, 1998. – 318 s.
3. Digestyi Yustiniana. / Perevod s latinskogo; otv. red. L.L. Kofanov, T.I. – M.: «Statut», 2002. – 584 s.
4. Dil Sh. Yustinian i Vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI v. / Sharl Dil. – S.-Pb.: Tipografiya Altshulera Fontanka, 1908. – 685 s.
5. Pereterskiy I. Digestyi Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obschaya harakteristika. / Ivan Pereterskiy. – M.: Gosyurizdat, 1956. – 132 s.
6. Skazkin S. Istoriya Vizantii. T.I. / Sergey Skazkin. – M.: Nauka, 1967. – 525 s.
7. Udaltsova Z. Zakonodatelnyie reformyi Yustiniana. / Zinaida Udaltsova. // Vizantiyskiy vremennik, tom HHVI. – 1965. – Vip.26. – 43 s.
8. College of Law George W. Hopper Law Library Justinian's Novels. – [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.uwyo.edu/lawlib/blume-justinian/ajc-edition-2/novels/index.html>

ЯРОСЛАВ ДАШКЕВИЧ ПРО ОМЕЛЯНА ПРИЦАКА: ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ ЕТЮД

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)¹¹

«Великим ученим злагоджений панегіричний хор не потрібний. Їх життя, науковий, організаційний, громадський подвиг, що перетворюються у взірць для наслідування — вище будь-яких панегіриків»
Я. Р. Дашкевич «Постаті»

Серед українських авторів найкращу історичну критику ідеології євразійства дав Омелян Пріцак (14 травня 1919 р. — 29 травня 2006 р.). Підкреслюємо роки життя видатного вченого у зв'язку із розповсюдженою біографічною помилкою, що була виявлена Ярославом Дашкевичем. Омелян Йосипович Пріцак насправді народився не 7 квітня 1918 року (як стверджується у ряді досліджень – в праці Андрія Портнова «Історії істориків» говориться про 7 квітня 1919 року), а 14 травня 1919 року — під Самбором на Галичині [4; 6].

Я. Р. Дашкевич у статті «Омелян Пріцак: життя і творчість — творчість і життя» писав: «Його здібності до вивчення східних мов проявилися яскравіше у Львівському університеті (після закінчення гімназії в 1936 р.). В університеті (роки навчання 1936-1939, формально до квітня 1940 р.) був солідний сходознавчий центр. Його професорами були такі величини, як Володимир Котвіч, Мугаммед С. Агабекзаде і Тадей Левицький. Студентом Омелян вивчав перш за все турецьку (а також інші алтайські мови), іранські та семітські мови. Пізніше пішли угро-фінська, китайська. По історичній лінії — минуле Середньої Азії та України-Русі» [4, с. 845]. Саме Ярослав Дашкевич першим у радянській Україні опублікував історіографічний огляд праць Омеляна Пріцака (на той момент вже видатного емігранта-вченого, професора Гарвардського університету, академіка, визначного сходознавця та історика) — статтю «Дослідження з джерелознавства Східної Європи» (вміщена в Науково-інформаційному бюлетені Архівного управління УРСР, 1964, №6, с. 81-83, републікована у фундаментальному виданні Інституту української археографії та джерелознавства — книзі Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури», Львів, 2016, с. 712-716) [3; 4].

З позицій аналізу скіфо-сарматського політичного міфу та його впливу на колективну свідомість українських політичних еліт в історичній ретроспективі, найцікавішими є такі праці О. Пріцака: монографія «Дослідження з середньовічної

¹¹ Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії», вчений секретар Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, член Української асоціації зовнішньої політики, член Національної спілки журналістів України. Сфера наукових інтересів: політична антропология, юридична історія та історіографія, теорія міжнародно-правового статусу Ватикану. E-mail: melnyk_science@mail.ru.

історії Євразії» (оригінал англійською мовою — «Studies in Medieval Eurasian History», London, 1981) та монографія «Походження Русі», що від брошури 1975 року еволюціонувала в цілком оригінальне та фундаментальне наукове дослідження в галузі етногенезу та політичної генези українства.

У згаданій статті «Дослідження з джерелознавства Східної Європи» Ярослав Дашкевич зазначає: «Для наукового методу О. Пріцака характерний підхід до мовних фактів як до певного історико-культурного явища. Тому більшість його праць, написаних, здавалося б, на вузькі мовознавчі теми, має певне значення для історичної науки. Крім цього, з-під його пера вийшов ряд історичних праць, у яких велика лінгвістична ерудиція автора в багатьох випадках допомогла правильно розв'язати складні й заплутані дослідницькі питання» [4, с. 712]. Дашкевич, розробляючи візію біографії видатного сходознавця, підкреслював: «О. Пріцак опрацював свій власний метод шляхів до наукового пізнання. У плані вивчення історії він опирався на безпосередньому вивченні джерел та індивідуальній, типовій для нього, їх інтерпретації та коментуванні. Він не признавав авторитетів. Тому майже завжди не йшов проторованими шляхами, відкидаючи в принципі, результати давніших досліджень, часом стереотипні теорії та гіпотези. Він також, як правило, відмовлявся від вивчення археологічних джерел, вважаючи, що між пам'ятками археології та письмовими пам'ятками існує надто велика прірва, яка позбавляє достовірності археологічні твердження» [4, с. 849].

Ми рекомендуємо читачам запам'ятати охарактеризоване Я. Р. Дашкевичем теоретико-методологічне підґрунтя для наукових студій О. Й. Пріцака. Воно містить, на наш погляд, надзвичайно цінні вказівки для політичної антропології як політологічного вчення загалом та для кожного політичного антрополога як суб'єктивно орієнтованого вченого зокрема [5].

По-перше: Омелян Пріцак завжди йшов шляхом інтеграції наукових фактів. Його наукові дослідження, монографії, брошури, статті завжди містять аналіз кожної гіпотези з позицій використання фактажу писаної історії, матеріальної культури, фізичної антропології, теорії та філософії етносу [4]. Кожну власну працю Омелян Пріцак намагався перетворити у майданчик для створення або розвитку історіософських концепцій. У цьому полягає його величезне значення не лише для історичної науки, але і для науки політичної, філософії історії, філософії права. Навіть статті на віддалені сходознавчі теми у Пріцака завжди набували яскраво актуального політичного забарвлення.

По-друге: Омелян Пріцак відштовхувався від позицій етнічної історії та факту постійної участі етнічних організмів у будь-яких сферах історичного процесу. Мабуть, саме цей факт сприяв певній інтеграції історіософських поглядів Омеляна Пріцака та Льва Гумільова. У таких працях Л. М. Гумільова як «Давня Русь та Великий Степ» є багато посилань на дослідження О. Й. Пріцака [1]. Варто підкреслити, що цю закономірність підмітив і Ярослав Дашкевич, який у своїй нарисах зазначав: за радянської доби Пріцака можна було майже вільно студіювати в Москві та Ленінграді (Лев Гумільов працював переважно в Ленінграді), але було

нереально дістати в Україні. Між іншим, Дашкевич констатує аналогічність ситуації із працями О. Й. Пріцака ситуації із працями метра української історичної науки М. С. Грушевського. Останнього також можна було цілком вільно читати в бібліотеках та архівах Москви, але в Україні з цим постійно виникали різні складнощі.

Підкреслимо, що пишучи свої «Дослідження з середньовічної історії Євразії» Пріцак також використовував праці Гумільова. У концепціях євразійців та загальній теорії євразійства, Пріцак, як український історик, критикував надмірну заідеологізованість та гучні акценти на нотах російського месіанізму [1; 2; 7]. Поряд із цим, Пріцака не приваблювали концепти українського месіанізму. Як видатний світовий сходознавець, Пріцак звертав увагу на цивілізаційну спільність долі найрізноманітніших етнічних організмів та культурних традицій на теренах Євразії, розуміючи цю саму Євразію за поняттєвим принципом «місцерозвитку», введеним у науковий обіг П. М. Савицьким [8, с. 294-300].

По-третє: Омелян Пріцак критикував неосмислену фактологію. Сам по собі факт археологічної знахідки чи факт дослідження певного культурного шару археологами не значив для Пріцака нічого. Так, він до певної міри виступав критиком «археологізації» у методології пізнання давньоісторичних процесів. Однак, він підкреслював неймовірну силу археологічних фактів у поєднанні із фактами лінгвістичними, фольклорними, культурологічними. Той самий підхід Пріцак застосовував і по відношенню до чисто культурних та лінгвістичних фактів. Без археологічного підґрунтя вони також ніщо.

Безумовно, що до певної міри ми гіперболізуємо теоретичні настанови О. Пріцака (тим паче, в інтерпретації Я. Р. Дашкевича). Необхідно усвідомлювати, що Пріцак, зрозуміло ж, не мав у своєму політичному світогляді жодної краплі ідеологічного євразійства. Однак, натомість він був євразійцем за цивілізаційно-культурною ознакою. Пріцак критикував євразійців, критикував намагання використати спільну спадщину всіх євразійських народів, а особливо скіфсько-сарматську спадщину, з метою агітації за відновлення імперії. Однак, у своїх працях він чітко стоїть на позиціях східної орієнтації української етнічної історії.

Омелян Пріцак створив передумови для розробки української концепції політико-історичного синтезу традиційного окциденталізму і генетичного орієнталізму. У плані синтетичному та логічному ця концепція була остаточно сформульована доктором історичних наук, професором, в останні роки життя директором Львівського відділу Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, одним з найбільш фундаментальних українських істориків нашої доби — Ярославом Дашкевичем (1926-2010) [4].

Ярослав Романович Дашкевич багато переписувався з Омеляном Пріцаком. Він знав його ще з воєнних часів. Книга Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури» (значно доповнене новими статтями та виступами 3-тє видання з'явилося як видання Інституту української археографії та джерелознавства у Львові в 2016 році) стане йому пам'ятником назавжди. Вона

містить настільки широкий масив науково обґрунтованої і критично виваженої джерельної інформації з найбільш різноманітних структурних частин українського історичного процесу, що її значення для подальшого розвитку нашої науки складно переоцінити. І тут ми повинні підкреслити, що наукова спадщина Я. Р. Дашкевича, котру він залишив після своєї смерті, значною мірою формувалась під впливом Омеляна Пріцака.

Ярослав Дашкевич, як впевнений аналітик та рецензент творчого доробку Пріцака фахово підкріпив положення про необхідність «третього» або навіть «четвертого» шляхів у подальшому політичному розвитку України. Дашкевич зрозумів, що однозначна геополітична орієнтація України на схід чи на захід принесе українській державності згубу. Намагання прослизнути між двома цивілізаційними машинами у найбільш складний момент також не призведе до позитивного результату. Відповідно, перед українцями стоїть генеральне завдання — витворення власної моделі політичного та економічного розвитку, що не залежатиме від жодної цивілізаційної сили і не буде вступати у підпорядкування стосовно жодного геополітичного центру.

Я. Дашкевич нещадно критикує російський імперіалізм, шовінізм та євразійство у всіх його проявах. Однак, не менш гостро Дашкевич ставиться до глобалізації європейсько-американського типу. Він її вважає справжнім культурним лихом. Перед українцями та Українською державою стоїть величезна потреба у виробленні захисних культурних функцій і створенні такого державного механізму, що міг би успішно взаємодіяти з різними типами політичної культури, вступати в найбільш неочікувані геополітичні комбінації та виступати в ролі об'єднуючої сили для євразійського місцерозвитку.

Важливим елементом історико-політичних поглядів Я. Р. Дашкевича (він не дуже сприймав термін «історіософія») було намагання всебічно синтезувати теорії та концепції різноманітних вчених та громадських діячів на ґрунті нагальної потреби виробити діяльну політичну ідеологію українського державотворення (з акцентом на політичному традиціоналізмі, що безумовно перетворює Ярослава Дашкевича також в історика «державно-консервативної школи» з певними політико-антропологічними тенденціями).

Із синтезу Ярослава Дашкевича з'явилась спроба поєднати не лише наукову спадщину Омеляна Пріцака із сучасними досягненнями української історичної науки, але і створити платформу для політологічного (!) переосмислення протиріч у політичній філософії та історичній науковій діяльності Михайла Грушевського, Дмитра Донцова, В'ячеслава Липинського.

Вибрані праці Я. Дашкевича у капітальному томі «Постаті» мають першорядне значення для вчених-політичних антропологів і у плані вироблення загальної історичної ерудиції та політико-культурної компетенції спрямованої на відточення суб'єктивної наукової методології.

Дашкевич робить важливий висновок: формування політичної нації можливе лише на основі політичної культури, яка базується на політичній традиції, в тому

числі, на історичних традиціях функціонування механізмів державного управління. Ні формування політичних традицій, ні утворення системної політичної культури неможливі без наявності політичної еліти конкретного етносу, що змагається за власну державність. Отже, головна українська історико-політична та політико-культурна проблема — відсутність чітких і стійких, державно-орієнтованих політичних еліт. Поза політичними елітами неможливо створювати нації та держави, а тим паче нації-держави.

Отож, Я. Р. Дашкевич, через ґрунтовний аналіз праць О. Й. Пріцака, у порівнянні з теоретичними здобутками українських істориків консервативно-державницького напрямку (термін введений Я. Дашкевичем), приводить нас до головної мети політико-антропологічних студій на українському ґрунті — теоретико-методологічного визначення політичних традицій українського елітотворення з акцентом на державницькій орієнтації еліт.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. / Л. Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 736 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев – М.: Айрис-пресс, 2012. – 560 с.
3. Дашкевич Я. Р. Дослідження з джерелознавства Східної Європи. / Я. Р. Дашкевич. // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. – 1964, №6. – с. 81-83
4. Дашкевич Я. Р. Постаті: Нариси про дічів історії, політики, культури. / Я. Р. Дашкевич, Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. — 3-тє вид., доповн. — Львів: Літературна агенція “Піраміда”, 2016. — 924 с.
5. Мельник В. М. Теоретична конструкція політичної антропології. / В. М. Мельник. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. — К.: Видавництво “Гілея”, 2016. — Випуск 113 (10). — с. 348-359.
6. Портнов А. В. Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії ХХ століття. / А. В. Портнов. – К.: Критика, 2011. – 245 с.
7. Pritsak O. Studies in Medieval Eurasian History. / O. Pritsak. – London: Variorum Reprints, 1981. – 376 pp.
8. Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории. / П. Н. Савицкий. // Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. — М.: Алгоритм, 2008. — с. 292-331.

REFERENCES

1. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus i Velikaya Step. / L. Gumilev. — M.: Ayris-press, 2011. — 736 s.
2. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. / L. N. Gumilev – M.: Ayris-press, 2012. – 560 s.
3. Dashkevich Ya. R. Doslidzhennya z dzhereloznavstva Shidnoyi Evropi. / Ya. R. Dashkevich. // Naukovo-Informatsyniy byuletен Arhivnogo upravlinnya URSR. – 1964, #6. – s. 81-83
4. Dashkevich Ya. R. Postati: Narisi pro dchiv Istoriyi, politiki, kulturi. / Ya. R. Dashkevich, Lvivske viddlennya IUAD Im. M. S. Grushevskogo NANU. — 3-tE vid., dopovn. — Lviv: Lliteraturna agentsIya “Piramlda”, 2016. — 924 s.
5. Melnik V. M. Teoretichna konstruktsIya politichnoyi antropologiyi. / V. M. Melnik. //

- Glleya: naukoviy vIsnik. ZbIrnik naukovih prats. — K.: Vidavnistvo “Glleya”, 2016. — Vipusk 113 (10). — s. 348-359.
6. Portnov A. V. IstorIYi IstorikIv. Oblichchya y obrazi ukraYinskoYi IstorIografIYi HH stolIttya. / A. V. Portnov. — K.: Kritika, 2011. — 245 s.
7. Pritsak O. Studies in Medieval Eurasian History. / O. Pritsak. — London: Variorum Reprints, 1981. — 376 pp.
8. Savitskiy P. N. Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii. / P. N. Savitskiy. // G. V. Vernadskiy. Nachertanie russkoy istorii. — M.: Algoritm, 2008. — s. 292-331.

АНГЛИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА VI

Т. И. ИВАНОВА (Минск, Республика Беларусь)¹²

После смерти Генриха VIII трон, согласно завещанию, унаследовал его единственный сын Эдуард. Разумеется, Эдуард VI был лишь номинальным правителем, поскольку к моменту вступления на престол ему было 9 лет. Незадолго до своей смерти Генрих VIII написал завещание, в котором назначил регентский совет в составе 16 человек, куда вошли все главные министры королевства. Однако на общем собрании регентского совета большинство подкупленных министров назначили лордом-протектором Эдварда Сеймура (Эдвард Сеймур (герцог Сомерсет) был ближайшим родственником Эдуарда по женской линии – он приходился родным дядей юному королю). И уже с марта 1547 г. он получил полномочия единолично назначать членов Тайного Совета. С этого времени Сомерсет фактически правил Англией как неограниченный монарх.

Большинство членов регентского совета, в том числе Эдвард и Томас Сеймуры, поддерживали Реформацию, начатую во время правления Генриха VIII, но они хотели продолжения ее развития в сторону протестантизма. В то же время усилилась группа приверженцев католичества, во главе которой были Мария Тюдор и Стивен Гардинер. Однако их не стоит рассматривать в качестве оппозиции, способной каким-то образом повлиять на проводимую политику в области церковного права, поскольку в зависимости от конкретных обстоятельств и личных интересов они меняли свою точку зрения.

Весь период реформ во время правления Эдуарда можно разделить на два этапа:

1. С 1547 по 1549 гг., когда лордом-протектором был герцог Сомерсет. Этот период характеризуется плавными и осмотрительными реформами с целью минимизировать народные волнения. Однако вскоре такая политика себя не оправдала, и Сомерсет был отправлен в Тауэр.

2. С 1549 по 1553 гг., когда лордом-президентом был герцог Нортумберлендский. (Согласно традиции, лордом-протектором мог стать только член королевской семьи, являющийся регентом при несовершеннолетнем монархе. Дадли не осмелился отступить от традиции и взял себе титул лорда-президента). Этот этап называют периодом радикальных реформ, поскольку именно в это время Англиканская церковь максимально приблизилась к протестантской. Однако завершить процесс реформации герцогу не удалось, поскольку в мае 1553 г. стало ясно, что Эдуард умирает.

Обратимся непосредственно к реформе канонического права. Для начала

¹²Иванова Татьяна Ивановна – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета. Исследует особенности английской королевской Реформации, каноническое и церковное право, церковное судоустройство в средневековой Англии. E-mail: tatiana_ivanova_bsu@mail.ru.

отметим, что было решено продолжить «реформирование сверху», т.е. путем издания соответствующих законодательных актов, начатое еще при правлении Генриха VIII.

Во время заседания первого парламента Эдуарда VI (4 ноября – 24 декабря 1547 г.) был отменен ряд законодательных актов: «Шесть статей»; закон о государственной измене, который был принят во время правления Генриха VIII; законы о еретиках, действовавшие еще в католической Англии, а также закон, запрещающий неофициальные переводы Библии. Был издан закон, разрешающий чтение и обсуждение Библии. Таким образом, резкий подъем книгопечатания при относительной свободе от цензуры дал возможность протестантизму и религиозным спорам утвердиться в Англии [5, с. 241-243]. Что примечательно, заседание парламента было открыто мессой на английском. Это вполне объяснимо, ведь в качестве первостепенной задачи Сомерсет и Кранмер ставили перевод всего богослужения на английский язык (на тот момент уже широко использовалась Библия, переведенная Тиндейлом на английский, однако все службы по-прежнему велись на латинском языке).

В декабре 1547 г. парламент принял статут «Об избрании епископов», в котором недвусмысленно закреплялось господство государственной власти над церковью. Ранее процесс избрания духовенства на должности длился достаточно долго и требовал большого количества согласований: сначала король издавал предписание о необходимости назначения епископа, затем собиралась комиссия, которая выбирала и выдвигала кандидатуру королю на одобрение. Статут устанавливал новые правила: теперь кандидат избирается и назначается королем путем выдачи специального патента. При получении кандидатом такого патента, он официально вступал в сан [4, с. 429]. Закрепление такого порядка назначения на высшие церковные должности означало полное подчинение духовенства королю, так как отныне для освобождения от должности или просто «устранения» неподходящего клирика достаточно было просто аннулировать патент.

Еще одним важным решением, принятым парламентом, стало создание специальной комиссии с целью разработки нового вероисповедания и богослужения, ее председателем был назначен Т. Кранмер. Относительно состава комиссии ученые спорят до сих пор, поскольку не сохранилось ни одного документа, в котором бы присутствовал список лиц, участвующих в ее заседаниях. Единственное, что точно известно и не вызывает споров, это церковный сан заседающих. Так, Сомерсет в письме кардиналу Полу утверждал, что «ждет скорейшего решения от епископов» [7, с. 214]. Данная комиссия вошла в историю как «Виндзорская», названная по месту основного заседания – Виндзорский замок. Итогом деятельности комиссии стала «Книга Общих Молитв».

В 1547 г. была опубликована «Книга Гомилий» (англ. «Book of Homilies»), состоящая из 12 проповедей. Т. Кранмером были написаны четыре из них: «О спасении», «Об употреблении Священного Писания», «О вере» и «О добрых делах». Отметим, что это было сделано не случайно, так как именно по этим темам

существовало большое количество противоположных друг другу мнений и, следовательно, положить конец всем разногласиям может только архиепископ Кранмер как высшее должностное лицо церкви [1, с. 11].

Во время правления Эдуарда VI постепенно завершался процесс секуляризации, начатый еще при Генрихе VIII. В тот период конфисковывалось имущество у мелких церквей и аббатств. Однако лишь небольшая часть конфискованного передавалась короне, поскольку многие чиновники хотели обогатиться и умышленно занижали количество и стоимость имущества. Именно поэтому высшее духовенство во главе с Кранмером выступили против принятия акта о ликвидации мелких аббатств и часовен. Обсуждение проекта данного статута затянулось: представители дворянства хотели как можно быстрее закончить секуляризацию (поскольку их главной целью являлась не сама реформа, а то, что большинство секуляризованных земель будет передано в их собственность), духовенство же напротив – хотело отложить ее до совершеннолетия короля. После долгих дискуссий и уступок духовенство было вынуждено согласиться и в декабре 1547 г. был принят акт «О ликвидации часовен» (англ. «Act for the dissolution of the Chantries»).

9 июня 1549 г. Был издан Акт «О единообразии» (англ. «An Act for the Uniformity of Public Prayers; and Administration of Sacraments, and other Rites and Ceremonies: And for the establishing the Form of Making, Ordaining, and Consecrating Bishops, Priests, and Deacons in the Church of England») с целью унификации литургической практики Англиканской церкви. В качестве приложения к Акту была представлена «Книга Общих Молитв», в которой подробно регламентировался порядок богослужения. Устанавливался единый для всей Англии обряд богослужения, а все ранее используемые обряды, в том числе римский и местные (Йоркский, Линкольнский, и т. д.), отменялись. Отныне все службы должны проводиться только на английском языке, чтобы все действия, совершаемые священниками в церкви, были понятны народу. Также «Книга» регламентировала убранство церкви, одежду священнослужителей, время и место проведения церковных обрядов, определяла очередность и тексты молитв в зависимости от конкретной ситуации.

Отдельно отметим, что «Книга» была утверждена не конвокацией (конвокация – общее собрание духовенства, созываемое по специальному указу короля), как это происходило ранее, а парламентом, что в очередной раз подтверждает факт господства государства и его институтов над церковью.

За невыполнение требований «Книги» Акт вводил ответственность как для священников, так и для мирян. Так, если священнослужитель отказывался совершать обряды в соответствии с «Книгой», он должен был предстать перед судом присяжных. Как правило, за первое нарушение он подлежал тюремному заключению на шесть месяцев, за второе нарушение священник лишался прихода и приговаривался к заключению на год, за третье – к пожизненному заключению [6, с. 314]. Чуть менее жесткой была ответственность для мирян: за первое и второе

нарушение предусматривалась выплата штрафа в размере 10 и 20 фунтов соответственно, при совершении таких действий в третий раз все имущество нарушителя конфисковывалось, а он приговаривался к пожизненному тюремному заключению [8, с. 111-112].

Народ, недовольный введением «Книги» и строгой ответственности за неисполнение ее норм, поднял восстание, которое охватывало все новые и новые территории. Так, начавшись на следующий день после принятия Акта в Корнуолле и Девоне, восстание распространилось практически на весь юго-запад Англии. Данное восстание вошло в историю как «Восстание Книги Молитв» (англ. «Prayer Book Rebellion»). Корнуолл и Девон были одними из немногих регионов Англии, где местное население говорило на своем языке – корнском, который к тому времени так и не был вытеснен английским. Для Корнуольцев повсеместное введение английского языка было неприемлемым. Жители Корнуолла также отказывались принимать новое богослужение. Около 20 тысяч человек собрались недалеко от Норвича, им даже удалось отразить королевские войска. Корнуольцы выдвинули дополнительные требования: изгнание злых советников, запрещение огораживаний, удовлетворение жалоб бедняков. Спустя некоторое время восстание было подавлено и все требования мятежников остались без рассмотрения [2, с. 514].

Как следствие принятия «Книги», в 1550 г. был издан Акт против суеверных книг и икон (англ. An Act for the abolishing and putting away of divers Books and Images). Согласно этому акту все старые книги, в которых упоминается дореформационное богослужение или критикуется богослужение, установленное Актом 1549 г., а также непротестантские статуи и иконы подлежали уничтожению. Все, у кого были такие книги или иконы, должны были в течение двух месяцев сдать их местной администрации или в ближайшую церковь для уничтожения. Акт предусматривал с 1 июля 1550 г. штраф за его неисполнение: если запрещенные предметы у лица находили впервые, то виновный должен был заплатить штраф в размере 20 шиллингов, за повторное нарушение – в размере 4 фунта, за последующее нарушение лицо к лицу применялось тюремное заключение, причем срок заключения не указывался, что способствовало росту коррупции, поскольку по каждому такому случаю решение выносил король, следовательно, многие пытались подкупить его приближенных с целью их ходатайствования за нарушителя перед королем [8, с. 113-115].

Еще одним последствием принятия «Книги» можно назвать Предписание об алтарях (англ. Injunction concerning the Altar). Изначально это было локальное распоряжение епископа Н. Ридли и предназначалось для церквей Лондона. 24 ноября 1550 г. актом Тайного Совета действие Предписания было распространено на все королевство. Согласно Предписанию, во всех церквях необходимо уничтожить алтари и вместо них установить деревянные столы, поскольку богатое убранство церкви не должно отвлекать прихожан во время молитвы [8, с. 115].

Второй акт «О единообразии богослужения и отправления таинств во всем

королевстве» 1552 г. предписал использовать в Англии исправленную, вторую редакцию «Книги Общих Молитв». Отметим, что в русскоязычных источниках «Книга», изданная в 1552 г., называется второй редакцией, хотя в английских источниках она указывается как «Second Book of Common Prayer», т. е. «Вторая Книга Общих Молитв», тем самым подчеркивая их различие.

Постепенно все более очевидной становилась необходимость изменения «Книги», поскольку она была принята во время протектората герцога Сомерсета. Лорд-президент Нортумберлендский был сторонником радикальных реформ, его точку зрения полностью разделял архиепископ Кентерберийский Т. Кранмер. Новая «Книга» была разработана Кранмером в соавторстве с епископом Ридли.

В проведение многих таинств вносились изменения. Так, например, в таинстве крещения помазания елеем были упразднены, отменена молитва за умерших. Изменилось понимание причастия. Если в первой «Книге» понимание причастия ближе к католическому (признается присутствие в Хлебе и Вине Тела и Крови Христа) [8, с. 118], то во второй «Книге» причастие понимается в символическом смысле как воспоминание смерти Христа. Слово «алтарь» было полностью исключено из употребления для того, чтобы избежать его почитания как такового.

Как и первый, второй акт «О единообразии» также предусматривал наказание за невыполнение установленных в нем предписаний. Однако, в отличие от первого акта, объем ответственности не дифференцировался в зависимости от того, совершил данные действия мирянин или священнослужитель. Если лицо посещает или осуществляет обряды не в соответствии с нормами новой «Книги», то оно должно быть подвергнуто наказанию. За первое нарушение акта предусматривалось тюремное заключение на шесть месяцев без возможности внести залог, за второе – на один год, за третье – пожизненное тюремное заключение [8, с. 120]. В акте указано, что применение наказаний должно осуществляться только после ближайшего праздника Всех Святых, т. е. после 1 ноября. Осуществление надзора за исполнением предписаний акта возлагалось на архиепископов и епископов.

Следующим важным шагом реформирования канонического права стала разработка и принятие нового символа веры. Подготовка проекта заняла у Кранмера порядка двух лет. Отдельные положения были заимствованы из «Десяти статей», которые были приняты в мае 1536 г. Некоторые исследователи считают, что кроме «Десяти статей» в основу нового символа веры было положено Аугсбургское исповедание веры 1530 г. [3, с. 140].

Проект нового символа веры, состоящего из 45 статей, в 1552 г. был представлен королю, Тайному Совету, конвокации и Совету капелланов короля. После ознакомления комиссия предложила внести некоторые изменения в символе. С учетом данных предложений проект был пересмотрен, сокращен до 42 статей и 23 ноября 1552 г. принят Тайным Советом. После долгих дискуссий, 25 марта 1553 г. проект был одобрен конвокацией. Через месяц конвокацией был принят акт, который предписывал разослать эти статьи духовенству для ознакомления. В июне

1552 г. «42 статьи» были официально утверждены королем в качестве нового символа веры. Одновременно был издан акт, предусматривающий публикацию и распространение символа веры по всему королевству. Однако «42 статьи» так и не были опубликованы, поскольку в тот период начиналась контрреформация.

В связи с существенным изменением основных догматов, возникла необходимость фундаментального переустройства всей церковно-правовой сферы. В 1551 г. была создана специальная комиссия из высших церковных лиц, возглавляемая Т. Кранмером. В начале 1553 г. они предоставили проект кодекса канонического права «*Reformatio Legum Ecclesiasticarum*».

«*Reformatio Legum Ecclesiasticarum*» достаточно подробно регламентировал порядок управления англиканской церковью, определял юрисдикцию и порядок работы церковных судов, регулировал наказания за определенные преступления (идолопоклонство, богохульство, лжесвидетельство и др.), затрагивал практически все вопросы церковной жизни (приговоры, завещания, церковные бенефиции, брачно-семейное право, школы и университеты). Документ не только кодифицировал систему церковного права, но и касался ряда вопросов вероучения. Проект исходит из принципа, что верховным главой англиканской церкви на земле является король и что с вероучением, определяемым им, должны быть согласны все его подданные [3, с. 150].

Проектом вносилось предложение вернуть традиционный контроль церковного суда за заключением брака, выплатой церковной десятины, деятельностью приходов, оформлением завещаний, привлечением к ответственности за лжесвидетельство и клевету. Также проект предлагал ряд прогрессивных реформ относительно процесса развода, например, признание измены, оставление супруга либо жестокого обращения с ним в качестве достаточного основания для развода. С целью улучшения понимания норм канонического права простыми людьми предусматривались ежегодные епархиальные съезды, которые могли бы посещать не только клирики, но и миряне. Введение таких съездов позволило бы значительно снизить напряжение между различными конфессиями, существующими в Англии за ближайшие несколько лет.

Однако данный проект кодекса был отклонен. Относительно причин отклонения, мы согласны с точкой зрения Ивановой О. Ю., которая в качестве основной причины называет угрозу «нарушения баланса власти между духовными и светскими элементами в церкви и в обществе, которая возникла бы в случае введения его в действие. Проект кодекса предусматривал введение элементов конгрегациональной системы (ограниченное участие выборных представителей мирян в управлении церковными делами); устанавливал ограничения на отчуждение церковной земельной собственности, ужесточал церковную дисциплину в целом, вводил суровые наказания за супружескую измену. В случае принятия проекта кодекса возросла бы власть духовенства над мирянами, и юристы церковного права укрепили бы свои позиции. В силу этих причин попытки реформировать и систематизировать каноническое право встречали активное

противодействие юристов общего и гражданского права» [3, с. 200].

Поскольку данный документ не был принят, то и сложно говорить о завершении процесса реформирования церковной системы в направлении, предусмотренном кодексом. В дальнейшем он также не был принят к рассмотрению: сначала потому, что к власти пришла католичка Мария Тюдор, а затем, при правлении Елизаветы I он не подходил по закрепленным нормам.

Таким образом, во время правления Эдуарда VI реформация была продолжена. В отличие от предыдущего периода, реформы исходили не от короля, а от регентского совета, поскольку монарх был еще слишком молод. Это был период медленных, последовательных действий по совершенствованию английского канонического права. Секуляризация была доведена до логического конца. Верховенство короля над церковью получило нормативное закрепление. Было разработано и принято новое вероучение. «Книга Гомилий» и «Сорок две статьи» представляли собой разработку новой доктрины, что свидетельствовало о становлении вероучения и о независимости Англиканской церкви. «Книга Общих Молитв» регламентировала порядок богослужения. Реформация, проводимая во время правления Эдуарда VI, еще больше повернула Англиканскую церковь в сторону протестантизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английская реформация (Документы и материалы). / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 104 с.
2. Грин Дж. Р. Британия. Краткая история английского народа (В двух томах. Том 1). / Дж. Р. Грин. – Минск: Минская фабрика цветной печати, 2007. – 720 с.
3. Иванова О. Ю. Проект реформы канонического права в контексте ранней королевской Реформации в Англии: 1529–1553 гг.: дис. канд. историч. наук: код специальности 07.00.03. / О. Ю. Иванова; Смоленск. гос. ун-т. – Смоленск, 2006. – 215 с.
4. Соколов В. Н. Реформация в Англии. / В. Н. Соколов. – Москва: Типография Л. О. Снегирева, 1881. – 537 с.
5. Хилл Кристофер. Английская Библия и революция XVII века. / Кристофер Хилл. – Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1997. – 490 с.
6. Jordan W. K. Edward VI: the Threshold of Power. The Dominance of the Duke of Northumberland. – Cambridge, 1970. – 357 pages.
7. Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation. – London The knickerbocker press, 1906. – 399 pages.
8. Tanner J.R. Tudor Constitutional Documents: A.D. 1485-1603 / J.R Tanner. Cambridge University Press – Cambridge, 1922. – 636 pages.

REFERENCES

1. Angliyskaya reformatsiya (Dokumenty i materialy). / Pod red. Yu.M. Sapryikina. – Moskva: Izd-vo MGU, 1990. – 104 s.
2. Grin Dzh. R. Britaniya. Kratkaya istoriya angliyskogo naroda (V dvuh tomah. Tom 1). / Dzh. R. Grin. – Minsk: Minskaya fabrika tsvetnoy pechati, 2007. – 720 s.
3. Ivanova O. Yu. Proekt reformyi kanonicheskogo prava v kontekste ranney korolevskoy

- Reformatsii v Anglii: 1529–1553 gg.: dis. kand. istorich. nauk: kod spetsialnosti 07.00.03. / O. Yu. Ivanova; Smolensk. gos. un-t. – Smolensk, 2006. – 215 s.
4. Sokolov V. N. Reformatsiya v Anglii. / V. N. Sokolov. – Moskva: Tipografiya L. O. Snegireva, 1881. – 537 s.
 5. Hill Kristofer. Angliyskaya Bibliya i revolyutsiya XVII veka. / Kristofer Hill. – Moskva: Institut vseobschey istorii RAN, 1997. – 490 s.
 6. Jordan W. K. Edward VI: the Threshold of Power. The Dominance of the Duke of Northumberland. – Cambridge, 1970. – 357 pages.
 7. Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation. – London The knickerbocker press, 1906. – 399 pages.
 8. Tanner J.R. Tudor Constitutional Documents: A.D. 1485-1603 / J.R Tanner. Cambridge University Press – Cambridge, 1922. – 636 pages.

ЦЕРКОВНЫЙ СУД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Т. И. ИВАНОВА (Минск, Республика Беларусь)¹³

Судебная власть в Тюдоровской Англии представляла собой две параллельно существующие системы: церковные суды и суды общей юрисдикции (так называемые, мирские суды). Церковные суды рассматривали и разрешали дела исходя из канонического права, подобно тому, как это происходило в светских судах на основе общего права. Они различались только видами применяемых наказаний.

Компетенция средневековой церкви была достаточно обширной: брак, родство, наследственное право, семейные отношения (аналогично современному семейному праву), образование и большое количество иных дел, которые не регулировались общим правом, и, соответственно, не рассматривались общими (светскими) судами.

Церковные суды осуществляли юрисдикцию на основе римского канонического права и могли применять наказания как к священнослужителям, так и к мирянам. Суды выносили решения не только по делам о ереси, богохульстве, неуважении церковных традиций, невыполнении духовенством своих обязанностей и иным правонарушениям, связанным с церковным правом, но и по таким делам, как лжесвидетельство, клевета, колдовство, пьянство и по иным вопросам, связанным со светской жизнью. Кроме того, церковным судам были подсудны дела о нарушении супружеской верности, а также все преступления, связанные с нарушением половой свободы и половой неприкосновенности, поскольку они не были наказуемы в общем праве.

Основным видом наказания, применяемым церковными судами, для мирянина было публичное покаяние или временное запрещение посещать церковь, для духовного лица – запрещение отправлять таинства. Если эта мера не помогала, применяли малое и большое отлучение от церкви. Малое отлучение лишало права посещать церковные службы и участвовать в таинствах, большое – исключало из христианского общества. В любом случае

Одновременно с отлучением от церкви, мирянина ограничивали в гражданских правах: он не мог обратиться с иском в суд, быть свидетелем и принимать наследство. Более того, если он отказывался выполнять данные предписания, церковный суд обращался к Лорд-канцлеру, чтобы тот вынес решение *de excommunicato capiendo* (лат. «о захвате» – судебный приказ об отлучении от церкви), по которому виновное лицо могло быть арестовано и находиться под стражей до тех пор, пока не подчинится требованиям церкви.

¹³**Иванова Татьяна Ивановна** – студентка юридического факультета Белорусского государственного университета. Исследует особенности английской королевской Реформации, каноническое и церковное право, церковное судоустройство в средневековой Англии. E-mail: tatiana_ivanova_bsu@mail.ru.

Аналогичная процедура применялась в случае осуждения упорствующего еретика: церковный суд апеллировал к светским властям об издании предписания *de heretico comburendo* (лат. «о сожжении еретиков»), который давал право принимать решение о сожжении такого лица, однако это было лишь формальностью, поскольку такое предписание выдавалось всегда, зачастую даже в день обращения и без рассмотрения доводов виновного. Все это создавало лишь иллюзию подчиненности церковных судов светской власти. Наиболее ярко обособленность церкви демонстрирует наличие отдельной независимой системы церковных судов, которую мы подробно рассмотрим далее.

Первая инстанция. Суд архидиакона

Изначально архидиакон был заместителем епископа и его полномочия представляли собой часть полномочий епископа. Но в XII веке к полномочиям архидиаконов была добавлена возможность рассматривать дела, которые ранее регулировались общим правом. Однако необходимо отметить, что в различных архидиакониях полномочия архидиаконов различались, поскольку они были обусловлены либо обычаями в каждой конкретной архидиаконии, либо специальным соглашением между епископом и его архидиаконами.

Архидиакон осуществлял правосудие, как правило, лично, но иногда и через специальных должностных лиц – представителей. Большинство дел, рассматриваемых в таком суде, были связаны с каноническим правом. Однако архидиакон обладал также правом визитаций. (Под визитациями в английском каноническом праве понимается объезд всех церковных учреждений и составление отчетов об их состоянии). Обычно такие визитации проводились в периодах между ежегодными визитациями епископа.

Отметим, что определенные приходы или территории в пределах архидиаконии могли быть выведены из юрисдикции архидиакона. Судебную власть в них могли осуществлять собственники маноров, епископ, архиепископ или корона [1, с. 41].

Вторая инстанция. Суд епископа

Суд епископа (*The consistory court of the Bishop*) был апелляционной инстанцией по отношению к судам архидиакона, находящимся в пределах одного диоцеза. Такой суд также являлся и судом первой инстанции для определенных дел: например, если в деле имелись противоречивые показания свидетелей, либо в деле были только косвенные доказательства, либо была необходимость заслушать свидетелей, живущих в разных архидиакониях в пределах одного диоцеза.

Как правило, епископ лично не участвовал в отправлении правосудия. Разрешением дела по существу занимался специальный канцлер (ординарий) – официально нанимаемое должностное лицо, обладающее полномочиями епископа по судебным вопросам. При необходимости проведения выездного судебного заседания епископ мог назначить специальную комиссию из своих представителей (комиссариев). В случае несогласия сторон с их решением по делу, была предусмотрена возможность подачи апелляционной жалобы епископу.

Как высшее должностное лицо суда, епископ имел право изъять дело из суда с

целью личного рассмотрения. Также как и в суде архидиакона, некоторые приходы или территории могли быть выведены из епископской юрисдикции.

Третья инстанция. Суды архиепископа

Архиепископу Кентерберийскому были подчинены четыре местных суда. (В Тюдорской Англии архиепископ Кентерберийский считался главным епископом и высшей инстанцией в случае возникновения споров относительно полномочий нижестоящих служителей церкви).

1) Провинциальный суд архиепископа (The consistory court of the Archbishop) заседал в церкви Сент-Мери-ле-Боу (главная из 13 приходских церквей Лондона, изъятых из юрисдикции епископа Лондонского и подчиненных лично архиепископу Кентерберийскому). Председательствовал на нем главный судья (Dean of Arches) – представитель архиепископа (аналогично представительству ординариями епископа, и представительству главным судьей в суде Королевской скамьи короля).

Данный суд являлся апелляционной инстанцией для суда епископа, в то же время он являлся и судом первой инстанции для диоцеза Кентербери и отдельных категорий дел.

2) В подчинении у архиепископа Кентерберийского также находился так называемый Личный суд (Court of Audience), в котором, в отличие от Провинциального суда, архиепископ лично рассматривал все дела [2, с. 135].

Изначально юрисдикцию, которая во многом совпадала с юрисдикцией суда Провинциального суда, осуществлял лично архиепископ, без участия представителей. Со временем суд был официально закреплен за архиепископом, что увеличило количество обращений в него, следовательно, необходимо было увеличить количество судей, т.е. назначить представителей архиепископа. Постепенно функции Личного суда стали идентичны функциям Провинциального суда, что к середине XVII века привело к слиянию этих двух судов в единый, в котором председательствовал архиепископ Кентерберийский.

3) Особый суд архиепископа также заседал в церкви Сент-Мери-ле-Боу и рассматривал дела, возникавшие в 13 лондонских приходах, которые были изъяты из-под юрисдикции епископа Лондонского. Судьи этого суда именовались главными судьями (Dean of Arches) и были подотчетны главному вышестоящему судье («official principal»), который был председательствующим.

Поскольку Провинциальный и Особый суды архиепископа находились в одной церкви, то довольно часто на должности председательствующих назначали одного человека. Со временем, несмотря на различное происхождение, одинаковые по названию должности превратились в одну, что в конце XV в. привело к слиянию двух судов.

Аналогичные **Особые суды** были и в других графствах: Рочестер, Винчестер, Линкольн, Норвич, а также отдельный суд в Эссексе.

4) Суд Кентербери (The Prerogative Court of Canterbury) заседал в архиепископском дворце в Кентербери и рассматривал дела, связанные с

завещанием, в том числе и об их утверждении. Суду Кентербери были подсудны дела только в том случае, если в завещании шла речь об имуществе, находившемся в разных диоцезах. Председательствующим был профессиональный судья. Со временем количество дел стало увеличиваться, поскольку составление завещаний становилось все более популярным, следовательно, появилась необходимость переезда в столицу, и к 1530 г. Суд Кентербери уже находился в Лондоне.

5) Высший суд уполномоченных (High Court of Delegates). Статут «О подчинении духовенства», принятый в 1534 г. провозгласил создание новой апелляционной инстанции по делам, связанным с церковным правом, – Высший суд уполномоченных. Сторона, считавшая решение суда архиепископа несправедливым, могла подать апелляционную жалобу королю через Суд лорд-канцлера. Далее по приказу короля создавалась специальная комиссия, которая и должна была рассматривать дело. Примечательно, что стороны могли сами выбирать лиц в комиссию путем подачи соответствующего заявления. В ее состав входили церковные юристы, тем не менее, в заседаниях могли принимать участие и епископы.

Решение Суда уполномоченных являлось окончательным и не подлежало обжалованию, однако во время правления Елизаветы I данное решение можно было обжаловать, но лишь с согласия монарха.

Система создания комиссии ad hoc (по случаю) по многим причинам была неудобна как для сторон, так и для короны, поэтому с 1832 г. юрисдикция Высшего суда уполномоченных была передана Тайному Совету. В настоящее время полномочия такого суда осуществляет Судебный комитет Тайного Совета.

Высшая апелляционная инстанция на территории Англии. Суд Высокой комиссии (Court of High Commission).

Первый Суд Высокой комиссии был созван Т. Кромвелем в 1535 г. с целью назначения вице-регента короля по вопросам церковного права. Такой вице-регент наделялся широкими полномочиями и его решение не требовало согласия короля, так как он, по сути, являлся представителем монарха.

Всего в состав комиссии входили 25 комиссионеров. Однако постоянно заседали лишь 11 из них: 7 епископов, 2 иных представителя духовенства и 2 государственных министра. В случае необходимости экстренного созыва комиссии, решение могло быть принято 3 комиссионерами.

Изначально работа комиссионеров по большей части носила инспектирующий характер и была связана со смещением с должностей тех священнослужителей, кто все еще придерживался католицизма. Вскоре к обязанностям комиссионеров было добавлено и осуществление административных функций: принятие присяги новых членов духовенства и сбор штрафов, налагаемых согласно Акту «О единообразии богослужения и отправлении таинств во всем королевстве» 1549 года.

Высшей инстанцией по отношению к английским церковным судам были судебные учреждения римской курии. Истец мог возбудить дело сразу в Риме, обращаясь к папе как к судье, обладающему высшей юрисдикцией. Обращение в

Рим вело к затягиванию и усложнению процесса, а, следовательно, и к увеличению материальных затрат сторон. Поэтому более 90% всех дел рассматривались без участия Рима. Впоследствии именно ограниченное вмешательство римской курии в решение вопросов английскими судами станет фактором, способствующим отделению английской церкви, поскольку сможет решить «Великое дело короля» («The Kin's great matter»).

В 1518 г. между провинциальными судами Англии и римской курией возникла еще одна инстанция – легатский суд Вулси (Томас Вулси – английский канцлер с 1515 по 1529 годы, архиепископ Йоркский, кардинал), который заслушивал апелляции и мог изымать дела из низших инстанций. Тем самым количество дел, направляемых в Римскую курию, значительно сократилось. Появление такого суда многие авторы считают первым шагом на пути отделения от Рима.

К началу XVI в. вся эта система подвергалась критике, звучали требования отмены неподсудности духовенства светским судам. Церковная юстиция заняла большую нишу в юридической системе: дела о наследовании, исполнение завещаний, брачно-семейное право и многие другие сферы находились под ее контролем. Столь большая власть церкви в правовых вопросах сделала перестройку канонического права одной из важных сторон Реформации. Именно перемены в церковном законодательстве могли ограничить вмешательство церкви в светские дела. Реформация поставила вопрос о том, чтобы ограничить сферу церковного влияния и оставить в ее ведении только духовные и нравственные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, О. Ю. Проект реформы канонического права в контексте ранней королевской Реформации в Англии (1529-1533 гг.): диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03 / О.Ю. Иванова. – Смоленск, 2006. – 215 с.
2. Leadam, I.S. England and Wales Court of Star Chamber / Leadam I.S. volume 1, page 135, 1903. – 523 pages.
3. Tanner, J.R. Tudor Constitutional Documents: A.D. 1485-1603 / J.R Tanner. Cambridge University Press – Cambridge, 1922. – 636 pages.

REFERENCES

1. Ivanova, O. Yu. Proekt reformyi kanonicheskogo prava v kontekste ranney korolevskoy Reformatsii v Anglii (1529-1533 gg.): dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03 / O.Yu. Ivanova. – Smolensk, 2006. – 215 s.
2. Leadam, I.S. England and Wales Court of Star Chamber / Leadam I.S. volume 1, page 135, 1903. – 523 pages.
3. Tanner, J.R. Tudor Constitutional Documents: A.D. 1485-1603 / J.R Tanner. Cambridge University Press – Cambridge, 1922. – 636 pages.

ТРАДИЦІЯ САРМАТСЬКОЇ ІДЕОЛОГІЇ: МІЖ СКІФСТВОМ І ШЛЯХЕТСЬКИМ ІДЕАЛОМ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)¹⁴

Вступ. Ідеологія, що здатна вплинути на формування і становлення високорозвиненого громадянського суспільства є поняттям, що рівнозначне «ідеальній державі» Платона. Зважаючи на розвиток політико-антропологічного та громадянсько-політологічного підходів до аналізу проблеми, ми вирішили написати нарис з історії однієї східноєвропейської елітотворчої традиції – сарматизму.

Проблема є досить новою. У цій статті ми пропонуємо власне суб'єктивне бачення, що засноване на аналізі історико-літературного нарративу із певним домішком власних філософських роздумів.

Найближчим часом має бути опублікована наша стаття, присвячена соціально-інтеграційним функціям «скіфо-сарматизму» (на наш погляд, більше йдеться про «можливість таких функцій»). Цей екскурс пропонуємо вважати теоретико-методологічною підготовкою до цієї статті.

Від ідеальності та ідейності до успішності ідеологій. У західній літературі сьогодні модно пов'язувати політику і театр. Класичний, хоч і ранній, приклад «ігрового» аналізу суспільних відносин представляє один із найсерйозніших зразків філософської прози — роман Германа Гессе «Гра в бісер» («Das Glasperlenspiel», 1943, радимо чудовий переклад українською мовою Є. Поповича). Гессе пише: «Гра в бісер — це гра всім змістом і всіма вартостями нашої культури, майстер грає ними десь так, як у добу розквіту живопису художник грав барвами своєї палітри... Врешті, історик на свій розсуд може залічувати до якої завгодно доби початок і передісторію Гри в бісер. Бо, як кожна велика ідея, вона, властиво, не мала початку, саме як ідея вона існувала споконвіку. Як ідею, як передчуття й ідеал ми знаходимо її ще в стародавні часи, скажімо, в Піфагора, потім у пізню добу античної культури, в колах еллінських гностиків, так само в стародавніх китайців, тоді в періоди найбільшого розквіту духовного життя арабсько-мавританського світу, а далі слід її передісторії веде через схоластику й гуманізм середньовіччя до математичних академій сімнадцятого й вісімнадцятого сторіч і аж до романтичної філософії та рун з містичними мареннями Новаліса. В основі кожного прямування духа до високої мети — *universitas litterarum*, в основі кожної платонівської академії, будь-якого спілкування духовної еліти, кожної спроби

¹⁴ **Мельник Віктор Мирославович** – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії», вчений секретар Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, член Української асоціації зовнішньої політики, член Національної спілки журналістів України. Сфера наукових інтересів: політична антропологія, юридична історія та історіографія, теорія міжнародно-правового статусу Ватикану. E-mail: melnyk_science@mail.ru.

наблизити одні до одних точні й гуманітарні науки, кожної спроби примирити науку й мистецтво чи науку й релігію лежить та сама вічна ідея, яка для нас набула форми Гри в бісер» [2, с. 32-33].

Що нам демонструє вибрана цитата з Г. Гессе? По-перше: автор вдало підмітив вічність та неперервність великих ідей. Так, наприклад, стремління побудувати «ідеальну державу» було лейтмотивом як давньогрецької, так і давньокитайської, давньоіндійської філософій і спричинило розвиток не лише світової філософської думки, але і сучасної політології. Саме платонівський концепт «ідеальної держави» зумовив розширення співвідношення «людина-держави» з управлінської його складової на етичну й естетичну. Це ж саме стосується і «антропологічності» як вияву людськості та людяності. Спроба обґрунтувати теорію «загальнолюдського» була метою Арістотеля, що через рецепцію Фоми Аквінського оформила сучасну глобалізацію.

По-друге: автор демонструє спільну еволюційну сутність в усіх «великих ідеях». Наприклад, політична антропологія як першопочатковий продукт рецепції Фомаю Аквінським арістотелівської антропологічності, пройшла всі ті самі етапи становлення, що і будь-яка інша наука. Крім того, політична антропологія є продуктом міждисциплінарності. Герман Гессе впевнено нам показує, що міждисциплінарність є основою наукового пізнання споконвіку. Саме народження науки в лоні філософії відображало спробу поєднати природниче та гуманітарне знання в певну систему.

По-третє: німецький філософ-письменник не дарма згадав про релігію. Проблема узгодження релігійної віри та наукового пізнання породила «антропологічність». Ми повинні про це пам'ятати. Релігія має виключне значення для політології. Всі подальші політичні ідеї, цілісні чи класові ідеології будувались за принципом інтеграції релігійного вірування та наукового обґрунтування. Отже, головний і найпотрібніший для нас висновок із слів Г. Гессе: справжня політична ідеологія потребує воз'єднання ірраціонального та раціонального. Віра в майбутнє може бути лише ірраціональною, тоді як історичний ґрунт повинен підгодовувати цю віру розумними поясненнями. Саме це визначення має стати методикою створення успішних ідеологій.

Чи був сарматизм часів Речі Посполитої успішною ідеологією? Ми впевнені, що був. XVI-XVII століття — епоха його розквіту. Лише невміле використання цього міфополітичного комплексу і тотальне небажання пристосовуватись до умов Нового часу перетворили сарматизм в красиву легенду.

П. М. Сас дає таке визначення річпосполитському сарматизму: «культурно-історичні, політичні і світоглядні орієнтації, пов'язані з ідеєю історичного наступництва давніх сарматів та етногенетичної спорідненості з ними; елітарна станова концепція походження польської шляхти, що викристалізувалися в польській книжній культурі 16 століття» [26, с. 459].

Як і Скіфський міф, сарматизм — це етногенетична концепція. Такого типу теорії не з'являються нізвідки. Якими б фантастичними вони не видавалися

історикам, етногенетичні концепції завжди продиктовані логікою етноісторичного процесу. Яскравим прикладом виступає Г. В. Вернадський з його «євразійством», що остаточно викристалізувалось у монографії «Начертание русской истории». Тільки для Г. В. Вернадського, «Скіфська імперія», «Сарматія», «Гунська імперія» є спадщиною, на основі якої народилась і політично відбулась московська, а згодом і російська державність. Російську імперську традицію Г. В. Вернадський вважає саме наслідком психологічної адаптації скіфо-сарматської політичної традиції, сенс якої полягає в інтеграції геопросторових категорій «степ» і «ліс».

Г. В. Вернадському вдалось побудувати логічну і цікаву концепцію політико-географічної еволюції від Великої Скіфії до СРСР. Л. М. Гумільов додав сюди важливе положення про існування суперетносів і «мозаїчність етносфери». Євразійство, вбачаючи своє коріння в Скіфії та Сарматії, з наукової площини перейшло в контекст практичної ідеології та у сферу публічної політики. Однак, євразійство також було і наслідком інтеграції в сферу наукової та культурної еліти «російського світу» всіх народностей Російської імперії та СРСР. Тут відчуваються польські та українські впливи. Якщо, наприклад, для раннього Соловйова і для Ключевського сармати не мають визначного «традиціоналістичного» значення, то для батька української історії М. С. Грушевського, сармати вже виконують важливу етногенетичну роль і разом зі скіфами органічно входять в наратив українського історіописання після публікації першого тому «Історії України-Руси».

В свою чергу, польська історіографія не припиняла опрацьовувати сарматизм навіть після третього поділу Речі Посполитої в 1795 році. І Конституція 3-го травня 1791 року, і Варшавське герцогство 1812 року, і вшехпосполиті повстання 1830-1831 та 1861 років мали у своєму агітаційному запасі ідеї «шляхетського сарматизму», точно пристосовувані до реалій того чи іншого регіонального простору (Мазовії, Малопольщі, Литви, Білорусії чи Правобережної України). Достатньо перечитати твори Генрика Сенкевича чи навіть Стефана Жеромського.

Різними видаються акценти трьох рецепцій скіфської і сарматської спадщини. Для євразійства сарматизм виступив можливістю пояснити необхідність співжиття найрізноманітніших етносів (на найбільшій у світі території) історичною традицією «мозаїчності етносфери». Для української історіографії сарматизм перетворився в метод доведення відвічності державного будівництва на наших землях і виконував (і досі виконує) функцію політичної традиції. Для польської історичної науки та літератури доби романтизму та неоромантизму, сарматизм відіграв роль «шляхетської ідеології», таким чином, ставши психологічною традицією. Дискурс сарматизму — це дискурс не навколо спадщини, а навколо її сприйняття. Міф є складовою частиною реальності, що формує наше відношення до подій майбутнього. Саме тому, вивчати і обґрунтовувати політичну антропологію українців як вихідну позицію успішного державотворення та «виробництва» державноорієнтованих еліт, неможливо поза детальною реконструкцією етногенетичних міфів.

Ми акцентуємо на міфополітичній суті скіфства і сарматизму. Міф — це

вираження ідеального, що перетворюється в онтологічне реальне. Міф про минуле визначає буття сьогодні. Слід зазначити, що про таке сприйняття «соціально значимого міфу» ми знаходимо ми писали ще у монографії «Нариси з теорії соціокультурної антропології» [16, с. 494-496].

Сьогодні історики багато пишуть про сарматизм – ідеологію панівної верстви Речі Посполитої. Однак, нас вражає небажання враховувати етнопсихологічні властивості таких історичних ідеологій у процесі майбутньої політичної самореалізації України. Скажімо, В. В. Козьма правильно акцентує: «Політичний аналіз сучасних глибинних трансформацій в українському суспільстві потребує якісно нових методологічних підходів. Як відомо, кожна галузь знання спирається на своєрідну методологічну базу, без якої неможливо об'єктивно осмислити явище природи чи суспільства. Не є винятком із цього правила і політична наука. При цьому варто мати на увазі, що об'єкт політологічного аналізу — політика — досить своєрідна сфера соціуму, її специфіка у тому, що їй притаманні: динамізм, випадковість, вірогідність, незворотність тощо. Визначальна риса політики — не спокій, а рух. Відповідно з цим у центрі уваги політичної науки перебуває політичний процес, якому властива не статичність, а змінність станів, і тому його важко зафіксувати у поняттєвих формах та формулах на всі часи. Ця обставина зумовлює і своєрідність методологічного інструментарію політологічного аналізу як такого» (див. Журнал «Гілея: Всеукраїнське фахове видання», №113, с. 339).

Погоджуючись із загальною логікою міркувань В. В. Козьми, ми підкреслимо: все нове — давно забуте старе. Особливо це стосується політики як практичного виміру реалізації ідеологічних філософій. Для того, щоб прослідкувати можливість «реактивації» сарматизму нам потрібно: дати політико-антропологічну оцінку сарматській традиції державотворення; визначити основні етапи розвитку річпосполитського та українського сарматизму.

Політична історія скіфів і сарматів як передумова цивілізаційного маркування Східної Європи. Надзвичайно вдалий і «живий» портрет сарматського життя вдалось намалювати відомому українському археологу, доктору історичних наук, професору, члену-кореспонденту Німецького інституту археології Д. Н. Козаку в монографії «Венеди» (2008). Автор пише: «Сармати займали з останніх століть до нашої ери аж до IV ст. н. е. степові регіони України і відгороджували землеробські племена лісостепу, в тому числі і венедів, від надчорноморських античних центрів та моря. Потрібно зауважити, що це були різні за характером господарства, побуту, ідеологією народи (венеди і сармати — О. П.). Перші проживали тут постійно, нагромаджуючи та передаючи культурні надбання наступним поколінням, другі — періодично змінювалися, витісняючи чи асимілюючи уцілілих попередників. Перші мали вищу культуру і стояли на більш високому щаблі суспільного розвитку, другі користувалися цим надбанням» [10].

Д. Н. Козак надає нам цінні вказівки щодо подальшого осмислення сарматської історії. Сармати були: а) посередниками між античним світом і протослов'янськими племенами; б) реципієнтами водночас античної та землеробської культури; в) мали

відмінний від венедів характер ідеології.

Варто усвідомити, що прихід на українські терени сарматів був зумовлений закономірним процесом розпаду Скіфської держави. Війни з сарматами значною мірою і зумовили знищення скіфської державності. Однак, це не означає, що скіфи припинили своє існування. По-перше: скіфські політичні утворення продовжували існувати на теренах Таврії і Криму. По-друге: скіфські племена кочівницького характеру органічно влились у багатонаціональний конгломерат сарматських племен. По-третє: скіфські племена землеробського характеру диференціювались від сарматів і продовжили власний етногенез по протослов'янській лінії.

П. Р. Магочій у своїй «Ілюстрованій історії України» підкреслює: «Відкритий внутрішній степ уже завдяки своїм географічним властивостям був легко доступний для кочових завойовників, найважливішими з яких були скити — племена іранського походження, які прийшли на захід й осіли спершу на Кубані й Таманському півострові (700-550-ті роки до н. е.), а відтак у пониззі Дніпра і в Криму — на території, згодом відомій як Мала Скитія. Саме тут між 350 і 250 роками до н. е. скити досягли вершини своєї політичної могутності» [15, с. 28-29].

Велика Скіфія вже в IV столітті до н. е. охоплювала майже всю територію сучасної України. Її ядро (племена царських скіфів та скіфів-кочівників іранського походження) містилося в Малій Скіфії. Скіфи-землероби заселяли територію дніпровського пониззя, в тому числі терени навколо сучасної Каховки та виходили до Чорного моря в районі Ольвії. Алазони і Калліпіди проживали в причорноморських степах на Миколаївщині та Одещині. Скіфи-орачі охоплювали терени сучасних Київської, Вінницької, Житомирської, Черкаської, Кіровоградської, Хмельницької, Рівненської, Волинської, Тернопільської, Львівської, Чернівецької, Івано-Франківської областей. Саме з конгломерату східноподільської, західноподільської і волинської археологічних культур, сукупність яких дослідники називають скіфами-орачами, витворилась подальша основа для міжплемінного об'єднання венедів. Київська археологічна культура, хоч і зараховується до скіфів-орачів, але завжди становила певну культурну окремішність. Найбільше схожими на провідні центри скіфів-орачів є городища в Немирові (на Вінниччині) і у Трахтемирові (на Київщині). Значну частину Львівщини, Волині, Холмщини, Люблінщини, Підляшшя заселяло «напівскіфське» плем'я неврів, що відіграли важливу роль в етногенезі венедів.

Лівобережну Україну, включно з сучасними Полтавською, Чернігівською, Сумською областями заселяли (згідно із свідченнями Геродота) гелони. Тоді як меланхлени проживали на сучасній Харківщині та Луганщині. Межі цих етнічних груп, описаних Геродотом, приблизно збігаються з розподілом археологами вказаних територій на посульську, ворсклянську і сіверськодонецьку культури.

П. Р. Магочій підкреслює: «Хоча самі скити були кочовиками, вони панували над осілим населенням великої території — сьогодишньої центральної та східної України та земель поза її межами. Успіх скитської політичної формації, або *Rex Scythica*, що існувала в Україні майже пів тисячоліття (750-250-ті роки до н. е.),

зумовлювали два чинники: здобуття провізії (зерна й риби) від осілих мешканців внутрішніх територій і можливість продавати ці продукти купцям із грецьких міст Надчорномор'я і Надазов'я. Для координації цієї торгівлі скити заснували укріплені поселення, найбільшими з яких був Гелон (Більськ) та дві скитські столиці: Кам'янка (від кінця V ст. до н. е.) у південному Подніпров'ї та Неаполь Скитський (від II ст. до н. е.) в Криму» [15, с. 29].

Так чи інакше, але терени давньої України були складовою частиною єдиної євразійської спільності – Скіфського світу, прямим спадкоємцем якого був світ Сарматський. Обидва поняття («Скіфський світ» і «Сарматський світ») ми пропонуємо охарактеризувати як цивілізаційні категорії.

У книзі «Етноісторичні аспекти становлення польської нації» ми наводили схему «раннього історичного процесу слов'ян», що була спроектована академіком Б. О. Рибаківим. Він розділив ранній історичний процес слов'ян на три періоди, а саме: а) пращурський, який він відносить до неоліту (VI-IV тис. до н. е.) та енеоліту (IV-III тис. до н. е.); б) протослов'янський (друга половина енеоліту або ж мідна доба: кінець III — початок II тисячоліття до нашої ери); в) праслов'янський, що згідно з Б. Рибаківим розпочався у середині II тисячоліття до нашої ери і тривав до утворення перших слов'янських племінних або державних союзів, наслідком чого стало поступове формування окремих слов'янських етносів на території Циркумпонтійської зони (між річковою зоною Одер-Вісла-Дніпро на півночі та гірськими масивами Карпати-Балкани-Анатолія на півдні [с. 5]. В свою чергу, П. М. Третяков підкреслює: «Час від VII до III століття до н. е. без жодних сумнівів може бути названий скіфською добою в історії Східної Європи» [с. 46]. Отож, «скіфська доба» в історії Східної Європи повністю нашаровується на: а) праслов'янський період етногенезу слов'ян за Б. О. Рибаківим; б) протослов'янський період етногенезу слов'ян за В. В. Мавродіним [17, с. 4-5].

Якщо такі «велетні» радянської історичної науки як Б. Рибаків та В. Мавродін вважають I тисячоліття до нашої ери періодом безсумнівного становлення слов'янської етнічної маси, то немає жодних підстав відокремлювати етногенез скіфів та слов'ян у ці часи. Більша частина скіфів була «освоєна» праслов'янською (чи протослов'янською) масою.

Прихід сарматів у жодному разі не знищив цих контактів між скіфами та слов'янами. Він лише змусив скіфів остаточно визначитись. Основна частина пристала до слов'янства, тоді як менша частина (виключно таврійська) залишилась в лоні кочівницької цивілізації.

П. Р. Магочій зазначає: «Десь близько 250 р. до н. е. політична стабільність, заснована на економічній взаємозалежності грецьких прибережних міст і скитської території, почала руйнуватися. Нові кочові племена, відомі у літературі як сармати (склалися великою мірою з іраномовних роксоланів та аланів), перервали загалом мирне існування *Rex Scythica*. Почасті цю стабільність було відновлено в 63 р. до н. е., коли Римська імперія завоювала надчорноморські та надазовські райони. Під владою римлян було відроджено Боспорське царство, а також

налагоджено торгові відносини із внутрішніми теренами, які на той час перебували під контролем сарматів» [15, с. 29-30].

Головні етапи політичної історії Сарматської держави виглядають наступним чином:

1) Проживання «савроматів» у Центральній Азії та в Саяно-Алтайському регіонах до III ст. до н. е. В цей час савромати були відомі давньокитайським історикам під етнонімами «усуні» та «юечжі». Величезний конгломерат «савроматських» племен під цим ім'ям з'явився в давньогрецькій літературі після їхнього виходу на береги Танаїсу. Савромати вважались складовою частиною «Скіфського світу». Ми повинні особливо підкреслити невід'ємність сарматів від скіфів. Коли говоримо про другу половину I тис. до н. е. та про межу ер, ми повинні уявляти скіфів і сарматів як культурну та навіть цивілізаційну спільність надетнічного характеру.

2) Вже в кінці II ст. до н. е. сармати витіснені на терени Великої Скіфії гунами. Лівобережна Україна була зайнята племенами аланів, Північне Причорномор'я — роксоланами, Правобережна Україна — аорсами. Язиги в першій половині I ст. н. е. переселились з Побожжя на терени Паннонії. Сарматські племена дуже швидко змішались з місцевим скіфським населенням. Однак, у II ст. н. е. скіфо-сарматське населення сучасної України не змогло організувати опір германським племенам готів. Аж до приходу гунів та початку Великого переселення народів в IV-V століттях, скіфо-сарматське населення сплачувало данину германцям.

Державний устрій Сарматської держави реконструювати дуже складно. На відміну від грецьких описів Великої Скіфії, римляни приділяли Сарматії мало уваги. З тих скупих свідчень, що ми маємо, а також із спроби історичної реконструкції Л. М. Гумільова в книзі «Давня Русь і Великий Степ», можемо зробити висновок, що сармати користувались методом самоорганізації племінних конфедерацій. Чисто політологічно, анархічний стиль життя сарматів слід визнати деградацією відносно налагодженої та узгодженої із практикою тодішньої ойкумени системи міжплемінного управління скіфів.

Аналіз скіфської епохи для нас важливий у зв'язку з тим, що «у пізнішій античній літературній традиції Геродотова Скіфія стала називатись Сарматією», — пише П. М. Сас. Вся територія Великої Скіфії відома вже пізньоантичним, зокрема, римським авторам під назвою «Сарматія». В цьому контексті, дуже показовим видається географічний опис Клавдія Птолемея. Останній: а) вважав Танаїс (Дон) кордоном між Європою та Азією, всі терени на захід від Танаїсу називаючи «Європейською Сарматією»; б) західним кордоном Сарматії називав Сарматські гори (Карпати) та Віслу (це дуже важливий факт з огляду на реактивацію сарматизму в XVI столітті саме польськими елітами Речі Посполитої!); в) північним кордоном Клавдій Птолемей називав «Сарматський океан» (Балтійське море). Термінологія Птолемея стала основою для середньовічних хроністів, що в свою чергу перенесли назву «сармати» на всіх слов'ян.

Професор Василь Мельник у фундаментальному дослідженні «Рання етнічна

історія південних слов'ян» демонструє, що південні слов'яни не характеризувались середньовічними істориками як «сармати». В свою чергу, Матвій Стахів у великій праці «Христова Церква в Україні» показує, що візантійці протягом тривалого часу називали русичів як «скіфами», так і «сарматами». Професор Стахів, на основі широкого джерельного та узагальнюючого матеріалу, не лише намалював яскраве полотно відносин між Київською Руссю та Візантійською імперією, але і продемонстрував неперервність дипломатичних відносин між греками та українцями. Назва «скіфи» є проявом грецької традиції історіописання, тоді як назва «сармати» репрезентує римське сприйняття. Це цілком закономірно, адже греки були нашими сусідами ще за часів Великої Скіфії, тоді як відносини з сарматами налагоджувались переважно вже за римської доби [29].

Вінницький церковний історик А. В. Сварчевський, вслід за Л. М. Гумільовим, пише про наявність на теренах Сарматії в IV столітті нашої ери християнського «Єпископства Малої Скіфії». Наприклад, під 307 роком датується наявність на теренах Малої Скіфії Святителя Євангела. Важливим для нас є також свідчення Афанасія Олександрійського (близько 300-373 рр.), який відокремлює на сучасній українській території дві значні ранньохристиянські громади — готську і скіфську. З цього свідчення ми можемо «витягнути» дуже багато інформації: 1) за візантійських часів «Сарматія» сприймалась як конгломерат народностей і політичних самоорганізацій готів та скіфів; 2) для пізньоримських авторів скіфи та сармати є двома назвами одного й того ж народу; 3) скіфи-сармати на той час вже піддавались впливу християнської проповіді. А. В. Сварчевський у своїй книзі «Православне чернецтво Поділля» навіть вводить термін «Скіфо-готське християнство». Його праця є чудовим фактологічним доповненням до гіпотетичних конструкцій Матвія Стахова [5; 29].

Польська шляхта як реципієнт сарматської ідеології: між політикою, правом і літературою. Величезне значення для відновлення пізньоримського «сарматизму» в «ренесансовій» формі мала «Хроніка Європейської Сарматії» О. Гваньїні. Паралельно розвивалась ідеологія «шляхетського сарматизму» серед еліти Королівства Польща. Величезне значення мали праці Мартина Кромера. Фундаторами польської «сарматської історіографії» виступили Матвій з Мехова, М. Бельський, М. Стрийковський.

Основи для річпосполитської ідеології сарматизму були юридично закріплені сеймовою конституцією «Nihil Novi» у 1505 році. Ґрунтовний аналіз цієї конституції та історичне дослідження «сарматської ідеології» міститься в фундаментальній монографії професора Анджея Сулими Камінського «Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів» (2011). Показовими є також назви окремих розділів книжки: «Сармати й решта громадян Речі Посполитої» [8, с. 18-24], «Про сарматську національну свідомість» [8, с. 117-120].

Говорячи про сарматизм, А. С. Камінський дає таке визначення: «Ідеться про етногенетичну легенду, сформульовану й спопуляризовану упродовж 1520-1550-х рр., за якою предками польської шляхти були «войовничі сармати» — конгломерат

кочових племен, що від III ст. до н. е. й аж до Великого переселення народів у III-IV ст. н. е. контролювали степи Північного Причорномор'я. Одне з цих племен, роксолани, вважалося предками руської (української) шляхти, звідки бере початок окреслення теренів Русі назвою Роксоланія» [8, с. 39]. Камінський вважає сарматизм «ідеологічним тлом епохи» [8, с. 104].

Ми зазначимо: сарматизм сформувався як двояка ідеологічна система, котра передбачала використання підходів етногенетичного «арійства» задля міжнаціонального самоствердження політичних еліт Речі Посполитої та підкреслення не лише природного (обґрунтованого ще давньогрецькими філософами), але й історичного базису соціальної нерівності.

До речі, дуже яскраво співвідношення між «шляхтою-сарматами» і «хлопством-хаматами» зображено в історичному романі Генрика Сенкевича «Вогнем і мечем». Цей момент підмітив ще Анджей Менцвель у книзі «Антропологічна уява». Особливої уваги заслуговують «монологи» представника руської шляхти — Яна Онуфрія Заглоби в другому томі роману «Вогнем і мечем». Створення антитези «воїни-сармати — гречкосії-хлопи» в польській романтичній історіографії з наукових позицій проаналізовано у монографії Р. Ф. Кирчіва «Український фольклор у польській літературі» (1971).

Класова складова сарматизму як шляхетської ідеології була зосереджена навколо забезпечення балансу соціальних сил. З одного боку — шляхта намагалась убезпечити своє право власності щодо закріпаченого селянства та обмеженого міщанства. З другого боку — шляхта боролась проти відокремлення найбагатшої магнатської верхівки в окрему олігархічну верству. Фактично, йдеться про прототип сучасного «громадянського суспільства». В Речі Посполитій сарматизм володів свідомістю абсолютної більшості середньої, мілкопомісної та «застінкової» шляхти. А. С. Камінський зазначає: «Шляхетський сарматський народ, достатньо сильний у малопольських, великопольських і Руському воеводствах, зумів перешкодити спробам аристократів виділити себе в окремий стан, а також порушити засаду рівності всього шляхетського загалу через запровадження у власних маєтках майоратів (у Речі Посполитій їх називали «ординаціями»)» [8, с. 104].

Величезне значення для ідеологічного обґрунтування сарматизму польськими істориками відіграла спроба пов'язати процес заснування Сарматської держави (під «Сарматською державою» польські історики та українські козацькі літописці розуміли як Сарматію, так і Велику Скіфію, що дуже важливо!) з приходом на руські землі «біблійних засновників слов'янства». Яскравим прикладом такої спроби є Густинський літопис. При цьому, ми мусимо підкреслити, що через сповідування політичної ідеології сарматизму, польська шляхта визнавала своє «руське» походження.

Саме сарматизм виражений у бажанні боротись проти олігархізації вищого керівництва в 1648-1657 роках штовхав величезні маси українських та навіть польських шляхтичів на злуку з гетьманом Богданом Хмельницьким. Постановка

цієї малодослідженої проблеми української історії із залученням величезного джерельного матеріалу була зроблена В'ячеславом Липинським [6; 13; 14].

Висновки. Проаналізований матеріал дає можливість зробити ряд висновків.

По-перше: сарматизм — етногенетична міфологія шляхетського стану Речі Посполитої, що був оформлений як система елітарного месіанізму і, значною мірою, був відповіддю на «рееллінізацію» європейської свідомості в епоху Відродження.

По-друге: сармати, як і скіфи, взяли дуже серйозну участь в процесі праслов'янського етапу українського етногенезу. З цивілізаційної точки зору, сармати були продовженням Скіфського світу і не принесли на українську територію чогось якісно нового.

По-третє: сармати не витворили власного державного механізму та спромоглись поступово розкласти попередню скіфську державність. При цьому, греки продовжували називати населення Сарматії «скіфами», тоді як термін «сармати» увійшов після розпаду Римської імперії у західноєвропейський історичний наратив.

По-четверте: через середньовічну літературу традиція називати і скіфську, і сарматську добу нашої історії саме «сарматською» перейшла до польського історіописання. Сарматизм органічно перейшов у теоретичний інструментарій ряду українських істориків-державників. Важливе значення для відновлення сарматизму (в його тісній сполучі з біблійною генетичною традицією) відіграла праця В. Липинського «Хам чи Яфет», котра була дуже вдало проаналізована Я. Дашкевичем у спеціальній статті [6]. Сарматизмом активно переймалися також і козацькі українські еліти. Однак, ця проблема має стати темою окремого монографічного дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вернадский Г. Начертание русской истории. / Г. В. Вернадский. — М.: Алгоритм, 2008. — 336 с.
2. Гессе Г. Гра в бісер. / Герман Гессе; пер. Є. Попович. — К.: Дніпро, 1978. — 482 с.
3. Грушевський М. С. Історія України-Руси: том 1. / М. С. Грушевський. — К.: Наукова думка, 1991. — 650 с.
4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. / Л. Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 736 с.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев — М.: Айрис-пресс, 2012. — 560 с.
6. Дашкевич Я. Р. Хам чи Яфет: Липинський і Українська революція. / Я. Р. Дашкевич. // Україна. Наука і культура. — К., 1996. — Вип. 29. — с. 34-39.
7. Демчук Р. В. Український “сарматизм” як алгоритм організації спільноти. / Р. В. Демчук. // Магістеріум. — 2011. — Вип. 42: Культурологія. — с. 33-40.
8. Камінський А. С. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505-1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. / А. С. Камінський. — Київ: Наш час, 2011. — 263 с.

9. Качкан В. А. Історія України. / В. А. Качкан, В. М. Левандовський та інші. — Київ: ВСВ “Медицина”, 2014. — 360 с.
10. Козак Д. Н. Венеди. / Д. Н. Козак. — К., 2008. — 469 с.
11. Кресін О. Український сарматизм. / Олексій Кресін. // Мала енциклопедія етнодержавознавства. — К.: Генеза, 1996. — с. 136.
12. Кресін О. Український хозаризм. / Олексій Кресін. // Мала енциклопедія етнодержавознавства. — К.: Генеза, 1996. — с. 166-167.
13. Липинський В. Участь шляхти у великому українському повстанні під проводом Богдана Хмельницького. / В. Липинський. — Філадельфія, 1980. — ХСVIII+638 с.
14. Липинський В. Україна на переломі 1657-1659. Замітки до історії українського державного будівництва у XVII ст. / В. Липинський. — Філадельфія, 1991. — LXX+346 с.
15. Магочій П. Р. Ілюстрована історія України. / П. Р. Магочій. — К.: Критика, 2012. — 446 с.
16. Мельник В. М. Нариси з теорії соціокультурної антропології. / В. М. Мельник. — Вінниця: ТОВ “Вінницька міська друкарня”, 2015. — 552 с.
17. Мельник В. М. Етноісторичні аспекти становлення польської нації (Рання етнічна історія поляків). / В. М. Мельник. — Вінниця: Друкарня ВНМУ ім. М. І. Пирогова, 2016. — 46 с.
18. Мельник В. М. Теоретична конструкція політичної антропології. / В. М. Мельник. // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. — К.: Видавництво “Гілея”, 2016. — Випуск 113 (10). — с. 348-360.
19. Мельник В. М. Кочівники як етнічний суперстрат у процесі етногенезу українців: політико-антропологічний аналіз. / В. М. Мельник. // Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної краєзавчої конференції “Минуле і сучасність: Херсонщина. Таврія. Каховка” 16-17 вересня 2016 р. (3 нагоди 25-річчя проголошення Акту незалежності України, 225-річчя заснування міста Каховки та 200-річчя від дня народження письменника, етнографа О. С. Афанасьєва-Чужбинського. / Упоряд. М. В. Гончар. — Херсон: Гілея, 2016. — с. 91-94.
20. Менцвель А. Антропологічна уява. / Анджей Менцвель. — К.: Юніверс, 2012. — 380 с.
21. Мозолевський Б. М. Етнічна географія Скіфії. / Б. М. Мозолевський. — К.: “Стародавній Світ”, 2013. — 168 с.
22. Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. / В. Ю. Мурзин. — К.: Видавець Олег Філюк, 2014. — 120 с.
23. Радишевський Р. П. Польськомовна українська поезія кінця XVI — початку XVIII століття: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук. / Радишевський Р. П. — К.: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 1996. — 76 с.
24. Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории. / П. Н. Савицкий. // Г. В. Вернадский. Начертание русской истории. — М.: Алгоритм, 2008. — с. 292-331.
25. Сас П. М. Політична культура українського суспільства (кінець 16 — перша половина 17 ст.). / П. М. Сас. — К.: Либідь, 1998. — 296 с.
26. Сас П. М. Сарматизм. / П. М. Сас. // Енциклопедія історії України. Том 9. Київ: Наукова думка, 2012. — с. 459-460.
27. Смирнов К. Ф. Савроматы: ранняя история и культура сарматов. / К. Ф. Смирнов. — М.: Наука, 1964. — 376 с.
28. Соловьев С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов. / С. М. Соловьев. —

М.: Астрель, 2003. — 511 с.

29. Стахів М. Христова Церква в Україні: 988-1596. Нарис історії Української Католицької Церкви. / М. Стахів. — Львів: Видавниче підприємство “Стрім”, 1993. — 586 с.

30. Яковенко Н. М. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. / Наталя Яковенко. — К.: Критика, 2006. — 581 с.

REFERENCES

1. Vernadskiy G. Nachertanie russkoy istorii. / G. V. Vernadskiy. — М.: Algoritm, 2008. — 336 s.
2. Gesse G. Gra v bIser. / German Gesse; per. E. Popovich. — К.: DnIpro, 1978. — 482 s.
3. Grushevskiy M. S. IstorIya UkraYini-Rusi: tom 1. / M. S. Grushevskiy. — К.: Naukova dumka, 1991. — 650 s.
4. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus i Velikaya Step. / L. Gumilev. — М.: Ayris-press, 2011. — 736 s.
5. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. / L. N. Gumilev — М.: Ayris-press, 2012. — 560 s.
6. Dashkevich Ya. R. Ham chi Yafet: Lipinskiy I UkraYinska revolyutsIya. / Ya. R. Dashkevich. // UkraYina. Nauka I kultura. — К., 1996. — Vip. 29. — s. 34-39.
7. Demchuk R. V. UkraYinskiy “sarmatizm” yak algoritm organIzatsIYi spIlnoti. / R. V. Demchuk. // MagIsterIum. — 2011. — Vip. 42: KulturologIya. — s. 33-40.
8. KamInskiy A. S. IstorIya RechI PospolitoYi yak IstorIya bagatoh narodIv, 1505-1795. Gromadyani, Yihnya derzhava, suspIlstvo, kultura. / A. S. KamInskiy. — KiYiv: Nash chas, 2011. — 263 s.
9. Kachkan V. A. IstorIya UkraYini. / V. A. Kachkan, V. M. Levandovskiy ta InshI. — KiYiv: VSV “Meditsina”, 2014. — 360 s.
10. Kozak D. N. Venedi. / D. N. Kozak. — К., 2008. — 469 s.
11. KresIn O. UkraYinskiy sarmatizm. / OleksIy KresIn. // Mala entsiklopedIya etnoderzhavoznavstva. — К.: Geneza, 1996. — s. 136.
12. KresIn O. UkraYinskiy hozarizm. / OleksIy KresIn. // Mala entsiklopedIya etnoderzhavoznavstva. — К.: Geneza, 1996. — s. 166-167.
13. Lipinskiy V. Uchast shlyahiti u velikomu ukraYinskomu povstanniI pId provodom Bogdana Hmel'nitskogo. / V. Lipinskiy. — FiladelfIya, 1980. — XCVIII 638 c.
14. Lipinskiy V. UkraYina na perelomI 1657-1659. ZamItki do IstorIYi ukraYinskogo derzhavnogo budIvnitstva u XVII st. / V. Lipinskiy. — FiladelfIya, 1991. — LXX 346 c.
15. MagochIy P. R. Ilyustrovana IstorIya UkraYini. / P. R. MagochIy. — К.: Kritika, 2012. — 446 s.
16. Melnik V. M. Narisi z teorIYi sotsIokulturnoYi antropologIYi. / V. M. Melnik. — Vinnitsya: TOV “Vinnitska mIska drukarnya”, 2015. — 552 s.
17. Melnik V. M. EtnoIstorichnI aspekti stanovlennya polskoYi natsIYi (Rannya etnIchna IstorIya polyakIv). / V. M. Melnik. — Vinnitsya: Drukarnya VNMU Im. M. I. Pirogova, 2016. — 46 s.
18. Melnik V. M. Teoretichna konstruktsIya polItichnoYi antropologIYi. / V. M. Melnik. // GIleya: naukoviy vIsnik. ZbIrnik naukovih prats. — К.: Vidavnitstvo “GIleya”, 2016. — Vipusk 113 (10). — s. 348-360.
19. Melnik V. M. Problema politiko-antropologicheskogo obosnovaniya sotsialnoy integratsii Evraziyskogo mestorazvitiya: skibo-sarmatskoe istoriograficheskoe izmerenie. / V. M. Melnik. — Rukopis (gotovitsya k pechatu), 30 s.

20. Mentsvel A. AntropologIchna uyava. / Andzhey Mentsvel. — K.: YunIvers, 2012. — 380 s.
21. Mozolevskiy B. M. EtnIchna geografiya SkIfIYi. / B. M. Mozolevskiy. — K.: “StarodavnIy SvIt”, 2013. — 168 s.
22. Murzin V. Yu. Skifskaya problema glazami avtora. / V. Yu. Murzin. — K.: Vidavets Oleg FIlyuk, 2014. — 120 s.
23. Radishevskiy R. P. Polskomovna ukraYinska poezIya kIntsya XVI — pochatku XVIII stolIttya: avtoreferat disertatsIYi na zdobuttya naukovogo stupenya doktora fIlologIchnih nauk. / Radishevskiy R. P. — K.: Institut IIteraturi Im. T. G. Shevchenka NAN UkraYini, 1996. — 76 s.
24. Savitskiy P. N. Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii. / P. N. Savitskiy. // G. V. Vernadskiy. Nachertanie russkoy istorii. — M.: Algoritm, 2008. — s. 292-331.
25. Sas P. M. PolItichna kultura ukraYinskogo suspIlstva (kInets 16 — persha polovina 17 st.). / P. M. Sas. — K.: LibId, 1998. — 296 s.
26. Sas P. M. Sarmatizm. / P. M. Sas. // EntsiklopedIya IstorIYi UkraYini. Tom 9. KiYiv: Naukova dumka, 2012. — s. 459-460.
27. Smirnov K. F. Savromaty: rannyya istoriya i kultura sarmatov. / K. F. Smirnov. — M.: Nauka, 1964. — 376 s.
28. Solovev S. M. Nablyudeniya nad istoricheskoy zhiznyu narodov. / S. M. Solovev. — M.: Astrel, 2003. — 511 s.
29. StahIv M. Hristova Tserkva v UkraYinI: 988-1596. Naris IstorIYi UkraYinskoYi KatolitskoYi Tserkvi. / M. StahIv. — LvIv: Vidavniche pIdpriEmstvo “StrIm”, 1993. — 586 s.
30. Yakovenko N. M. Naris IstorIYi serednovIchnoYi ta rannomodernoYi UkraYini. / Natalya Yakovenko. — K.: Kritika, 2006. — 581 s.

ЛЕКЦІЇ
ЛЕКЦИИ
LECTURES

STATE AND LAW IN MEDIEVAL ENGLAND
(ANGLO-SAXON STATE AND SOCIETY OF THE V-X CENTURIES)

OLGA V. VERBOVA (Grodno, Republic of Belarus)¹⁵

The Story of England has an easily defined beginning and that is when the German tribe the Angles invaded (official date 449). The Angle leaders arrived at much the same time as their Germanic neighbours the Saxons (hence the «Anglo-Saxon race») that is when the Romans left to defend Rome. The initial Germanic settlement was in Kent but in 75 years, (by 525) the country previously ruled as a whole by the Roman military, was sub-divided into seven kingdoms as follows.

In the VI-VII centuries the following groups are distinguished among the tribal population: the nobles (earls), freemen (curls), semi-free (let) domestic servants and slaves. The priests and the king are also mentioned.

The practice of individual patronage spread in the VIII century, when people had to look for a patron (glaford) and had no right to leave him without his permission. The documents of the VII-IX centuries mention vigilantes-tans where both earls and curls were included. They were obliged to perform military service in favor of the king. The only criterion of getting into this category was the possession of a land plot of a certain size (5 hyde). Thus, the boundaries between different social groups were free. An English farmer could become a tan having received a plot of land from the King. According to historians, almost a quarter of English tans of the period descended from peasants and artisans.

At the same time the relations of domination and subordination continued to develop. In the X century any person unable to stand for himself in court, was ordered to find a glaford (forced commendation). Any person, before being called for justice before the king, had to contact his glaford. The life of Monsieur was declared inviolable both for earls and curls.

By the XI century the land service for tans and dependent peasants was defined. Tans had to perform three main duties: to take part in the campaign, in the construction of fortifications and repairing bridges. Gradually tans formed a military caste.

¹⁵ **Verbova Olga Vladimirovna** – Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Yanka Kupala State University of Grodno. Now Olga is developing a course of lectures devoted to medieval English law. E-mail: verbova_ov@grsu.by. **Please note! This article is published in full in the author's edition!**

Slave labor of the conquered population was still widely-spread.

The English clergy, headed by the Archbishop of Canterbury enjoyed a more independent position in relation to papal authority than the Church on the continent.

The English church was a big landowner – it possessed one-third of all the lands. However, the clergy was not excluded from the national system of taxes and duties.

Anglo-Saxon State

***Feudalism:** «Hierarchical system of government in which local lords governed their own lands but owed military service and other support to a greater lord». The king had plenty of land; but he could not control it all. So he gave land to lords (barons) in exchange for protection, loyalty and money. Lords then gave their land to knights in exchange for protection, service at war, loyalty and money. Knights let serfs (peasants) work on the land, the latter in their turn got protection, food and shelter.*

Despite the rise and strengthening of royal power in the Anglo-Saxon period, the attitude to the king as a military leader and the principle of election by substituting the throne were preserved. Gradually the monarch adopted the supreme right to land ownership, a monopoly on coin minting, duties on a natural supply from all the free population, and to military service of the free. The Anglo-Saxon had a direct tax in the king favor- the so-called «Danish money», and the fine was levied for refusing to participate in the campaign. The royal court gradually became the center of administration of the country and those close to the king became state officials.

However, the legal records of the IX-XI centuries already indicated a certain trend towards the transfer of the rights and powers of the royal to large landowners: the right to judge his people, to collect fines and fees, to collect Home Guards on his territory. Powerful tans were often appointed royal representatives – the managers of the administrative districts.

The highest authority in the Anglo-Saxon era was vitanagemot – Council of «the wise». This assembly of men of dignity included the king himself, the higher clergy, secular elite, including those of the so-called royal tans who received a personal invitation of the King. During Edward the Confessor's reign a large group of Normans who received land and position at court also met in vitanagemot. In addition, the kings of Scotland and Wales, and those elected of the city of London were invited. All important state matters were resolved "on the advice and with the consent" of the Council. Its main functions were the election of kings and the Supreme Court.

The Royal power of the IX-X centuries was limited. It managed to restrict vitanagemot desire to interfere with the most important social policy issues – particularly in the distribution of land.

The Local government of England was mainly based on the principles of self-government. The laws of the Anglo-Saxon king Æthelstan (X c.) and his followers mentioned the lowest units of local government – hundreds and tens. Hundreds, headed by a centurion, were ruled by the general meeting, which got together once a month.

Approximately at that very time, the country was divided into 32 large districts

(counties) mainly for military purposes. The center of the county was usually a fortified city. The meeting of the county was held twice a year to discuss the most important local affairs, including the trials of civil and criminal cases. All the free people of the district, and above all secular and ecclesiastical nobles were obliged to participate in it. Cities and ports had their own meetings, which later turned into urban and merchant courts. There also existed the meeting of villagers.

As a rule Ealdorman was at the head of the county. He was appointed from the representatives of the local nobility by the King with the consent of witanagemot. His main role was to preside the meeting of the county and to manage the armed forces. The role of the personal representative of the King, geref, in the management of the hundreds and of the county gradually increased.

Thus, in the Anglo-Saxon era the centralized bureaucratic control mechanism through the officials of administrative districts accountable to the King, and acting on the basis of written orders of the royal assent began to emerge.

Norman Conquest and its Consequences for England

In 1066, England was conquered by the Duke of the North of the French province of Normandy, William the Conqueror (1027-1087). He proclaimed himself the king of the conquered country. The Anglo-Saxons nobles, who were fighting against the invaders, were exterminated, and 4000 Anglo-Saxon lords were completely deprived of their lands. The fourth part of the lands was given to the church, the one-fifth was taken by the king, and the rest were divided between the noble French barons. Each baron received seven pieces of land situated among the possessions of other barons. All the lords were announced immediate vassals of the king.

The Norman Conquest led to a profound change in the history of the English state. William ordered the compilation of the **Domesday Book**, a survey of the entire population and their lands and property for tax purposes, which reveals that within twenty years of the conquest the English ruling class had been almost entirely dispossessed and replaced by Norman landholders, who also monopolized all senior positions in the government and the Church. William and his nobles spoke and conducted court in Norman French in England as well as in Normandy.

The reforms of Henry II. The predominant direction of the development of the English state since the Norman Conquest remained state centralization.

The British state of that period was a special form of seignorial monarchy, which was relatively centralized, and in which the king was the suzerain of all feudal lords and was the largest landowner in the country.

Legal and fiscal rights of the Crown in respect of his subordinates were at the same time the rights of a higher lord in respect of his vassals. They were largely regulated by feudal custom. The consequence of these, were ongoing barons' rebellions of the XI-XII centuries, accusing the Crown of abusing his liege rights. Throughout the XII century Kings were forced to give the barons and the Church a Charta which obliged the royalty to be guided by feudal custom, and to comply with the autonomy of the Church.

However, in the second half of the XII century due to socio-economic changes the general state administration began to grow. Activation of this process was mainly connected with the reforms of Henry II (1154-1189) - the judiciary, the military, the reorganization of management and finance.

Henry II reforms were aimed at the strengthening of royal power and the weakening of the political positions of large secular feudal lords and the Church. From the time of the Norman conquest of England the power of feudal immunity against average and wealthy Freeholders, the Knights, was limited to the central government. The royal power now sought to limit earlier preserved rights for immunity in court and administration possessed by feudal lords.

In the judicial area, a big innovation was the introduction of itinerant judges (first there were only two, and then dozens of judges in six districts) as well as the introduction of a special investigation procedure for land claims and related offenses (Most of Assisi in 1166, Northampton Assisi in 1176, etc.). The competence of the courts included almost all the criminal offenses and the vast majority of civil disputes relating to land. Thus judges examined all claims within the jurisdiction of the crown, arrested the criminals and investigated the abuse of the local courts and officials. A special procedure was introduced by Henry II for the investigation of crimes and land claims in the royal courts. Such investigations were to be conducted by judges or sheriffs with the help of jurors – twelve knights or other full citizens, who took an oath as witnesses or accusers. These courts became the central authorities' effective means of control over the local government to promote the organization of a single judicial system in England.

Military reform contributed to the replacement of the traditional personal military service payment by «shield money», as well as to the introduction of a general tax on movable property (the arming of Assisi in 1181).

Administrative changes affected several areas. As part of the royal curia (departments) the following were distinguished: exchequer (financial management), Office of the Chancellor, Office of the High Court, headed by the Justiciar (connoisseur, Roman and canon law). There was the separation between the Court of common pleas and the Court of Queen's Bench.

The next area of change was the appointment of sheriffs the heads of the royal administration of the counties, giving them the highest judicial, military, financial and police powers on the territory of the county (Clarendon Assisi 1166).

In the struggle with the political autonomy of the Church and the increasing independence of Church lands, Henry II published Clarendon constitutions (Clarendon Assize) in 1164. According to that document the king was recognized the supreme appellate judge in cases heard by the ecclesiastical courts. Neither secular lords, nor officials of the king could be excommunicated without his consent, and the higher Church vacant posts had to be taken as a result of the elections. Clarendon constitutions were to play a major role in strengthening the royal power. But under strong pressure from the clergy Henry II retreated and gave up some of the provisions.

Local Control. After the Norman conquest the division of the country into

counties, hundreds and communities was preserved. Sheriff became the head of the local royal administration in the counties. They had the highest judicial, military, financial and police authority on the territory of the county. Judicial and administrative functions of the sheriffs were carried out in close cooperation with the assemblies of the hundreds and counties.

Estate-representative Monarchy in England

By the beginning of the XIII century objective preconditions for the transition to a new form of feudal state, monarchy of representation had shaped in England. However, the Crown, who strengthened its position, did not show readiness to involve the representatives of the ruling classes into resolving issues of public life. On the contrary, at the time of Henry II successors the extremes of monarchical power increased, the administrative and financial tyranny of the king and his officials enhanced. Thereby, social and political conflicts exacerbated. This movement was led by the barons, who were periodically joined by the knighthood and the mass of freeholders (prosperous part of the peasantry, of chivalry and urban population). These performances were accompanied by the adoption of the documents, which were of great political significance.

The main landmarks of struggle against the policy of the royal power in the XIII century were: the conflict of 1215, which resulted in the adoption of the Magna Charta, and the civil war of 1258-1267.

Magna Charta of 1215 was adopted as a result of uprising of the barons and knights with the participation of citizens against King John (1198-1216). King John Lackland arose dissatisfaction among his subjects, because only by his will and repeatedly he resorted to a variety of taxes. The total list of his abuse at the time of signing of the Charter was as follows:

1. the King levied excessive payments and taxes in a manner and under such pretexts that were not approved by custom or established by law;
2. without trial the King could seize the estate of his vassal;
3. he arbitrarily took cases from the baronial courts and handed them over to his own judges;
4. the King got into a war with France because of the dispute of the crown with his nephew Arthur;
5. he came into conflict with the Pope.

Most of the articles of the Charter concerned vassal-represented relationships of the king and the barons and sought to limit the tyranny of the King. These articles regulated the order of guardianship, getting relief, debt collection, etc. (vv. 2-11, etc.). Thus, Art. 2 of the Charter put a certain amount of relief to the vassals of the King dependent on the size of land ownership inherited. Art. 12 and 14 provided for the establishment of the Kingdom Council to limit the power of the king in one of the most important financial issues – collection of «shield money».

Magna Charta reflected a correlation of socio-political forces in England at the

beginning of XIII c. and especially the compromise between the King and barons. The leading role of barony in the fight against the king, however, did not mean that it had a strong political position. On the contrary, the struggle for their Charter showed further weakening. The barons were forced to seek an alliance with the knights and even urban elements. In addition, and very importantly, their oligarchic program no longer provided for the decentralization of the state.

From political institutions provided for «baronial» articles of the Charter, the Grand Council of the Kingdom was established, which had advisory functions and consisted of a large feudal magnates. In the middle of the XIII century it was often called «parliament». However, this «parliament» was neither an estate parliament nor a representative institution.

The conflict of 1258-1267 was more complex and important because of its political outcome. In 1258, at the Council of Oxford armed barons, having taken the advantage of the general discontent of the population with the free internal policy of the King, forced him to accept the so-called Provisions of Oxford.

They provided for the transfer of all executive power in the country to the Council of 15 barons. Along with the Executive Council Grand Council of 27 magnates had to collect three times a year or more. Thus, it was a new attempt to establish baronial oligarchy, which failed in 1215. However, barons' self-interested policy quickly led to a split in the opposed to the king forces.

The desire to maintain the alliance with the knighthood forced barons to accept Westminster provisions of 1259. They provided some guarantees for small landowners against arbitrariness on the part of seniors. However, the requirements of chivalry to participate in the central government of the country were not met.

Under these circumstances, part of the barons, led by Simon de Montfort (the free brother of the ruling King Henry III), who were seeking for a more stable alliance with the knights, broke away from the oligarchic groups and united with chivalry and independent cities into the separate camp, and stepped against the King and his supporters.

The split of the opposition in the country enabled the King to refuse to comply with Provisions of Oxford. During the civil war, the forces of de Montfort managed to defeat the supporters of the king. In 1264, de Montfort became the supreme ruler of the state and met the requirements of chivalry to participate in the government. The most important result of the civil war was the convening of the first in the history of England estate-representative institutions – Parliament (1265). Representatives of the knights and the most important cities were invited along with the barons and spiritual lords.

An «exemplary» Parliament was created in 1295, the structure of which served as a model for subsequent parliaments of England. Besides major secular and spiritual lords personally invited by the king it also included two representatives from the 37 counties (knights) and two representatives from the cities. The creation of Parliament led to a change in the form of the feudal state, with the emergence of the monarchy of estate representation. Until the middle of the XIV century English estates sat together and then

were divided into two chambers. Wherein 1) Knights of the counties began to sit together with representatives from cities in one chamber (House of Commons) and separated from 2) the biggest magnates who formed the upper house (House of Lords). Higher clergy sat with the barons, and the lowest - in the House of Commons.

Initially, the possibility of Parliament to influence the policy of the King was minor. Its functions were limited to the determination of the amount of taxes on personal property, and to submitting of collective petition in the king's name.

Gradually, the medieval Parliament of England in the period of estate monarchy acquired:

- 1) the right to participate in law- making process;
- 2) the right to decide on levies in favor of the royal treasury;
- 3) the right to exercise control over senior officials and in some cases act as a judicial body.

The right of legislative initiative of the Parliament arose from the practice of collective parliamentary petitions to the king. The King could agree with the requests of Parliament or he could reject them. However, during the XIV century it was found that no law should be passed without the consent of the King and the Houses of Parliament.

In an effort to subdue the government, at the end of the XIV century the parliament gradually established a procedure for impeachment. Its gist was in initiating acquisitions by the House of Commons before the House of Lords as the highest court of the country against any officer of the King on the power abuse. In this case, the Parliament published a special act approved by the King and called it a «bill of attainder».

A new executive body, the Royal Council, developed in the XIII century. It was a restricted group of the King's closest advisors, in the hands of which the supreme executive and judicial powers were concentrated. This group usually included the chancellor, treasurer, judge, closest to the King ministerials, mostly of chivalry decedent. The Grand Council of the greatest vassals of the crown lost its functions.

In the XIII century sheriff remained to be the head of the royal administration, and in the hundred was his assistant bailiff. Besides them, the representatives of royal administration were local coroners and constables elected to local assemblies. Coroners conducted an investigation in the case of violent death. Constables were given police functions.

Since the end of the XIII century the practice of appointing local landowners of the counties to the position of the so-called guardians or justices of the peace was finally established. Initially, they had the police and judicial powers, but over the time, they began to execute the most important functions of local government, instead of sheriffs. Judges of the peace controlled food prices, supervised the unity of weights and measures, the export of wool, supervised the enforcement of laws on workers, heretics, and even set wages.

Judicial system. In the XIII-XIV centuries the highest courts of England became the Court of Queen's Bench (criminal cases), the Court of common pleas (civil cases) and

the Court of the Treasury which were in charge of hearing civil cases in which the crown acted as one of the parties.

With the development of the civil turnover, the Court of Lord Chancellor, which solved the issues of «equity», stood out of the overall system of higher royal courts. During the representative monarchy itinerant judges turned from the personal representatives of the king into the central representatives of the courts of England. They visited counties 3-4 times a year, and with the presence of the jury heard trial cases and also controlled the behavior of officials. Since the second half of the XIII century they began to practice litigation specifically for the analysis of cases of family claims – Assize Courts.

A significant role in the administration of justice acquired grand and small jury. Grand or indictment jury formed in connection with the procedure of the survey by itinerant judges of indictments jury. It became the body of the trial. In total, the grand jury consisted of 23 members. The consensus of 12 members of the jury was sufficient for the approval of the indictment against the suspect.

A small jury consisted of 12 jurors and became part of the English court. Members of the jury took part in the merits and passed a verdict that required the unanimity of the jury.

Features of English Absolutism

Political system. English absolutism had its own peculiar characteristics due to which it got its name in the literature as «incomplete». Incomplete meant maintaining political institutions inherent to prior historical period. The main feature of the English absolute monarchy was that Parliament continued to exist in England along with a strong royal authority. Other features included the preservation of local government in England and the absence of such centralization and bureaucratization of the state apparatus, as existed on the European continent. There was no large standing army in England.

The central government and administration during the period of absolute monarchy in England were: the King, the Privy Council and Parliament. The real power was concentrated in the hands of the king.

The Privy Council was finally formed in the period of absolutism and consisted of senior government officials: the Lord Chancellor, Lord Treasurer, Lord Privy Seal, and others.

The increased power of the king, however, was not able to abolish Parliament. Its stability was the result of the union of the gentry (new nobility) and the bourgeois, the basis to which was laid during the preceding period. This union did not allow the royal power to eliminate the representative bodies in the center and in the counties by using the discord of classes.

The supremacy of the Crown in its relations with the Parliament was formalized in the Statute of 1539 which equated the king's orders in council to the Acts of Parliament. Although in 1547 Parliament formally abolished the Statute, the predominance of the Crown over Parliament actually survived.

Due to the rapid colonization of non-English areas of the British Isles the system of government was gradually spreading throughout Britain. In 1536-1542 Wales was finally integrated into the English state. In 1603 the north-eastern province of Ireland Ulster came under the rule of the British crown. In 1603 as a result of dynastic succession in a personal union with England (ruled by one king) Scotland affiliated. In fact this association was nominal and Scotland maintained the status of an independent governmental formation.

The state and the Church. With a view to establishing the Church subordinated to the monarchy of England the Reformation was carried out, which was accompanied by seizure of church lands and turning them into state ownership (secularization). In 1529 - 1536 the Parliament of England under the rule of Henry VIII adopted a number of laws which declared the King to be the head of the Church and gave him the right to appoint candidates for higher church offices.

At the end of the XVI century the content of the new doctrine of the Church as well as the orderliness of church service was established by legislation. Thus, the so-called Church of England no longer depended on the Pope and became a part of the state apparatus.

The highest ecclesiastical authority in the country was High commission. The staff comprised clerics, members of the Privy Council, and other officials. The main task of the commission was to fight the enemies of the reformed Church. The reformed Church, retaining many features of Catholicism both in structure and in worship, turned into a body whose task was to promote the doctrine of the divine origin of the King's authority.

Local control. Major changes in local government of this period were expressed in the establishment of the post of Lord Lieutenant and the design of the administrative units of local parish. Lord Lieutenant was appointed directly by King and headed the local Home Guard, and supervised the activities of the justices of the peace and constables.

Parish was the lower self-governing unit, which combined the functions of a local church, and territorial management. The duty of administrating church affairs in the parish belonged to the parish superior. All his activities were placed under the supervision of Judges of the peace, and through them – under the control of governments and central county authorities. Quarter Session of Judges of the peace turned into higher authorities on all matters regarding the management of affairs of the parish.

Trial system. During absolutism the structure and jurisdiction of the central Westminster courts was finally formed, including the Court of Justice and the High Court of Admiralty. Besides these, exceptional courts such as the Star Chamber and Legal Councils in the «rebel» counties were set up. The Star Chamber as a special branch of the Privy Council was an instrument of struggle against opponents of the royal authority. Later the Star Chamber also served as a censor and supervisory authority over the accuracy of jury verdicts. Legal Councils subordinated to the Privy Council, were established in areas of England, where «the public peace» was often violated (Wales, Scotland).

The competence of judges of the peace was expanded significantly by strengthening their role in the management and the pursuit of criminals in trial cases. It was ordered to consider all criminal charges by itinerant judge and judges of the peace after the approval of indictment by a grand jury. Jurors were finally included into the structure of the court. Under the law of Elizabeth I the property qualifications for them were raised from 40 shillings to 4 pounds.

The Development of Law in Medieval England

In the period of early feudalism the main source of law was a custom both in Britain and on the continent. Over time, the records of collections of customary law, such as True of Ethelbert (about 600), True of Ine (690), True of Alfred (871-901), Knut Laws (1017) began to appear.

The development of English law was greatly influenced by the Norman Conquest of 1066. The policy of William the Conqueror and his successors, which was aimed at compliance with the «good old Anglo-Saxon traditions», served as a consolidation of the customs and traditions within a single legal system, common to the whole country and was subsequently called «common law».

Royal judges were guided mainly by customs and practices of local courts. Having summarized the disparate customs, judges developed common standards, principles and approaches to address legal disputes. Thus, «common law» was composed, which was unwritten, and the same for the whole England. The rules of the «common law» inherited the legal provisions of the ancient Anglo-Saxon law, Norman customs and royal courts decisions on the most important cases. They also perceived the rules of international trade, which were used in merchant courts, such as the representation, insurance, partnerships, and other. They also experienced the influence of Canon law. English feudal law practically did not undergo the influence of Roman law, which was not as widely spread here as the countries of continental Europe.

The rules of the «common law» were fixed by writing reports on individual judgments in the so called Scrolls litigation. In recent decades of the XIII century regular compilation of series of reports emerged, or the «Yearbook», which lasted until 1535, when they were replaced by judicial records of private compilers.

In the royal courts practice, the royal writ was of great importance and was issued to the claimant for a fee. Being a certain form of claim, they had a considerable influence on the development of «common law». «Common law» which arose on the base of feudal society in the XII-XIII centuries, by the XV century could no longer correspond to the new conditions of the development of capitalist relations.

A direct consequence of this was the formation of a new system of legal norms in the XIV century, «the law of equity», which was more adapted to the needs of developing trade. The mechanism of «the law of equity» was that plaintiffs who failed to find protection of their rights in courts of «common law» could appeal for the king's «mercy and justice». Soon afterwards the King stopped hearing these cases personally and began to address them to the Lord Chancellor. The first written order on behalf of the

Chancellor and not on behalf of the King appeared in 1474. Over time, the Court of Chancery began to acquire more and more influence because his activities were not strictly bound by the rules of procedure. For the initiation of proceedings in the Court of Chancery the obtaining of an expensive writ was not required, it was enough to set out the claimant's application merits. Consideration of the case was made without a jury which significantly speeded up the proceedings.

Formally, the Lord Chancellor was not bound by the current law. He applied the norms of the «common law», Roman or canon law on the assumption of «considerations of justice». In the XV century there were differences between the courts of «common law» and «the law of equity», mainly because of the intervention of the Chancellor in the «common law».

At the beginning of the XVI century differences between the courts of «common law» and «equity» were already clearly evident. The reason for them were restraining orders by which the Chancellor got the right to interfere in the activities of «common law» courts.

At the end of the XVI and the early XVII century as a result of strengthening of the fight against royal absolutism a sharp conflict arose between the courts of the «common law» and «the courts of equity». The judges of «common law» were on the side of Parliament against absolutism. The Court of the Chancellor took a conservative stance and sided with the king. The conflict was resolved in favor of the Court of the Chancellor, as King James I recognized the priority of the «law of equity» over the «common law», which meant the victory of the absolutist pretensions of the Stuarts.

Along with the legal precedent which created the «common law» and «law of equity», the royal legislation became the source of the law of feudal England. The laws of the King were called Assizes, Harts, but most commonly Ordinances and Statutes.

Gradually, the name of the Statute was assigned to the Act adopted by the Parliament and signed by the King. Statutes as Acts of Parliament began to differ from the other sources of law of medieval England in the manner that their legitimacy, in contrast to their interpretation, could not be discussed in a lawful manner.

Among the sources of the medieval law of England trading rules, canon law and scientific treatises of the most authoritative British lawyers acquired a special place.

Property law. The land was of paramount importance in the row of other objects of feudal ownership. The supreme land owner was the King, and lords owned lands directly from the King, and were considered to be «chief holders». They in turn passed the land on to their vassals' ownership, and so on.

There were three main types of free land ownership, which differed in their legal regime, particularly concerning the right of disposal.

First, granted lands, which were passed to the heirs of the holder.

Secondly, protected lands, the holders of which could not alienate or encumber their estates at the expense of the heirs, being usually the eldest sons. Inheritance of protected lands by will was not allowed.

Third, conditional lifelong holding of land, where in the case of death of a vassal

the land was passed not to his heirs, but to the lord.

Most widely spread land cases in the courts of «common law» were claims of land seizure. The heirs of a deceased free holder on the grounds of Assize «of the death of the predecessor» got a right of claim against persons who seized the disputed ownership. A similar right of claim was available to persons who lost their free land holding, which belonged to them by law.

Since the XIII century land rent by free land owners started to spread as a variety of land ownership, which was finally recognized by the courts of «common law» only two centuries later. The law provided some protection to the tenant and the owner could not drive the tenant off the land before the expiration of the contract.

The institute of pledge land differed in its originality in respect of «common law». It referred to a loan agreement arising from the transfer of land ownership to the lender, but with the possible return to the debtor in the case of payment of the debt. Delay in payment in terms of «common law» was the reason for the loss of the right to land ownership. In the XVI century «the law of equity» first formed the regulation by which the mortgagor could claim a refund of land in the case of subsequent payment of the debt.

The procedure of registration of transactions on land was confusing and costly. It demanded urgent drafting of specific documents with mandatory registration of them in court. Land transactions which were not properly designed were deprived of judicial protection.

Law of obligation. English feudal law was aware of the obligations arising from treaties and their harm. There were two main types of contracts according to the form of their concluding: formal were emerging from treaties and of the harm, and non-formal were simple agreements. «Common law» provided protection only for formal contracts in the form of cash compensation for losses caused by the breach of agreement.

«Law of equity» in some cases, gave protection to informal agreements, such as in the case of loss of the document, broken promises, and so on. In this case the court of the Chancellor developed the principle of performance of the contract in nature. The actual performance of the obligation was foreseen for the cases in which the defendant was committed to some kind of action in favor of the plaintiff and for the cases where the defendant had to refrain from taking any actions. By the end of the XV century «common law» also provided protection for informal agreements by a special claim of «taking over» (take something yourself).

The Statute of Monopolies of 1624 regulated the activities of different types of companies in detail. It contained a classification of companies on their legal status, sources of financing, competence, order, profit and liability for damages.

Family law. Marriage and family relations were regulated mostly by the norms of canon law. «Common law» defined only property relations between spouses. A married woman could not independently enter into agreements, manage the property, could not bequeath it, couldn't accept gifts without the consent of her husband.

Adultery was a crime which the parties were responsible for. Law allowed such a measure as «weaning from the table and the bed». Illegitimate children were not

recognized by «common law», they were not legalized by Merton statute of 1236.

Criminal law. During the period of feudal state the norms relating to offenses and penalties arose from the ancient Anglo-Saxon traditions. The crime was understood as a breach of loyalty to the King, no matter who was harmed- the king or private persons. Taleon was applied as the penalty, as well as outlawing, fines in the king's and the victim's family favour. Vendetta was still widely spread.

In the XII century Clarendon (1166) and Northampton (1176) Assize of Henry II made significant changes in the criminal law. There were two main types of crimes: against the Crown and against individuals. The crimes which affected the interests of the monarchy were investigated as serious and were severely punished. Grave crimes were crimes against the Church, and some crimes against person and property.

At the end of the XII century the concept of «felony» developed, the reference to which was found in the Northampton Assisi. This term was originally used to refer to treason of the lord, the consequences were loss of the fief. Soon it was extended to a number of serious crimes, such as murder, arson, robbery, theft, rape. Felony was usually punished by the death penalty and confiscation of property.

In the XIV century the tripartite classification of crimes according to their severity was formed in the feudal law of England. Treason was distinguished from felonies as the most serious crime against the state. Then was a felony, which was understood as a serious criminal offense and then was a misdemeanor, a petty crime. In 1351 a special statute of treason was issued, which introduced the concept of the «great treason» and «small treason». There were several types of «great treason»: the rebellion against the royal power, an encroachment on their rights, the murder of the King or his family members, the murder of the Chancellor, the royal judges, the rape of a women of the royal family, counterfeiting.

The concept of «small treason» was limited to three cases: a) the murder of the master or his wife by a servant, and b) the murder of the husband by his wife, c) the murder of a superior prelate by a cleric.

A distinctive feature of the feudal criminal legislation of XIV century was a tendency to toughen the criminal law repression.

Criminal process. English law was restricted by a strict context of judicial proceedings. The court procedure was adversarial. It proceeded publicly and vocally. The parties were granted equal procedural rights. The case was sued by the plaintiff, and the trial was in the form of a dispute between the parties. The main evidences were own confession, the oath, the testimony of witnesses, ordeals.

After 1066 a legal fight became widespread. Until the XIV century the bulk of claims under the «general rule» were heard in local or feudal courts, as each lawsuit was an important source of income. Therefore, the local feudal lords were reluctant to agree to any changes which led to a reduction of cases in their courts.

The Institute of jury originated in the English process since the XI century, but firmly established upon the introduction of Henry the Second's assizes, which saw the jury as fact witnesses. At the end of the XIII – beginning of XIV century two kinds of

juries emerged: the grand jury and the small jury. In the middle of the XVI century the function of a grand jury came down to an approval of indictment. A small jury considered the case on its merits and passed a final verdict.

With the Tudors' rise to power investigative inceptions penetrated into the criminal proceedings. The persecution of the accused was carried out in two ways: based on summary jurisdiction and by indictment. Summary jurisdiction was a form of process envisaged by «common law» and designated for the consideration of minor criminal cases by justice of the peace, sheriffs, courts of hundreds or counties.

Prosecution on indictment consisted of four stages: the arrest, bringing to trial, trial, sentencing. Until the day of the trial the accused was held in detention, neither having the right to get acquainted with the evidence of his guilt nor to present witnesses in their favor. Hexing one another was used as evidence. Interrogation of the accused was often accompanied by torture. The accused for treason was in an especially difficult situation.

The appeal of court decisions was not allowed. The only way to appeal was the claim indicating not a judicial error, but discrepancies in the drafting of the protocol. The right to interfere in the judicial process had the Court of Queen's Bench, it could interfere by issuing special restraining orders.

LITERATURE:

1. A. F. Pollard, *The History of England: A Study in Political Evolution*, Dodo Press, 2007, 120 pp.
2. Морозова С.Л. *History of England/История Англии. Английский язык*, Москва, АСТ, Восток-Запад, 2007, 160 с.
3. Ackroyd Peter. *History of England vol.1: Foundation*, Pan Macmillan, 2011, 352 pp.
4. Bell J.J. *The History of England (2-е издание)*, СПб., ПитерПресс, 1996, 224 pp.
5. Бурова И. И. *The History of England. Absolute Monarchy*, СПб, ПитерПресс, 1995, 224 pp.
6. Бурова И. И. *The History of England. Parliamentary monarchy*, СПб, ПитерПресс, 1997, 224 pp.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВА «НОВОГО ФЕОДАЛИЗМА»: НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

М. ЛУПТАК (Прага, Республика Чехия)
М. ЛУПТАКОВА (Прага, Республика Чехия)¹⁶

Настоящий экономический кризис как правило связывают с ипотечным кризисом на рынке недвижимости, начавшимся летом 2007 года в США, однако его корни на самом деле более глубокие. Для некоторых аналитиков, толчком к кризису было решение президента Никсона в августе 1971 года, в соответствии с которым президент отказался обеспечивать американский доллар золотом, и тот окончательно превращается в кредитный билет, т.е., в вексель, или долговую расписку правительства; радикальные теоретики заявляют даже о том, что сегодняшний кризис является очередным подтверждением всеобщего кризиса капитализма [1].

Очевидно также, что настоящий экономический кризис не является временным, быстротекущим, а имеет комплексный, затрагивающий основы нашей цивилизации, характер. Вместе с тем, следует указать, что переживаемый нами кризис вызван целым рядом взаимосвязанных причин. Рассмотрим хотя бы три, как нам кажется, самые существенные причины сегодняшнего экономического кризиса и показываемые им последствия.

1. Кризис – это средство поднять норму прибыли. Сухая статистика говорит об этом следующим образом: доля США в мировом валовом продукте составляет по различным оценкам от 18 до 25%; потребляют же они около 35-40% товаров, производимых на Земле. С помощью кризиса можно заставить весь западный мир меньше потреблять и больше работать. Тем более, что промышленные рабочие в США и в Европе составляют 15% занятого населения, а доля занятых в сельском хозяйстве США чуть выше 3%. То есть, в США и в Европе около 18-20% населения производят материальные блага (для сравнения: в России этим заняты почти 30% населения). Остальные – торговля, сфера обслуживания, медицина, образование, наука, силовые ведомства, государственное управление, культура и спорт. Пенсионеры – вне этой системы. Иными словами, Европу, США и Россию кормят и снабжают необходимыми материальными благами лишь 20-30% населения, и без остальных можно обойтись. С точки зрения капиталистического

¹⁶ **Луптак Милан** – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Высшей школы экономики в Праге, политолог, видный чешский ученый-гуманитарий. Известен своими исследованиями в сфере теории политики и в сфере современных идеологических трансформаций.

Луптакова Марина – кандидат философских наук, преподаватель Гуситского теологического факультета и Института криминологии и социальной профилактики. Исследует восточнохристианское богословие, ортодоксальные философские традиции, иконографию. E-mail: luptakm@seznam.cz.

производства их существование нерационально, поскольку они не приносят прибыли, но требуют растущих затрат на социальную сферу [2].

Остальное население в своем большинстве составляют представители среднего класса, содержание которого воспринимается правящим классом как весьма обременительное уже с времен рэйганомики. Перепроизводство такого товара как человек очевидно, а капитал пытается сбить на него цену, устраивая шумную пиар-кампанию кризису. Производительность труда резко выросла в результате его разделения, специализации и применения машин. Особенно важно, что в наше время новые информационные технологии вторгаются и в сферу услуг, в которой раньше трудоустраивались работники, потерявшие рабочее место в сфере материального производства [3].

Насущной проблемой сегодняшнего дня является вопрос о том, что делать с людьми, которым не удастся трудоустроиться ни в сфере материального производства, ни в сфере услуг. Выходом из сложившейся ситуации может стать работа в семейном хозяйстве, или в различного рода общинах по месту жительства безработных. Таким образом до недавнего прошлого решалась проблема безработицы в Иордании или Сирии, где один работающий представитель семьи, получающий регулярную зарплату и располагающий наличными деньгами, поддерживал пять безработных родственников, которые в то время были заняты в семейном хозяйстве.

В Европе схожие решения будут очень тяжело прокладывать себе дорогу, ибо европейские семьи малочисленны, и здешние люди, как правило, отвыкли делить между собой деньги и еду.

Вместе с тем существуют и ростки нового труда, например, система «LETS» (Local Exchange Trading System – Система местной обменной торговли), которая развивается в недрах глобализированной экономики уже с начала 90-х годов прошлого столетия в Англии, Австрии, Канаде и других странах. В рамках этой усовершенствованной формы соседской взаимопомощи принимают участие отдельные местные объединения, насчитывающие до 500 жителей, которые напрямую, без опосредующей роли денег, прибыли и налогов обмениваются результатами своего труда (кто-то предлагает ремонт машин, другой – канцелярские услуги или курсы иностранных языков, выпечку хлеба и т. д.), причем, ведется контроль и учет эквивалентности обмена трудовой деятельностью во избежание непаритетного обмена, чтобы кто-то не вложил больше труда, чем получает в обмен [4].

Но существуют и другие модели как решать вопрос невостребованного человеческого труда. Самые передовые страны Запада являются, несомненно, очень богатыми, и поэтому, например, в Швейцарии был представлен законопроект, в соответствии с которым каждый гражданин страны, независимо от того, работает он или нет, из государственной казны должен получать 2500 швейцарских франков, которые ему обеспечат безбедную и человечески достойную жизнь. В случае же, если он будет к тому же еще и экономически активным работником,

получит к этой сумме еще свою «кровную» зарплату [5].

2. Протестантское отношение к труду – по сути самая глубинная субстанциальная причина нашего кризиса. Отбросив его раннехристианское понимание, труд в протестантизме получает лишь посюстороннюю ценность, исключаящую какое-либо эсхатологическое измерение. Одним из катастрофических последствий протестантского отношения к труду является факт, что мир фиктивного, спекулятивного капитала и финансовых пузырей стал сегодня нередко первым миром нашей экономики, отодвигая на задний план материально-экономическое производство. В 2009 году ВВП США представлял примерно 15 миллиардов долларов, а из всего общего объема денег, находящихся в обращении, лишь 3% денег оставалось в сфере материального производства, а остальные деньги были связаны со спекулятивным капиталом. Образованию финансовых пузырей содействовала, прежде всего, кредитная модель экономики. Благодаря кредиту, особенно потребительскому, кризисы перепроизводства, о которых Маркс говорил, что с этими существенными дефектами капитализм никогда не справится, как будто бы ушли за горизонт. Ситуация со временем, однако, усложняется тем, что платежи по кредитам постепенно начинают «зависать» в силу колебаний рыночной экономики. В итоге, вся система кредитной капиталистической экономики, которая возомнила, что перехитрила Маркса, в конце концов очень напоминает запутанную экономику советского типа – взаимозачетов между предприятиями через государство [6].

3. Сегодняшний кризис был вызван также продолжением экспансии неолиберальной экономики и политики, которая приводит к тому, что на «барахолку» истории выталкиваются все нелиберальные подходы к регулированию социальных отношений, и это в том случае, когда экономический рост не содействует сплоченности общества, а как раз наоборот, ее разрушает.

Деструктивная роль неолиберальной экономики и идеологии проявляется в наше время в возрастающей роли клиентурных отношений в функционировании государства и общества.

Короткий социологический экскурс достаточен к тому, чтобы не только раскрыть основные атрибуты и тенденции развития клиентурных отношений, но прежде всего понять, почему даже благопристойные граждане в них участвуют, хотя современное общество к такого рода отношениям официально расположено неблагоприятно.

Сущностью каждого клиентурного сношения, сопутствующему человеческому роду еще со времен традиционных обществ, являются неравноправные по взаимовыгодности отношения между патроном и клиентом.

Патрон, будучи влиятельным лицом, предоставляет своему клиенту материальные и духовные ценности и различного рода услуги, в которых тот нуждается.

Клиент со своей стороны обязан быть по отношению к патрону благодарным и по мере своих возможностей поддерживать его интересы. Клиентурные отношения не базируются на основе юридического договора, имеют часто полулегальный или

нелегальный, однако добровольный и взаимобязывающий, пронизанный накалом эмоций, характер [7].

Следует также отметить, что категория клиентурных отношений сначала развивается именно в тех сферах общества, которые неподвластны законам рынка – система безопасности и охраны, политики, государственной администрации, и в определенной мере также в сфере здравоохранения, образования, науки, социального обеспечения. Динамика развития клиентурных отношений, начиная с эпохи возникновения абсолютистских монархий в Европе в 17 веке и постепенного конца феодализма, привела к возникновению идеологии так называемого «генерального патрона» и к образованию современного государственного устройства (однако, это не значит, что с возникновением государства автоматически и окончательно исчезают частные сети, до недавнего прошлого функционирующих клиентурных отношений) [8].

В современных европейских обществах происходит большое количество социальных процессов, стимулирующих развитие клиентурных отношений. Регрессивное движение такого рода имеет место тогда, когда люди по тем или иным причинам принимают решение вернуться к системе частных клиентурных отношений, перефокусируя свою лояльность обратно от безликого государства к отдельным государственным чиновникам и деятелям. В тот момент конструкция государства, которое по сути своей является лишь хрупкой идеей (*raison d'etat*), начинает рушиться [9]. Катастрофическое развитие в этом направлении подтверждают события после распада Советского Союза, или раньше, после развала Римской империи, когда последовал буквально эруптивный всплеск клиентурных отношений.

Развитию клиентурных отношений способствует не только разложение государственных структур, но и происходящие перемены в мировой экономике. Начиная с конца 70-х гг. прошлого века, в странах Запада наблюдается переход от классической и иерархической пирамидальной организации фирм к более гибкой, так называемой, сетевой структуре производственной деятельности, и это в полном соответствии с торжествующими императивами неолиберальной экономики и политики [10]. Настойчивые требования максимальной экономической эффективности заставляют крупные экономические субъекты передавать большую долю своей производственной деятельности в ведение экстерных поставщиков услуг. Жесткой конкуренции отдельные субподрядчики противопоставляют чрезвычайную способность приспосабливаться всем без исключения колебаниям рынка труда, в полной мере осознавая, что альтернативой успеха для них является попадание в разряд социальных аутсайдеров. Создается впечатление парадокса – клиентурные отношения, зародившиеся еще на заре человечества, прекрасно уживаются с современным, предельно жестоким миром неолиберальной экономики.

Императивы клиентурных отношений требуют, чтобы «Трудовой кодекс», регулирующий отношения между работодателем и наемным работником, уступил

место «Торговому кодексу». Государство, тем самым, плавно скатилось к своему исходному состоянию, когда демонстрировало свое безразличие к социальным вопросам [11].

В социальной структуре стран Запада поэтому происходит фундаментальное перераспределение общественного богатства и глубокие перестановки в социальной структуре, а также ее дальнейшая фрагментаризация, которую усиливают новые технологии. Радикально меняется облик традиционной социологической триады – нижних, средних и высших слоев, и кроме того, значительные части средних слоев ведут заведомо проигрышную борьбу за свое выживание.

Второй термодинамический закон, Дамоклов меч которого с особой силой навис над нашим миром, гласит, что все безостановочно движется к хаосу. Государство, однако, на эти процессы энтропии реагирует по старинке, стараясь еще больше укрепить и расширить роль бюрократической регламентации, забывая, что в сети клиентурных отношений респектабельная бюрократия становится непристойной олигархической гидрой, тем самым недооценивая глубину философского завещания одного из основателей европейской цивилизации Аристотеля о том, что «природа всегда избирает самый короткий путь, чтобы достичь своих целей», и не понимая предчувствий авангардного изобразительного искусства и архитектуры первой трети прошлого века, что подлинное творчество должно наш мир упрощать и фокусировать свое внимание на том, что является действительно существенным.

Вместе с тем, следует напомнить, что лишь искусство иконы, являющее богословие красоты и красоту богословия, не изображает мимолетные и изменчивые движения мысли - как это бывает, например, при изложении философских учений или чередовании архитектурных стилей – а только суть, внутренний эйдос изображаемого [12].

Растущая роль клиентурных отношений в обществе является важным индикатором того, что западные общества движутся в направлении к новому феодализму [13].

Дилемма нашего времени состоит в том, вырастет ли из нового феодализма новое средневековье, как его понимала русская философия Серебряного века, или общество утонет в хаосе феодальной междоусобицы [14].

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Историки обращают внимание на тот любопытный факт, что схожие негативные процессы, которые можно наблюдать в современных западных экономиках – обесценивание валюты, экономический застой и упадок, затягивающие петли долговой экономики, сращивание экономики и политики, всеобщее падение доверия к общественным институтам – можно было наблюдать в Западной Европе в конце Средневековья, на заре капитализма. На волне критики этих негативных явлений выстроил свою популярность в народе чешский реформатор и проповедник Ян Гус.
2. Drucker P. Postkapitalistická společnost. Praha. 1993. s. 108 -124.

3. Keller J. Tři sociální světy. Sociální struktura postindustriální společnosti. Praha. 2010. s. 184-187.
4. Šmiktator F. WWOOF, LETS a jiné možnosti způsobu života. In: Něco se muselo stát. (Václav Cílek – editor). Praha. 2014. s. 16-17.
5. Štefl O. Černé labutě vzdělání. Školství jako loď, kterou musíme přestavět během plavby. In: něco se muselo stát. (Václav Cílek – editor). Praha. 2014. S. 334.
6. Schiller R.J. The supprime solution. Princenton University Press 2008. s. 114-116.
7. По мнению известного итальянского специалиста в области исследования сицилийской мафии Р. Катанзоро, в основании мафии лежит гипертрофированная оценка коллективной защиты жизненно важных ценностей, прежде всего семейной и родовой чести. Поскольку клиентурные отношения являются очень сильно эмоционально окрашенными, существует достаток совместных точек их соприкосновения с мафиозными структурами.
8. Институт государства в рамках социологии политики возможно интерпретировать с нескольких идейных позиций. По мнению Э. Дюркгейма, государственная власть является олицетворением надпартийной и надгрупповой рациональности, поскольку противопоставляет партикулярным интересам универсальные ценности, укрепляющие отношения социальной солидарности. В традиции марксизма государство воспринимается как интерес классового господства экономически самого сильного класса. Немецкий социолог Макс Вебер считает, что государственной бюрократии как раз и свойственна аккумуляция власти в качестве самоцели. В структурах современного государства можно также видеть обобщение принципа клиентурных отношений, так сказать, их логическое завершение, поскольку государство становится патроном всех своих граждан-клиентов. Этой точки зрения придерживались, например, немецкие историки О. Гирке и Ф. Мейнеке. Данная концепция объясняет, почему государственные деятели и обслуживающий их бюрократический аппарат могут себе создавать и содержать свои частные клиентурные сети, распределяя в угоду своих эгоистических интересов, созданное из налогов всех граждан общественное добро (Keller J. Dvanáct omylů sociologie. Praha. 1998. s. 154-163).
9. Классические клиентурные отношения в рамках европейской цивилизации связаны с христианским этосом. В современных обществах клиентурные отношения проиобредают преимущественно светский характер: главный упор делается лишь на утилитарный поиск нужных знакомств и контактов, задействование которых представляет эффективную стратегию в повторяющихся ситуациях явного бессилия рядового гражданина перед лицом всемогущественной государственной машины.
10. В социологической литературе самый глубокий анализ так называемого сетевого общества и сетевой экономики содержится в трехтомной монографии Мануэля Кастельса «The rise of the Network Society» (1996), а также в его книге «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», Москва, 2000.
11. Видный английский автор Э. Гобсбаум в этой связи отмечает, что строительство европейского государства всеобщего благосостояния после Второй мировой войны, на сегодняшний день – это уже изжившая себя аномалия человеческой истории (Hobsbawn E. Věk extrému. Krátké 20. století, 1914 – 1991. Praha. 1998). Вопрос состоит лишь в том, станет ли регрессивное движение к государству без «социальной начинки» конечной станцией развития европейской государственности, или будет дальше двигаться к предгосударственным формам организации общества, что полностью соответствует логическо-историческому методу научного познания Г. В. Ф. Гегеля.

12. Luptáková Marina Od másky k osobnosti. Zobrazení naplněného lidství v ikoně. In: Ikona v ruském myšlení 20. století. Sborník statí a studií. Červený Kostelec. 2011. Упростить наш мир общественных отношений и воспринять его в иконной перспективе – вот насущная задача европейской цивилизации. Видный американский специалист в области изучения цивилизационных коллапсов Джон Тайтнер пишет, что человеческая история знает всего один пример удачливого упрощения общественных структур, который осуществила византийская цивилизация (Taitner J.A. Kolapsy složitých civilizací. Praha. 2009).

13. Для клиентурных отношений характерно, что отчуждение труда (продукта труда) осуществляется также посредством внеэкономического принуждения. Внеэкономическому принуждению в наше время подвержены, прежде всего, иностранные трудовые мигранты, располагающие в современном обществе минимальной мерой социально-правовой защиты. Своим хозяевам, которые их в качестве различного рода агентств-посредников трудоустраивают (а на самом деле продают), например, транснациональным компаниям, вынуждены платить своего рода феодальную ренту (денежный оброк) в виде различных надуманных денежных штрафов за то, что своевольно покинули свое рабочее место, не вовремя вернулись на свое рабочее место из санитарного узла и т. д. Симптоматичным для нашего времени является факт, что кнут внеэкономического принуждения начинает применяться также по отношению ко многим категориям туземных рабочих. Однако, существует и другая форма феодальной ренты – барщина, т. е. неоплачиваемая работа на участке хозяина. Например, претенденты, желающие занять новое рабочее место, обязательно проходят так называемый испытательный срок, поскольку, как правило, они не получают в дальнейшем трудовой договор, работу, которую они проделали для работодателя, тот не оплачивает. В наше время существует внеэкономическое принуждение и в форме оброка, когда отчуждаемая часть труда произведена на участке самого работника. Например, мелкие предприниматели, намеривающиеся поставлять свои товары в сеть супермаркетов, вынуждены первые несколько недель поставлять эти же товары бесплатно.

14. Феодализм, возникший на развалинах Римской империи, стал продолжением той формы, которая начала складываться еще в недрах империи – колоната. Однако, средневековая цивилизация сформировалась позже – после принятия христианства в V-X веке. Понятия феодализм, Средние века или крепостничество нельзя, таким образом, воспринимать как однопорядковые (то есть, как ряд синонимов).

САРМАТСЬКИЙ КОНЦЕПТУАЛІЗМ У КАРТОГРАФІЇ І ЛІТЕРАТУРІ

О. Ф. ПЕТРУШЕНКО (Вінниця, Україна)¹⁷

Сьогодні, в умовах нагальної потреби реформування української держави, особливого значення набувають дослідження становлення української політичної ідентичності. Мова йде як про формування власного індивідуального «Я» українців, так і про розвиток специфічних уявлень про українське колективне «Я». Цьому питанню ми присвятили ряд наукових статей і монографію. Сам дискурс «українська нація — українська держава» вимагає міждисциплінарного політологічного осмислення. Структурною частиною цього осмислення має стати не лише історико-політична ретроспектива, але і трансформації історико-літературного нарративу [1; 4].

Українська нація народжувалась у неспинній боротьбі. Ця «боротьба» стала ключовим словом сарматизму як найголовнішої ідейно-політичної течії спочатку Речі Посполитої Обох Народів (1569-1795 роки). Згодом, «боротьба» як лейтмотив сарматизму перемістилась в середовище східноєвропейської ідеалістично-романтичної історіографії, розвиток якої був би неможливим поза динамікою літератури [10; 13; 14].

З дидактичної точки зору сарматизм — це панівна ідеологія шляхетської верстви річпосполитського суспільства XVI-XVIII століть; аксіологічна система, що об'єднувала усі принципи та підходи східноєвропейського історіописання в добу існування Речі Посполитої та протягом першої половини XIX століття; традиція іменування східноєвропейських (в першу чергу українських!) територій західноєвропейськими авторами, що була запозичена у давніх римлян (наприклад, у Птолемея) [4].

Європейські картографи XV-XVII століть уявляли всю територію України (всі географічні зони) як «Сарматський простір». Матвій Стахів неодноразово підкреслював, що для грецької картографії українські терени були більше відомі як «Скіфія», тоді як для римської вони носили назву «Сарматія» [15]. Так і повелось: візантійсько-турецька традиція зберегла назву «Скіфія» та етнонім «скіфи» для позначення українських територій і всіх жителів України (незалежно від національності); римсько-германська традиція закріпила термін «Сарматія» і, посилаючись на Птолемея, Амміана Марцеліна, продовжувала називати Україну Сарматією навіть після зруйнування імператрицею Катериною II Запорозької Січі в 1775 році.

Картографічні пертурбації з назвами «Скіфія» чи «Сарматія» дуже добре

¹⁷ **Петрушенко Олена Федорівна** – старший викладач кафедри Українознавства Вінницького національного медичного університету ім. М. І. Пирогова, філолог, психолінгвіст. Відома завдяки своїм етнопсихологічним розвідкам. Сфера наукових інтересів: філософія мови, політика і філологія, право і літературознавство, етнічна психологія та психологічна антропологія. E-mail: melnyk1996ethnology@gmail.com.

продемонстровані у фундаментальному двотомному виданні «Україна на стародавніх картах», що було підготоване та укладене такими знавцями своєї справи як М. Г. Вавричин, Я. Р. Дашкевич і У. Кришталович. Неймовірно цікавим для обраної нами проблеми є том перший (під назвою «Україна на стародавніх картах: кінець XV — перша половина XVI століть»). Добре проаналізований авторами компендіум карт з чіткою та добре обґрунтованою дескрипцією дає можливість відчувати дух європейського сприйняття доби Реформації.

Картографічні студії Марії Вавричин (1935-2010) і Ярослава Дашкевича (1926-2010) дають нам можливість усвідомити рецепційні контури мислення європейських авторів (в першу чергу літераторів) пізнього Середньовіччя. Європейці називали сучасну Україну однозначно і беззаперечно «Сарматією». В той же час, в середині візантійсько-турецької картографічної традиції не було однозначності навіть з терміном «Скіфія». Терени України окреслювались то Скіфією, то Малою Руссю, то Малою Росією, то Великою Скіфією. Не було серед греків-картографів єдності навіть щодо окремих областей. Кримське ханство на західноєвропейських картах прийнято було називати «Малою Скіфією». Греки називали Крим і Таврикою, і Тавридою, і Скіфією.

Назва «Скіфія» вкорінилась в Греції-Візантії-Порті після славетної подорожі Геродота та публікації його «Історії». Давньогрецький батько історичної науки не лише ввів історію та географію майбутніх українських земель в класичне сприйняття еллінами (і постеллінами) ойкумени (тобто всього давнього світу), але і вперше вжив слово «Скитія» для позначення політичної єдності всіх племен кочівницького та землеробського способу життя, що проживали на територіях між Чорним Морем-Прип'яттю і між Карпатами-Доном. Закріплення Скіфії (як прообраз держави проіснувала з VII ст. до н. е. до III ст. до н. е.) як політичної цілісності в цих кордонах зробив видатний український археолог Борис Мозолевський (1936-1993) у своїй монографії (незакінченій докторській дисертації) під назвою «Етнічна географія Скіфії» [8].

Назва «Сарматія» остаточно вкорінилась в класичному сприйнятті римлянами та пострімськими європейцями після її запровадження олександрійським географом і філософом Клавдієм Птолемеєм (100-170 роки). На особливу увагу заслуговує опис Клавдієм Птолемеєм у своєму «Посібнику по географії» таких країн: Германія, Вінделіція, Норік, Паннонія, Іллірія. Птолемеєм став засновником сучасного країнознавства (він його називав «хорографією»). Він описував римські провінції і закордонні території не лише в історико-міфологічному та загальногеографічному контекстах (як це робив Геродот). Птолемеєм підійшов до проблеми комплексно. Його цікавили демографія, риси господарства, питання урбанізації, співвідношення економічного потенціалу європейських та азіатських провінцій із Римом. Наприклад, у другій книзі «Географії» Птолемеєм наводиться багато даних про присутність (зокрема, про торгівельно-економічну залученість) у римському житті вихідців із Сарматії. Вже у третій книзі «Географії» Птолемеєм цілий окремий розділ присвятив «Європейській Сарматії» [11].

Детальний аналіз географічних пошуків Птолемея та його методології міститься у монографії В. А. Бронштена [2]. Дані Птолемея з приводу історичної географії та історичної демографії ранньослов'янських територій пропонував використовувати також український історик, професор Василь Мельник (1930-1992) у своїй методологічній розробці «Рання етнічна історія південних слов'ян». Наша робота в його особистому науковому архіві також показує, що Василь Мельник залучав дані Птолемея до запланованої ним капітальної «Етнічної історії народів світу». У згаданій методологічній розробці В. М. Мельник звернув увагу на сарматський суперстрат у середовищі військово-політичної еліти таких провінцій як Іллірія, Норік, Вінделіція, Паннонія [7].

Птолемеєм заклав європейське сприйняття «двовимірної» сарматської реальності: одночасно він викремлює «Європейську Сарматію» і «Азіатську Сарматію». Сармати з'явилися у причорноморських степах в III столітті до н. е. Однак, скіфо-сарматські взаємовпливи були дуже потужними аж до межі ер. По суті, сармати інтегрувались у місцевий скіфський світ. Микола Кікешев у своїй фундаментальній (і дуже свіжій) праці під назвою «Витоки слов'янської цивілізації» веде мову про те, що першопочатково скіфи інтегрувались у землеробське середовище (так, скажімо, з'явилися славнозвісні «скіфи-землероби» та «скіфи-орачі») [5]. Прихід сарматів на південь України міг би призвести до реінтеграції індоіранців між собою, так як скіфи та сармати до III ст. до н. е. входили в єдину цивілізаційну систему — так званий «Скіфський світ» (багато радянських археологів називали його також «Скіфо-сибірським» світом). Це було тим більше можливо, що «Мала Скіфія» у Криму і Таврії зуміли зберегти свою індоіранську ідентичність. Однак, все відбулось навпаки. Сармати виступили суперстратом стосовно скіфського субстрату і досить швидко асимілювались в землеробському середовищі. Мала Скіфія в Криму продовжувала своє незалежне існування, тоді як скіфи та сармати на українських територіях утворили одне ціле із протослов'янськими (чи праслов'янськими — термін звучатиме у відповідності до використання методологічного підходу академіків Мавродіна чи Рибаківа) племенами. Саме так народився слов'янський світ [7].

Народження слов'янського світу за М. Кікешевим, виступає також точкою відліку закріплення у римській свідомості назви «Сарматія» як означення конгломерату військово-політичних союзів на схід від імперських володінь в Паннонії, та на північ від імперських володінь у Фракії (пізніше також у Дакії — цей момент добре проаналізовано у працях професора В. М. Мельника) і в Криму.

Отож, літературна й історіографічна західноєвропейська традиції називати терени сучасної України «Сарматією» були сформульовані одним із фундаторів світової географічної науки — Клавдієм Птолемеєм із Олександрії Єгипетської. Треба підкреслити, що Птолемеєм був одним із засновників теорії гармонії. Це стосується не лише музики, образотворчого мистецтва, але і цілої сфери суспільних відносин. Якщо перші ознаки сприйняття суспільства як природної гармонії (з посиланням на те, що природа як прояв Вищого Розуму гармонійна сама по собі —

це твердження згодом стало підставою для багатьох тверджень І. Канта) проявилися в Арістотеля, то Клавдій Птолемей розвинув їх до небувалого теоретичного рівня [12].

Клавдій Птолемей став засновником «сарматської традиції» в західноєвропейському історіописанні та сприйнятті. Літературний та історіографічний сарматизми, як явища взаємодоповнюючі і на багатьох етапах свого розвитку тотожні, сформувались у вигляді реакції на його географічну систему. Переймаючи дані Птолемея про «Європейську Сарматію», подальші європейські і річпосполитські автори переймали і його вчення про гармонію. Саме тому, через півтори тисячі років після смерті Птолемея, ідеологи польського сарматизму активно створювали міф про генетичну зумовленість закріпачення вищими верствами нижчих. Традиційною для риторики польських літераторів і полемістів стала теза про походження шляхти і магнатів від сарматів, що зумовлювало їхню кровну перевагу над селянством та міщанством. Останніх у деяких випадках генеалогічно виводили від скіфів. Популярним став дискурс про походження сарматів-шляхтичів від Яфета, а селян від Хама. Синами Яфета вважались грамотні у військовій справі та освічені у світських науках громадяни Речі Посполитої. Хамами називали усіх неграмотних. Таким чином, можемо говорити про вплив на літературу Речі Посполитої не лише географічної та філософської концепції Клавдія Птолемея, але і теологічного біблійного обґрунтування соціальної нерівності [3; 9; 10].

Сарматський дискурс літератури Речі Посполитої передбачав насамперед пояснення нерівності людських можливостей, він був зосереджений навколо вирішення проблеми «шляхта-хлопи». У річпосполитській рецепції «птоlemeївського» сарматизму особливо відчутна спроба поєднати аксіологічну платформу Реформації із традиційними християнськими цінностями Римокатолицької церкви. Так з'явилося антиномічне поєднання «язичницької» і античної легенди про сарматське походження шляхти із старозаповітним концептом «Хам-Яфет».

Спеціаліст у галузі української етногенетичної міфології Олексій Кресін пише: «Теорія сарматизму зародилася в епоху Відродження й проіснувала в літературі до кінця XVIII століття. З'явилася через романтичне захоплення гуманістів античним світом, спроби повернути застарілу ономастику. За «Географією» Птолемея, Сарматією називали Польщу, Литву (з Україною), «Татарію»; поділяли на Європейську та Азійську (кордон — р. Дон). Термін «Сарматія» завжди був географічно розпливчастим, але надзвичайно стійким. Сарматизм в європейській літературі, заснований на античній традиції, нічим її не збагатив у середні віки. Він був викликаний браком знань про Східну Європу, а тому з появою нової інформації просто зник. Але став одним із чинників формування теорії сарматизму в Україні» [6, с. 136].

ЛІТЕРАТУРА

1. Амелеченко Н. Міф та нація — переплетення філософського та політичного дискурсів. / Н. Амелеченко. // Філософська думка. — 2003. — №6. — с. 50-75.
2. Бронштэн В. А. Клавдий Птолемей: II век н. э. / В. А. Бронштэн. — М.: Наука, 1988. — 239 с.
3. Дашкевич Я. Р. Хам чи Яфет: Липинський і Українська революція. / Я. Р. Дашкевич. // Україна. Наука і культура. — К., 1996. — Вип. 29. — с. 34-39.
4. Демчук Р. В. Український «сарматизм» як алгоритм організації спільноти. / Р. В. Демчук. // Магістеріум. — 2011. — Вип. 42: Культурологія. — с. 33-40.
5. Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации. / Н. И. Кикишев. — Москва: Институт русской цивилизации, 2016. — 912 с.
6. Кресін О. Український сарматизм. / Олексій Кресін. // Мала енциклопедія етнодержавознавства. — К.: Генеза, 1996. — с. 136.
7. Мельник В. М. Етноісторичні аспекти становлення польської нації (Рання етнічна історія поляків). / В. М. Мельник. — Вінниця: Друкарня ВНМУ ім. М. І. Пирогова, 2016. — 44 с.
8. Мозолевський Б. М. Етнічна географія Скіфії. / Б. М. Мозолевський. — К.: «Стародавній Світ», 2013. — 168 с.
9. Моренець В. П. Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ століття: Україна і Польща. / В. П. Моренець. — К.: Основи, 2002. — 328 с.
10. Наливайко Д. С. Теорія літератури й компаративістика. / Д. С. Наливайко. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2006. — 348 с.
11. Птолемей К. Сведения о Скифии и Кавказе. / Клавдий Птолемей. // Вестник Древней Истории. — 1948. — №2. — с. 231-257.
12. Птолемей К. Гармоника в трех книгах. / Клавдий Птолемей. Гармоника в трех книгах. Порфирий. Комментарий к «Гармонике» Птолемея. Издание подготовил В. Г. Цыпин. — М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2013. — 456 с.
13. Радишевський Р. П. Польськомовна українська поезія кінця ХVІ — початку ХVІІІ століття: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук. / Радишевський Р. П. — К.: Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 1996. — 76 с.
14. Сас П. М. Сарматизм. / П. М. Сас. // Енциклопедія історії України. Том 9. Київ: Наукова думка, 2012. — с. 459-460.
15. Стахів М. Христова Церква в Україні: 988-1596. Нарис історії Української Католицької Церкви. / Матвій Стахів. — Львів: Видавниче підприємство «Стрім», 1993. — 586 с.

REFERENCES

1. Amelchenko N. Mif ta natsIya — perepletennya ffilosofskogo ta polItichnogo diskursIv. / N. Amelchenko. // Ffilosofska dumka. — 2003. — #6. — s. 50-75.
2. Bronshten V. A. Klavdiy Ptolemey: II vek n. e. / V. A. Bronshten. — M.: Nauka, 1988. — 239 s.
3. Dashkevich Ya. R. Ham chi Yafet: Lipinskiy I UkraYinska revolyutsIya. / Ya. R. Dashkevich. // UkraYina. Nauka I kultura. — K., 1996. — Vip. 29. — s. 34-39.
4. Demchuk R. V. UkraYinskiy «sarmatizm» yak algoritm organIzatsIYi spIlnoti. / R. V. Demchuk. // MagIsterIum. — 2011. — Vip. 42: KulturologIya. — s. 33-40.
5. Kikeshev N. I. Istoki slavyanskoy tsivilizatsii. / N. I. Kikishev. — Moskva: Institut russkoy

tsivilizatsii, 2016. — 912 s.

6. KresIn O. UkraYinskiy sarmatizm. / OleksIy KresIn. // Mala entsiklopedIya etnoderzhavoznavstva. — K.: Geneza, 1996. — s. 136.

7. Melnik V. M. EtnoIstorichnI aspekti stanovlennya polskoYi natsIYi (Rannya etnIchna IstorIya polyakIv). / V. M. Melnik. — VInnitsya: Drukarnya VNMU Im. M. I. Pirogova, 2016. — 44 s.

8. Mozolevskiy B. M. EtnIchna geografiya SkifIYi. / B. M. Mozolevskiy. — K.: «StarodavnIy SvIt», 2013. — 168 s.

9. Morenets V. P. NatsIonalnI shlyahi poetichnogo modernu pershoYi polovini HH stolIttya: UkraYina I Polscha. / V. P. Morenets. — K.: Osnovi, 2002. — 328 s.

10. Nalivayko D. S. TeorIya lIteraturi y komparativIstika. / D. S. Nalivayko. — K.: Vidavnychiy dIm «KiEvo-Mogilyanska akademIya», 2006. — 348 s.

11. Ptolemey K. Svedeniya o Skifii i Kavkaze. / Klavdiy Ptolemey. // Vestnik Drevney Istorii. — 1948. — #2. — s. 231-257.

12. Ptolemey K. Garmonika v treh knigah. / Klavdiy Ptolemey. Garmonika v treh knigah. Porfiriy. Kommentariy k «Garmonike» Ptolemeya. Izdanie podgotovil V. G. Tsyipin. — M.: Nauchno-izdatelskiy tsentr «Moskovskaya konservatoriya», 2013. — 456 s.

13. Radishevskiy R. P. Polskomovna ukraYinska poezIya kIntsya XVI — pochatku XVIII stolIttya: avtoreferat disertatsIYi na zdobuttya naukovogo stupenya doktora filologIchnih nauk. / Radishevskiy R. P. — K.: Institut lIteraturi Im. T. G. Shevchenka NAN UkraYini, 1996. — 76 s.

14. Sas P. M. Sarmatizm. / P. M. Sas. // EntsiklopedIya IstorIYi UkraYini. Tom 9. KiYiv: Naukova dumka, 2012. — s. 459-460.

15. StahIv M. Hristova Tserkva v UkraYinI: 988-1596. Naris IstorIYi UkraYinskoYi KatolitskoYi Tserkvi. / MatvIy StahIv. — LvIv: Vidavniche pIdpriEmstvo «StrIm», 1993. — 586 s.

ГЕОРГ ЛЮДВІГ МАУРЕР (1790-1872) ЯК ІСТОРИК ПРАВА

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)¹⁸

Германське право вирізняється на фоні медієвістичних досліджень. Німецька історіографія XIX-XX століття присвятила вивченню права середньовічних германців велику кількість праць. На межі XIX і XX століть навіть викристалізувалось два напрямки в німецькій історичній науці — історико-правовий та критико-юридичний. Роль обох напрямків для історії права дуже велика. Сучасна методологія історико-правових досліджень у Європі базується саме на досягненнях німецької історіографії. Завданням українських вчених залишається вироблення власного філософсько-методологічного шляху. Однак, при цьому, ми зобов'язані перейняти позитивний західний досвід (головним чином, німецький).

Георг Людвіг Маурер (1790-1872) став засновником історико-правового напрямку в німецькій історичній науці. Є. В. Гутнова у своїй «Історіографії історії середніх віків» підкреслює: «Ми виділяємо історико-правовий напрямок тому, що інтереси всіх його представників концентрувались в області історії права, установ, державного устрою середньовічної Німеччини, але ще більше тому, що на всі явища історії вони дивилися з точки зору еволюції права та державних форм і теоретично приписували їм вирішальну роль в історії» [1, с. 71].

На наш погляд, синтетична праця Є. В. Гутнаної найбільш повно в радянській історіографії змогла описати та охарактеризувати праці представників історико-правового напрямку німецької історіографії XIX століття.

Представниками історико-правового напрямку, крім Г. Л. Маурера, були Георг Вайц (1813-1886), Пауль Рот (1820-1892), Отто фон Гірке (1841-1921), Рудольф Генріх фон Гнейст (1816-1895). Історико-правовий напрямок німецької історіографії синтезувався під впливом двох наукових шкіл — історичної школи права та романтичного напрямку. Є. В. Гутнова вказала на ряд фундаментальних прогресивних відмінностей історико-правового напрямку відносно своїх попередників: «Відрізнявся історико-правовий напрямок і в методологічному плані: для нього був характерний набагато більш стійкий та постійний інтерес до економічних, зокрема до аграрних, проблем не тільки в контексті еволюції поземельного права, але і в контексті реальних відносин власності і господарських розпорядків. В останніх вони часто бачили важливу, хоча і не визначальну рушійну силу історичного процесу» [1, с. 71].

¹⁸ Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії», вчений секретар Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, член Української асоціації зовнішньої політики, член Національної спілки журналістів України. Сфера наукових інтересів: політична антропологія, юридична історія та історіографія, теорія міжнародно-правового статусу Ватикану. E-mail: melnyk_science@mail.ru.

Георг Людвіг Маурер народився на теренах Рейнської області (в Дюрхеймі) і походив з родини священника. Освіту він здобув на юридичному факультеті Гейдельберзького університету. Протягом 1814-1826 років Маурер працював у судово-адміністративних органах Рейнської області. Після свого переїзду в Баварію (1826 рік) Маурер був обраний професором права у Мюнхенському університеті. Саме з Мюнхенським університетом пов'язане все наукове життя Георга Маурера.

Все своє життя вченому вдавалось поєднувати активну наукову та дослідницьку роботу із юридичною практикою. Маурер працював в галузі адміністративної юстиції, займався юридичними консультаціями. Протягом XIX-XX століть вся сукупність публічно-правових відносин у Німеччині об'єднувалась в одну науку і спеціальність — державне право. Маурер прославився саме як спеціаліст-практик у сфері державного права. Неабиякі юридичні здібності дозволили йому досить швидко зблизитись з королівським домом Баварії. Вже в 1832 році його було призначено регентом грецького короля Отто Вітельсбаха. Це змусило Маурера поєднувати вже три види діяльності — науковий, юридичний та дипломатичний. Регентом грецького короля вчений пробув лише до 1834 року, але в момент політичної кризи 1847 року його було призначено прем'єр-міністром Баварії, а в 1848 році він став депутатом загальнонімецького Франкфуртського парламенту.

Маурер до кінця життя був членом Державної ради Баварії. При цьому, Маурера складно назвати вченим, що у політичному контексті піддавався впливам баварської чи пруської партій. Маурер — однозначний прибічник єдності Німеччини. Він вважав, що Баварія, Прусія, Австрія зобов'язані об'єднатись в одне ціле. Для нього Німеччина була геополітичним центром Європи, але для здійснення правильної зовнішньої політики вчений вважав необхідним наявність грамотного політико-юридичного обґрунтування. Для такого обґрунтування Маурер звернувся до юридичної медієвістики — історії права середніх віків.

Основною темою досліджень Маурера стала германська община як правовий інститут. Є. В. Гутнова пише: «саме в общині він побачив традиційну для Німеччини форму самоуправління» [1, с. 73]. Общину Маурер розглядав з точки зору еволюційних закономірностей. Про свою методологію він писав: «Історія, як і природа, підкоряється певним законам, котрі не можуть бути безпечно порушені і дослідження котрих має стати завданням кожного історика» [2, с. 3-4].

У 1854 році була опублікована його книга «Вступ в історію общинного, двірського, сільського, міського устрою та суспільної влади» (російською мовою перевидана в 1880 році) [2]. Це дослідження і сьогодні залишається корисним з точки зору двох юридичних проблем: теорії общинного устрою та генези міського самоврядування. Питанню самоврядування Маурер відводить особливе місце у своєму дослідженні. Генезу самоврядування і общини він виводить із специфічної давньогерманської «марки» — як форми громадської та господарської самоорганізації.

В 1856 році Маурер публікує двотомну «Історію маркового устрою в Німеччині» [3]. Особливу увагу для нас також представляють «Історія сільського

устрою в Німеччині» у трьох томах (1865-1866) та «Історія міського устрою в Німеччині» у чотирьох томах (1869-1871) [4; 5]. Таким чином, можемо охарактеризувати Г. Л. Маурера як правознавця синтетичного складу. Його праці відкрили тривалу дискусію з приводу традиційності германського самоврядування. Пошук відповідей на це питання німецькі історики, слідуючи за Маурером, стали шукати саме в ранньому середньовіччі – в процесі переходу від античності до середньовіччя. Мета заснованого Г. Маурером історико-правового напрямку оформилась як пошук правильної системи державного устрою для майбутньої об'єднаної Німеччини у традиціях старогерманського права. При цьому, сам Маурер підкреслював, що історія навчає «як повинні йти вперед держави, щоб не відстати і не загинути зовсім» [2, с. 223-224].

Маурер вважає, що основою німецького суспільства у ранньому середньовіччі була саме община. В умовах повної відсутності приватної власності, саме община виступала центром організації господарства і тільки вона могла обробляти землю. Германські племена розпадались на локальні общини. Ці локальні (найменші) общини з життям навколо господарського календаря він називав «марками». Вони мали всі ознаки демократичного устрою. Встановленням господарських розпорядків у марках займались общинні ради на чолі із старійшинами. Маурер активно посилається на Тацита, який, на його думку, першим відзначив марковий устрій германських «варварів».

Велике переселення народів зумовило реорганізацію маркового устрою земельного розподілу на основі інституту спадкоємництва. Цей інститут зародився під впливом римського права і сприяв еволюції приватної власності. Саме приватна власність стала першим і найголовнішим для германських племен етапом рецепції римського права.

Общинне землеволодіння розпадалось на великі приватні землеволодіння та вотчини. Поступове засвоєння германцями приватної власності зумовило зміну сприйняття князівської та королівської влади. З військових вождів правителі племен перетворились спочатку в «громадянську владу». Новоявлені варварські королі стали опиратись на велике приватне землеволодіння і розпочали поступову ліквідацію общини через подальшу рецепцію інших положень римського права. Ця ліквідація переросла в різновид соціальної боротьби і тривала аж до XVI століття, коли в багатьох регіонах Німеччини ще зберігались марки. Остаточний кінець маркової свідомості німецького селянства настав лише під впливом правових ідей Реформації, зокрема ідеї індивідуальної свободи.

Маурер вважав, що досвід марки як «землеробського союзу» необхідно використати для політичного майбутнього Німеччини. Державний устрій єдиної Німеччини, вважав Маурер, має ґрунтуватись на «громадянській політичній общині».

Генезу середньовічних міст Німеччини, Італії, Франції Г. Л. Маурер вбачає також у марковому самоуправлінні. Розбудова міст почалась за часів Карла Великого як реакція німецького селянства на зростання впливу юридичного

інституту приватної власності. Міста значно еволюціонували під впливом торгівельно-економічного фактору і стали одним із стовпів німецької державності, а також германської культури у всій Європі [5].

Маурер був першим вченим, який назвав феодалізм юридичною категорією. І хоч К. Маркс та Ф. Енгельс активно критикували Г. Маурера за «юридичну вузькість» [1, с. 77], він став засновником юридичного підходу до тлумачення феодалізму, вважаючи його витвором синтезу варварського общинного права та інституту приватної власності римського права.

Ми вважаємо, що на маркову концепцію Георга Маурера треба звернути сьогодні особливу увагу вітчизняним медієвістам. Його праці дають цінні вказівки для подальших досліджень з історії общини, теорії звичаєвого права та історії громадянськості як політичної категорії.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. / Е. В. Гутнова. — М.: Высшая школа, 1974. — 400 с.
2. Маурер Г. Введение в историю общинного, подвornого, сельского, городского устройства и общественной власти. / Г. Маурер. — М., 1880.
3. Maurer G. L. Geschichte der Markverfassung in Deutschland, Bd. I-II, Erlangen, 1856.
4. Maurer G. L. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, Bd. I-III, Erlangen, 1865-1866.
5. Maurer G. L. Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland, Bd. I-IV, Erlangen, 1869-1871.

REFERENCES

1. Gutnova E. V. Istoriografiya istorii srednih vekov. / E. V. Gutnova. — M.: Vyisshaya shkola, 1974. — 400 s.
2. Maurer G. Vvedenie v istoriyu obschinnogo, podvornogo, selskogo, gorodskogo ustroystva i obschestvennoy vlasti. / G. Maurer. — M., 1880.
3. Maurer G. L. Geschichte der Markverfassung in Deutschland, Bd. I-II, Erlangen, 1856.
4. Maurer G. L. Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, Bd. I-III, Erlangen, 1865-1866.
5. Maurer G. L. Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland, Bd. I-IV, Erlangen, 1869-1871.

ГЕОРГ ВАЙЦ (1813-1886) – ТЕОРЕТИК НАРОДНОЇ СВОБОДИ

В. П. ПЕТРУШЕНКО (Вінниця, Україна)

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)¹⁹

Справжнім продовжувачем справи Георга Людвіга Маурера (1790-1872) став юрист-історик Георг Вайц (1813-1886). Як і Мауреру, Георгу Вайцу в сучасній українській теорії та історії права не відводиться жодного місця. Слабко розроблена історико-юридична теорія Вайца і у вітчизняній історіографії.

Загальний стан німецької історичної науки (після європейських революційних подій 1848 року) характеризувався поділом романтичної історіографії на два напрямки — історико-правовий і політичний. Становлення історико-правового напрямку пов'язане із модною на той час «юридизацією історії» та збільшенням інтересу університетських дослідників до проблем теорії давньогерманської общини.

Георг Вайц народився у 1813 році в місті Фленсбург (на той час воно належало Данії). Освіту він здобував у два етапи: спочатку в Кільському університеті, де Вайц вивчав юриспруденцію, а згодом у Берлінському університеті, де його вчителями стали Савіні та Ранке. У Берлінському університеті майбутній вчений вивчав філософію та євангелічну теологію.

Під впливом історичної школи права Ранке, Вайц звернув свою увагу на юридичне підгрунтя німецької державності. Берлінський університет давав найкращу в тогочасній Німеччині історичну освіту. Однак, Вайц від самого початку вирішив працювати «на стику» права та історичної науки. З 1836 року він був одним із найбільш активних співробітників наукової серії «Monumenta Germaniae historica» (з 1876 року став головним редактором видання). В той же час Вайц розпочав викладання у Кільському університеті, де протягом 1842-1849 років був професором історії права.

Тогочасна німецька професура вважалась елітою не лише в науковому контексті, але також і в політичному. Саме професори склали значну частину скликаного 1848 року Франкфуртського парламенту. Депутатом від Кіля став і Георг Вайц. Є. В. Гутнова пише про його погляди: «У франкфуртському парламенті 1848 року він належав до «правого центру» і був рішучим противником

¹⁹ **Петрушенко Віктор Пилипович** – вчений секретар Комісії з вивчення історії середньовічного права при Львівському медієвістичному клубі, автор ряду праць по проблематиці історико-правової школи XIX століття в німецькій історіографії. Сфера наукових інтересів: політична та правова історія, історія XX століття.

Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії», вчений секретар Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, член Української асоціації зовнішньої політики, член Національної спілки журналістів України. Сфера наукових інтересів: політична антропология, юридична історія та історіографія, теорія міжнародно-правового статусу Ватикану. E-mail: melnyk_science@mail.ru.

ідей народного суверенітету та республіки. Його політичним ідеалом для майбутньої об'єднаної Німеччини була конституційна монархія, котра могла б гармонічно поєднати сильну королівську владу і «народну свободу» — традиційні старогерманські та більш сучасніші інститути» [1, с. 78].

Саме під час парламентської діяльності у Вайца сформувалась ідея розробити теоретичні підвалини міцної державної влади для майбутньої єдиної Німеччини. Цій діяльності вчений віддавав більшу частину своїх сил під час роботи професором у Геттінгенському університеті. Разом з цим, Вайц відзначився і як викладач — його студентські та публічні семінари з історії права та юридичного джерелознавства не мали собі рівних. Семінари Вайца стали прологом для формування «геттінгенської історичної школи», що спеціалізувалась навколо проблем джерелознавства середніх віків. Справу Вайца у Геттінгенському університеті згодом продовжив його учень — Г. Х. Гільдебранд.

Георг Вайц працював на посаді професора Геттінгенського університету протягом 1849-1876 років. З 1876 року він жив у Берліні, де і помер 24 травня 1886 року.

З точки зору сучасної політології, Вайц — теоретик інституціоналізму. Через державні інституції він розглядав всі політико-правові процеси. Норми звичаєвого права його цікавили в залежності від того, як вони вплинули на формування писаного публічного права. Отже, можемо виокремити дві головні дослідницькі проблеми, що цікавили Георга Вайца — історію державних установ і кодифікацію правових норм. При цьому, вчений залишався класичним медієвістом. Свою мету він вбачав у віднайденні позитивних традицій державотворення на ранньому етапі германської історії. Універсальною цінністю історичного процесу Вайц називав державу.

Головна праця вченого — «Історія німецьких державних установ». Вона публікувалась в шести томах протягом 1844-1878 років [3]. Це синтетичне дослідження охоплює становлення германського правового устрою від часів Юлія Цезаря і Тацита до кінця XII століття. Є. В. Гутнова так характеризує стиль викладення матеріалу Вайцом: «Він завжди виходив із критичного аналізу джерел, враховуючи всі деталі та різні точки зору, що існували в літературі. Формулюючи ту чи іншу думку, Вайц старанно розглядав усі «за» і «проти», всі свої висновки обставляв численними критичними зауваженнями» [1, с. 78]. Його науковий стиль часто піддавався критиці. Наприклад, Е. Фютер у книзі «Історія сучасної історіографії» (1911) називав праці Вайца «конструктивною фантазією» [2].

З чисто юридичної точки зору велике значення має книга Вайца «Давнє право салічних франків» (1846) [4]. У ній вчений викладає власну концепцію методології досліджень кодифікації права. Держава, на думку Вайца, постає виключно в момент чіткої кодифікації законодавства. Перетворення звичаю у право створює державу як юридичний інститут. Сутність цього інституту полягає в перманентному контролі над пристосуванням законодавства до актуальних політичних реалій. Важливою складовою політичного процесу Вайц називає

народне господарство. Стан і характер юридичного регулювання народного господарства визначає принципи сприйняття держави населенням.

Отже, для Вайца сутність державного устрою розкривається не через політичні ознаки здійснення князівсько-королівської влади, а через юридичні способи контролю державним апаратом спеціальних умов людської праці. Через працю встановлюється найтісніший зв'язок між державою та індивідом.

Георг Вайц одним із перших у німецькій науці запропонував охарактеризувати формування державних організмів як процес господарської еволюції. На його думку, німецька держава стала можливою внаслідок специфічних історичних умов господарського розвитку давньогерманської общини. Він пише наступне: «питання про способи землеробства і форми власності на землю має першочергове значення для визначення культурного рівня народу, порядку правового та громадського його життя» [3, т. 1, с. 30]. Проблеми господарського розвитку для Вайца нерозриво пов'язані із сферою народного духу. Господарський розвиток є показником духовності людей.

Теорія Вайца підпорядковує економіку юридичній науці. Проблема необхідності юридичних досліджень економічної сфери вперше була серйозно обгрунтована Г. Вайцом. На наш погляд, його з усією впевненістю можна назвати родоначальником господарсько-правового методу. Під час викладання у Гетінгенському університеті, Вайц також сформулював тезу про приналежність еволюції господарських відносин до сфери історії права.

Рушійною силою історичного процесу Георг Вайц називав «внутрішні закони органічного розвитку суспільства, що не залежать від волі людей» [1, с. 79]. Ці закони регулюють сферу людського духу і проявляються в області організації окремих сфер суспільних відносин. Ця організація відносин і є правом у розумінні Вайца. Прогресивну роль середньовічної держави Вайц розглядав крізь призму трансформації звичаєвого права у кодифіковане законодавство. Ця кодифікація відбувалась під впливом ієрархічного характеру християнської релігії.

На думку Вайца, вплив християнства зумовив вироблення специфічних германських традицій конституційно-монархічного устрою. Конституціоналізм Вайца називає споконвічною формою державного устрою для германських народів. Принципи германського конституціоналізму завжди засновувались на «народній свободі» [3].

Народна свобода — це найперша і найдавніша форма державного устрою германських племен. Вона характеризувалась владою всієї племінної общини і виборами єдиного керівника лише на час війни. Поява сталого юридичного інституту королівської влади відбулась лише під час переселення германців на терени Західної Римської імперії. Однак, в момент появи варварських королівств народна свобода не тільки співіснувала поряд з королівською владою, але і виступила головною організаційною силою германського державотворення. Вайц стверджує, що державність у германських племен існувала ще в часи Тацита. Вона опиралась на общини землеробів.

У процесі становлення Франкської держави, все більш відчутним ставав вплив римського приватного права. Вайц вважає його неконституційною силою, що обмежила інститут народної свободи і через формування у германців приватної власності сприяла забезпеченню появи соціальної нерівності. Саме римське право призвело до поступового соціального розгалуження, що децентралізувало єдину германську державу.

Вайц вважав феодалізм правовою системою, ознакою якої був ленний устрій. Система васальних відносин виникла під впливом неконституційних сил і роздавила народну свободу. Весь процес формування феодальних відносин у германському суспільстві Вайц характеризує як поступовий розпад общини під впливом принципів приватного права та її реорганізацію на ленній основі. Таким чином, германська державність була ослаблена інститутом приватної власності. Тривалий процес перерозподілу власності зумовив відсутність у німців єдиної, централізованої держави із конституційним устроєм.

Вплив римського права на германців Вайц оцінює негативно. Він його називає негерманською і неконституційною силою. Є. В. Гутнова пише: «Вайц підкреслює повільність, поступовість, суто еволюційний характер розвитку феодальних інститутів. Зокрема, бенефіціальну реформу К. Мартелла Вайц розглядає як результат довгого закономірного і внутрішньо обумовленого розвитку, що, незалежно від політики Каролінгів, підготувало проведення цієї реформи» [1, с. 82].

Так чи інакше, але Георг Вайц зробив великий внесок у сучасне розуміння правових процесів серед давніх германців. Область його досліджень — держава і державність. Він оцінював всі сфери суспільних відносин у германців виключно з юридичних позицій. Однак, такий суто юридичний аналіз аж ніяк не звузив його кругозір і зумовив вироблення Вайцом багатьох цінних методологічних вказівок для дослідників. Цікавою для нас залишається негативна оцінка вченим рецепції норм римського права. Такий погляд підготував ґрунт для подальшого розвитку багатьох традиціоналістично орієнтованих концепцій в історії права.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. / Е. В. Гутнова. — М.: Высшая школа, 1974. — 400 с.
2. Futer E. Geschichte der neueren Historiographie, Munchen und Berlin, 1911.
3. Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. 1-6, Ed. 1, Kiel, 1844-1878.
4. Waitz G. Das alte Recht der salischen Franken, Ed. 1, Kiel, 1846.

REFERENCES

1. Gutnova E. V. Istoriografiya istorii srednih vekov. / E. V. Gutnova. — M.: Vyisshaya shkola, 1974. — 400 s.
2. Futer E. Geschichte der neueren Historiographie, Munchen und Berlin, 1911.
3. Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. 1-6, Ed. 1, Kiel, 1844-1878.
4. Waitz G. Das alte Recht der salischen Franken, Ed. 1, Kiel, 1846.

ПРАЦІ ВИДАТНИХ ВЧЕНИХ
ТРУДЫ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ
WORKS OF OUTSTANDING SCIENTISTS

*К 88-летию выдающегося учёного, доктора исторических наук, профессора,
академика Национальной академии наук Республики Казахстан
М.-А. Х. Асылбекова (1929-2015)*

АКАДЕМИК М.-А. Х. АСЫЛБЕКОВ И ЕГО РАБОТЫ

Малик-Айдар Хантемирович Асылбеков родился 15 января 1929 года в Кызылкуме. Учителем в семилетней школе им. А. С. Пушкина Кызылкумского района Южно-Казахстанской области. В 1946-1948 годах был студентом Шымкентского учительского института им. Н. К. Крупской, а в 1954 году окончил исторический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. В дальнейшем совмещал научную и административно-образовательную деятельность. В 1958-1963 годах работал младшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. С 1963 года – ученый секретарь Отделения общественных наук АН советского Казахстана. 1968 год – назначен старшим научным сотрудником Института истории. Заведовал отделами: истории культуры Советского Казахстана (1980-1981), свода памятников истории и культуры КазССР (1981-1984), истории индустриального развития и рабочего класса Советского Казахстана (1984-1992), истории социально-экономических проблем Казахстана (1992-1994), исторической демографии и нового времени (1995-2001).

Доктор исторических наук (1974), профессор (1983), Заслуженный деятель науки Республики Казахстан (1998) главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН РК (2001), академик Национальной академии наук Республики Казахстан (2003) М.-А. Х. Асылбеков является основателем казахстанской исторической демографии. За свою жизнь Малик-Айдар Хантемирович успел подготовить свыше 50 кандидатов и 12 докторов исторических наук. Необходимо подчеркнуть, что академик Асылбеков является автором и соавтором около 500 научных, научно-популярных, научно-методических и учебно-дидактических работ. Большое значение имело участие Асылбекова в подготовке многотомных синтетических трудов по истории Казахстана.

Первые монографии Асылбекова – «Железнодорожники Казахстана в первой русской революции 1905-1907 гг.» (1965), «Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917-1970 гг.)» (1973), «Рост индустриальных кадров рабочего класса Казахстана (1946-1965 гг.)» (1976). В указанных работах

академик Асылбеков проходит стадию формирования своих научных интересов на грани истории экономики, исторической демографии и прикладной социологии. Социально-экономический историзм Асылбекова получит свое завершение в авторско-редакционной работе над двумя томами «Истории рабочего класса Советского Казахстана» (1987-1988).

В 1993 году Асылбеков работает над одним из первых постсоветских изложений казахстанской истории. Он подтверждает свою заинтересованность исторической демографией и обращается к проблематике изучения структуры населения Республики Казахстан. Публикуются его важнейшие работы: «Демографические процессы современного Казахстана» (1995, в соавт.), «Демографическое развитие республики Казахстана в условиях суверенитета» (2000, в соавт.), «Население Казахстана в конце XIX – начале XX вв.» (2000, в соавт.), «Б. Сулейменов – тарихшы галым» (2001, в соавт.), «История Туркестано-Сибирской магистрали (1926-1958 гг.)» (2002, в соавт.). Большое значение, на наш взгляд, имеет труд «Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый» (2003, в соавт.), в котором Асылбеков демонстрирует свои обширные познания не только в сфере социально-экономического развития Казахстана, но и в области политической истории.

Социально-экономическая история и проблемы исторической демографии – важные вспомогательные дисциплины для истории права. Они формируют тот исторический «фон», в условиях присутствия (и, конечно же, активного участия) которого создается правовая система определенной территории.

Предлагаемая статья поступила в нашу редакцию из Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН РК. Она написана академиком Асылбековым в соавторстве с доктором исторических наук, профессором А. И. Кудайбергеновой и докторантом Т. А. Апендиевым. Я надеюсь, что опубликованный ниже материал станет хорошим дополнением к содержанию выпуска.

М.-А. Х. Асылбеков умер 2 мая 2015 года. 15 января 2017 года ему бы исполнилось 88 лет. Публикация нижеприведенной статьи – это дань уважения памяти одного из фундаторов казахстанской исторической науки.

Главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории»

В. М. Мельник

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В 1926-1930 ГОДЫ

М-А. Х. АСЫЛБЕКОВ (Алма-Ата, Республика Казахстан)

А. И. КУДАЙБЕРГЕНОВА (Алма-Ата, Республика Казахстан)

Т. А. АПЕНДИЕВ (Алма-Ата, Республика Казахстан)²⁰

[Социальная статистика южных территорий Казахстана при советской власти]. Южный регион Казахстана объединяет четыре области: Алматинскую – образована в 1932 г., Жамбылскую (в 1939 г.), Кызылординскую (в 1938 г.) и Южно-Казахстанскую (в 1932 г.). Население юга Казахстана отличается по сравнению с другими регионами не только многочисленностью, преобладанием сельских жителей над городскими, но и значительным удельным весом казахов и наличием также определенного числа представителей ряда тюрко-мусульманских этнических групп, чем в других регионах Казахстана, при продолжавшейся в межпереписной период тенденции роста численности и удельного веса представителей восточнославянских и других европейских этнических групп: в регионе происходило также увеличение городского населения, повышение уровня грамотности и образования, формирование новой социальной структуры населения и другие изменения в социально-демографическом развитии, характерные и для других регионов в первые два десятилетия советского периода Казахстана. Разумеется, на демографическое развитие населения региона наложили свой отпечаток такие крупные социально-экономические и культурные преобразования Советской власти, как форсированная индустриализация, конфискация байских хозяйств в 1928 г., ликвидация кулачества как класса и переход казахского шаруа на оседлость через насильственную коллективизацию, а также борьба с неграмотностью и повышение уровня образования через развитие сети общеобразовательных школ и культурно-просветительных учреждений, среднего специального и высшего образования. Особо следует отметить пагубные

²⁰**Асылбеков Малик-Айдар Хантемирович** (15.01.1929-02.05.2015) – доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, профессор Алматинского государственного педагогического университета имени Абая, главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова НАН РК. Прославился как фундаментальный исследователь демографической и социальной истории Казахстана, работал также над проблемами этнической и государственной истории Казахстана.

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна – доктор исторических наук, доцент, заведующая Отделом проблем народонаселения и исторической персоналистики Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова НАН РК. Исследует процессы миграции в Казахстане, историческую демографию, этнодемографию.

Апендиев Тимур Акимханович – магистр гуманитарных наук, докторант, ведущий специалист Отдела проблем народонаселения и исторической персоналистики Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова. Занимается вопросами социальной демографии в историческом сравнении. E-mail: timur.apendiev@mail.ru.

последствия массового голода 1931-1933 гг., политических репрессий 1920-1930-х гг. и других негативных событий на численность и состав населения региона, в первую очередь казахов.

Джамбулская область расположена на юге Казахской ССР. Образована 14 октября 1939 года. Площадь 144,6 тыс. км². В Джамбулской области 10 административных районов, 4 города и 10 поселков городского типа. Центр – город Джамбул. Джамбулская область награждена орденом Ленина 8 августа 1967 года.

Хозяйство. В Джамбулской области сочетаются разнообразные отрасли промышленности с развитым полным земледелием и пастбищным животноводством.

На базе местных природных ресурсов и сельскохозяйственного сырья за годы Советской власти созданы химическая, легкая, пищевая промышленность, строительная индустрия, которые являются ведущими. Валовая продукция всей промышленности в 1970 г. превысила уровень 1940 года в 16 раз. В Каратау работает горнохимический комбинат по добыче и переработке фосфоритов, в Джамбуле – заводы суперфосфатный и двойного суперфосфата (последний вошёл в строй в 1968г.). Наиболее крупные предприятия легкой промышленности: заводы хромовый, резиновых изделий, кожанно-обувной комбинат, фабрики первичной обработки шерсти, швейные, галантерейная (в Джамбуле), сахарные заводы (в Чу, Ойтале), мясной, спирто-водочный комбинаты, винодельческий, рыбный, пивоваренные заводы (все в Джамбуле), молочные и сыромаслодельные заводы (в Джамбуле, Каратау, Чу и райцентрах). Производство кожаной обуви в 1970 году составило 5,8 млн. пар. Машиностроение и металлообработка представлены заводами запчастей, коммунального оборудования, агрегатно-ремонтным технологической металлоконструкций, ремонтно-механическими (в Джамбуле, Чу. Луговом), авторемонтным (в Гранитогорске). Имеются заводы кирпичные (в Джамбуле, Михайловке), гипсовый, мостовых и железобетонных изделий, крупнопанельного домостроения, комбинаты стройдеталей и конструкций (в Джамбуле), стройматериалов (в Джамбуле, Каратау), завод дорожной извести и заполнителей (в Георгиевке). В Джамбулской области промышленность базируется на природном газе, поступающем по газопроводу Бухара – Ташкент – Джамбул – Фрунзе – Алма-Ата, и отчасти на гидроэнергии рек. В 1970 году в области произведено 3262 млн. квт.ч. электроэнергии.

В области 82 совхоза и 56 колхозов (1971 г.). Из 8,5 млн. га сельскохозяйственных угодий пашня составляет 1 млн. га, сенокосы 0,2, пастбища 7,2. Ведущими отраслями сельского хозяйства являются животноводство и поливное, отчасти богарное земледелие. Для орошения полей проведены каналы, созданы водохранилища. Площадь орошаемых земель 226,8 тыс. га (1970 г.). А засевалось 904 тыс. га, из них зерновыми (в основном на богарных землях) занято 637,8 тыс. га (в т.ч. пшеницей 406,7 тыс. га), техническими культурами 39,6 тыс. га (в т.ч. под сахарной свёклой 38,4 тыс. га, или больше половины посевов Казахской ССР), овоще-бахчевыми и картофелем 16,4 тыс. га., кормовыми 210,2

тыс. га. Кроме пшеницы, сеют кукурузу, ячмень, просо. Развиты садоводство, виноградарство. Большая часть обрабатываемых земель сосредоточена в предгорьях Киргизского хребта и долине реки Чу и Талас. В Джамбулской области развито пастбищное животноводство, в основном тонкорунное и полутонкорунное овцеводство и каракулеводство. поголовье на 1 января 1971 г. (в тыс.) составляло: крупного рогатого скота 264,7; овец и коз 2879,7; свиней 113,3; лошадей 75,2; верблюдов 5,3.

Длина железных дорог 1153 км (1970 г.). По территории Джамбулской области проходит Казахская железная дорога с ответвлениями: Джамбул – Каратау – Жанатас, Луговая – Фрунзе, Чу – Моинты. Длина автомобильной дороги 6,3 тыс. км (из них с твёрдым покрытием 3,3 тыс. км). Главная автомагистраль – Ташкент – Фрунзе – Алма-Ата. Крупный узел воздушных сообщений, воздушных линий связывают его с Москвой, Алма-Атой и другими городами страны, а также с районами области.

Культурное строительство и здравоохранение. В 1914-15 учебном году на территории, занимаемой ныне Джамбулской областью, имелось всего 55 школ (3331 уч-ся), высших и средне-специальных учебных заведений не было. В 1970-71 уч. г. в 515 общеобразовательных школах всех видов обучалось 205,4 тыс. учащихся, в 18 профессионально-технических училищах – 7,8 тыс. учащихся, в 8 средне-специальных учебных заведениях – 8,3 тыс. учащихся, а в 3 вузах (гидромелиоративно-строит., технологич., пед. в г. Джамбуле) – 14,3 тыс. студентов. В 1970 году в 226 дошкольных учреждениях области воспитывалось свыше 26 тыс. детей. В Джамбулской области работали (на 1 января 1971 г.) 422 массовые библиотеки (3,2 млн. экземпляров книг и журналов), 442 клубных учреждений, областной краеведческий музей в городе Джамбуле, 2 драматических театра, областная филармония, 463 киноустановки, Дворец пионеров, станции юных техников и юных натуралистов, экскурсионно-туристические станции.

Выходят областные газеты «Еңбек туы» («Знамя труда», с 1939 года, на казахском языке) и «Знамя труда» (на русском – с 1939 года). Областное радио ведёт передачи на казахском и русском языке по 1 программе, ретранслируются радиопередачи и принимаются телевизионные передачи из Алма-Аты и Москвы.

На 1 января 1971 г. в Джамбулской области функционировало 8,9 тыс. больничных коек (11,1 койки на 1000 жителей); работали 1,3 тыс. врачей (1 врач на 605 жителей).

Чимкентская область (до 1962 года Южно-Казахстанская область, до 1964 года часть Южно-Казахстанского края). Образована 10 марта 1932 (в совр. границах с 1973 г.). Площадь – 116,3 тыс. км². В Чимкентской области 15 административных районов, 8 городов и 7 поселков городского типа. Центр – город Чимкент. Чимкентская область награждена орденом Ленина (12 августа 1967 г.).

Природа. Чимкентская область расположена в пределах восточной части Туранской низменности и зап. отрогов Тянь-Шаня. Большая часть территории – слабо всхолмленная равнина (выс. 200-300 м), с бугристо-грядовыми песками

Кызылкум (на юге-западе, по левобережью Сырдарьи) и *Муюнкум* (на севере, по левобережью Чу). На крайнем юге – Голодная степь, на севере-пустыня *Бетпак-Дала*. В центральной части области проходит горный хребет Каратау (город *Бессаз* – 2176 м), на Юге-Востоке – западной окраине Таласского Алатау, хребты Каржантау (высота до 2824 м.) и Угамский (высота до 4238 м).

Климат резко континентальный и засушливый, с продолжительным жарким и сухим летом и короткой теплой, почти бесснежной зимой, с частыми оттепелями и дождями, средняя температура июля на севере и юго-западе 26-29^oС, на юго-востоке 19-25^oС. Средняя температура января от -11^oС на севере, до -2^oС на юге. Количество осадков на севере – в Бетпак-Дале – около 100 мм в год, на равнинах юго-запада 100-400 мм. с сильными колебаниями по годам, на юго-востоке – в предгорьях – 400-800 мм., в высокогорьях до 1000 мм. и более. Вегетационный период – от 230 сут в горах до 320 сут на равнинах.

Крупнейшая река – Сырдарья пересекает территории области с юга на северо-запад, ее притоки: Келес, Куруккелес, Арысь и другие стекают с гор и широко используются для орошения.

Хозяйство. В экономике сочетаются отрасли промышленности по добыче полезных ископаемых и переработке сельскохозяйственного сырья с интенсивным, орошаемым земледелием и животноводством.

Энергетика базируется главным образом на природном газе (из Узбекской ССР), каменном угле (из Киргизской ССР), местном буром угле (Ленгер) и мазуте. Чимкентская область входит в энергосистему южного Казахстана и Средней Азии. Развита отрасль промышленности: горнодобывающая (полиметаллические рудники и обогатительные фабрики в поселке городского типа Ачисай и другие), цветная металлургия (свинцовый завод в Чимкенте), машиностроение (заводы: прессов-автоматов им. М. И. Калинина, карданных валов, автотракторных деталей, экскаваторный и другие), химические и фармацевтическая (заводы: химико-фармацевтических, кормовых антибиотиков, производственное объединение «Фосфор»), легкая (хл.-бум. комбинат, хлопкоочистит. и каракулевый завод, носочно-трикот. Объединение «Эластик», швейные, обувная и др. ф-ки), пищевых (мясокомбинаты, масложиркомбинат; заводы: маслодельные, молочно и плодоконсервные, винодельч. и др.).

Среди предприятий строительных материалов выделяются заводы: цементные (в Састобе), кирпичные, керамзитовый (в Сарыагаче), асбошиферный комбинат и др. Большинство промышленных предприятий расположено в Чимкенте; из других центров выделяются Туркестан, Кентау, Джетысай. Построены (1978 г.) нефтеперерабатывающие заводы в Чимкенте.

В 1976 году в области было 116 совхозов и 54 колхоза. В составе земельных угодий (11,4 млн. га) резко преобладают пастбища (около 9 млн. га): зимние – в пустынях на севере и юго-западе, летние – в высокогорьях, круглогодичные – в поймах рр. Сырдарья и Чу. На естеств. сенокосы приходится около 180 тыс. га: суходольные – в предгорьях, заливные – в пойме Сырдарьи. Пашня занимает 1148

тыс. га (1976), в т.ч. орошаемые земли – 332 тыс. га. В посевах (1104,5 тыс. га в 1976) 57% площади занято зерновыми культурами (633 тыс. га), главным образом озимой пшеницей и ячменём, а также рисом; на небольших площадях возделываются яровая пшеница, рис и кукуруза на зерно. Более 11% посевной площади (123,7 тыс. га) занято технич. культурами, главным образом хлопчатником и масличными культурами; около $\frac{1}{3}$ посевной площади – кормовыми (330,5 тыс. га), гл. обр. многолетними травами и кукурузой на силос и зелёный корм. Выращиваются картофель (2,6 тыс. га), овощи (7,9 тыс. га), бахчевые культуры (5,2 тыс. га); развито виноградарство (9,2 тыс. га) и садоводство (абрикос, персик, груша, яблоня и т.д.). Чимкентская область – важнейший в Казахской ССР район поливного земледелия, хлопководства, виноградарства и садоводства.

В животноводстве преобладает отгонно-пастбищное каракульское, тонкорунное и мясо-сальное овцеводство; развито также полустойловое мясо-молочное скотоводство. поголовье скота составляют овцы и козы (3668,0 тыс. в 1976); разводят также коров (320,6 тыс., в т.ч. 136,2 тыс. коров), свиней (140,7 тыс.), лошадей (67,8 тыс.), верблюдов (10,9 тыс.) ослов и домашнюю птицу.

Алматинская область расположена на юго-востоке Казахской ССР. Образована 10 марта 1932 года. Площадь составляет 104,7 тыс. км². В Алматинской области 10 административных районов, 4 города и 7 посёлков городского типа. Центр – столица Казахской ССР город Алма-Ата.

Природа. Область расположена между хребтами Северного Тянь-Шаня на юге, озеро Балхаш – на северо-западе и р. Или – на северо-востоке. На востоке граничит с КНР. Всю северную половину занимает слабонаклонённая к северу равнина, южное Семиречье или Прибалхашье (высота 300-500 м.), пересечённая сухими руслами – баканасами, с массивами грядовых и сыпучих песков (Сары-Ишикотрау, Таукум). Южная часть занята хребтами высотой до 5000 м: Кетмень, Залийский Алатау и на севере отрогами Кунгей-Алатау. С севера хребты окаймлены предгорьями («прилавками») и неширокими предгорными равнинами. Вся южная часть – район высокой сейсмичности.

Культурное строительство и здравоохранение. В 1968-69 уч.г. в Алматинской области работало 648 общеобразовательных школ (320,7 тыс. учащихся). В дошкольных учреждениях воспитывалось 62,4 тыс. детей. Имелось 21 среднее специальное учебное заведение (35,2 тыс. уч-ся) и 12 вузов (все в Алма-Ате), в которых обучались 66,1 тыс. студентов; 6 театров (все в Алма-Ате), 477 массовых библиотек (3627,9 тыс. книг и журналов), 408 клубных учреждений, 541 киноустановка, 4 музея (3 в Алма-Ате).

В столице области Алма-Ате, кроме республиканских, издаются областные газеты: «Жетысу» («Семиречье», на казахском языке, 1918 г.). Действует областное радио, ведущее программу на казахском и русском языке, а также ретрансляцию республиканских и центр. радиопередач.

На 1 января 1968 года в Алматинской области насчитывалось 6212 врачей (т.е. 1 врач на 227 жителей) и 16,6 тыс. больничных коек (т.е. 11,9 койки на 1000

жителей).

Алма-Атинский заповедник. Заповедник в Алма-Атинской области Казахской ССР расположен в центральной части хранилища Заилийской Алатау (первый отдел 71,7 тыс. га, 1967 года) и в среднем течении р. Или (второй отдел 18 тыс. га, 1967 года). Организован с целью охраны и изучения природных комплексов Северного Тянь-Шаня и сохранения уникальных «поющих песков». В горах до высоты 1600 м произрастают лиственные леса с дикой яблоней, абрикосом, осиной и рябиной. От 1600 м до 2800 м – хвойные леса из ели Шренка. Далее идут альпийские луга со стелющейся арчой, а выше 3500 м – голые скалы и ледники. Наиболее высокая точка – пик Талгар (4973 м) в пределах Талгарского массива, являющегося мощным центром оледенения. В составе фауны обычны: в долине р. Или – архар, джейран, кеклик, фазан; в горах – марал, косуля, бурый медведь, рысь, снежный барс, тетерев, бородастая куропатка, улар, синяя птица, арчовый дубонос.

Алма-Атинский зооветеринарный институт готовит зоотехников и ветеринаров. Первый специализированный вуз в Казахстане. Основан в 1929 году. В институте в 1969 году было 5 факультетов: зоотехнический, ветеринарный, заочного образования, повышения квалификации специалистов сельского хозяйства и факультет общественных профессий, а также аспирантура, 38 кафедр, н.-и. сектор. В библиотеке насчитывалось 185 тыс. томов книг. В 1969 году в институте обучалось свыше 5 тыс. студентов, работало свыше 300 преподавателей, в т.ч. 20 профессоров и докторов наук, 130 доцентов и кандидатов наук.

Институт имеет право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации по сельскому хозяйству, ветеринарным, биологическим наукам. Институт издаёт «Труды» (с 1934 года), учебную литературу.

Алма-Атинский медицинский институт готовит врачей и провизоров. Основан в 1931 году. В институте в 1969 году было: 4 факультета – лечебный, педиатрический, стоматологический и фармацевтический (с 1944 по 1964 годы функционировал санитарный факультет); 59 теоретических и клинических кафедр, центральная научно-исследовательская лаборатория, анатомический музей, стоматологическая поликлиника и др. В библиотеке насчитывалось свыше 400 тыс. томов книг и печатных изданий. На 1 января 1969г. в институте обучалось 5,4 тыс. студентов, 110 аспирантов и ординаторов, работало 570 преподавателей и научных работников, в т.ч. 33 профессора и доктора наук, 219 доцентов и кандидатов наук. Институт имеет право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации по медицине. Институт издаёт «Научные известия» (с 1935 года) и учебную литературу.

Кзыл-Ординский педагогический институт им. Н. В. Гоголя. В 1937 г. Совнарком Казахской ССР принял постановление о размещении Дальневосточного корейского педагогического института в городе Кзыл-Орде. В 1938 он переименован в Кзыл-Ординский педагогический институт. В 1986-87 уч.г. в институте работали факультеты: физико-математический, естествоведения, филологический, иностранных языков, музыкально-педагогический, педагогики и

методики начального обучения, всего 3218 студентов, на 27 кафедрах 271 преподаватель, из них 3 доктора наук, профессора, 80 кандидатов наук, доцентов. Форма обучения дневная, заочная. Основное направление научных исследований: вопросы усовершенствования учебно-воспитательной работы в школе; проблемы казахского эпоса; сравнительная морфология и сопоставительная грамматика тюркских языков; фонетич. система казахской народно-разговорной речи; вредители многолетних трав в Казахстане и меры борьбы с ними; научно-атеистическое воспитание учащихся и т.д.

Кзыл-Ординский совхоз-техникум открыт в 1930 как агроиндустриальный техникум, в том же году реорганизованный в сельхозтехникум, в 1959 году, после объединения с Казалинским зооветеринарным техникумом – Казалинский сельскохозяйственный техникум, с 1971 г. – Кзыл-Ординский сельскохозяйственный техникум.

Кзыл-Ординское казахское женское педагогическое училище им. М. Маметовой (1952 г.) открыто в 1932 году, в 1932-52 годы – Кзыл-Ординский казахский педагогический техникум. На базе этого техникума и переведенного в 1952 году в город Кзыл-Орду Алма-Атинского педагогического училища было организовано Кзыл-Ординское казахское женское педагогическое училище.

Кзыл-Ординское медицинское училище открыто в 1928 г. как Казахский краевой медицинский техникум, в 1935 году преобразовано в фельдшерскую школу, с 1936 – современное название.

Численность населения региона в межпереписной период (1926-1939 гг.) увеличилось всего на 216,4 тыс.чел., с 1977,4 тыс. до 2,193 тыс., т.е. лишь на 10,9% за 13 лет, но его удельный вес в составе населения Казахстана вырос с 31,5% до 35,6%, т.е. на 3,1%. Этот незначительный рост населения региона в основном происходил за счет Южно-Казахстанской области – на 135,5 тыс. (с 609,9 тыс. в 1926 г. до 745,5 тыс. в 1939 г.), т.е. на 22,2% и Алматинской – на 71,9 тыс. (с 726,7 тыс. в 1926 г. до 798,7 тыс. в 1939 г.), т.е. на 9,9%. В Кзылординской области рост составил всего 9,3 тыс. человек (с 318,0 тыс. до 328,0 тыс.), т.е. лишь на 2,9%, а в Жамбылской – произошло сокращение на 9,8 тыс. человек (с 322,5 тыс. до 321,6 тыс.), т.е. на 0,27% [1]. Все это свидетельствует не только о низком уровне естественного прироста местного населения региона, в первую очередь казахов. За эти 13 лет на целый регион приходилось по 16,6 тыс. в год (на четыре области), что свидетельствует и о страшных последствиях массового голода 1931-1933 гг., которые не могли восполнить усилившиеся в те годы миграционные потоки пришлого населения на Турксиб, Шымкентский свинцовый завод и другие индустриальные объекты юга, а также в столицу Казахстана – Алма-Ату. Количество ее жителей в эти годы выросло с 45,3 тыс. до 230,5 тыс. человек, т.е. более 5 раз, а его удельный вес в составе населения области вырос с 6,2% до 28,9%, региона – с 2,4% до 10,5%, республики – с 0,74% до 3,7% [2]. Это показывает, какую огромную роль играло городское население в увеличении численности и укреплении качественного состава региона.

Городское население региона за эти годы, благодаря развитию старых и строительству новых индустриальных объектов, а также превращению г. Алма-Аты из областного центра в столицу Казахской ССР, возникновению новых и росту старых городов, резко выросло. Бурный рост произошел в Алматинской области (в основном за счет г. Алма-Аты). В 1939 г. в Алматинской области насчитывалось 296,6 тыс. городского населения (в т.ч. в г. Алма-Аты – 230,5 тыс.) против 62,2 тыс. (в т.ч. в г. Алма-Аты 45,3 тыс.) в 1926 г. Т.е. за эти годы численность городского населения области выросла в 5 раз. В Южно-Казахстанской области численность городского населения выросла с 62,3 тыс. до 187,6 тыс., т.е. более чем в 3 раза. Несколько опережала ее Жамбылская область, где число горожан увеличилось более чем в 3,1 раза: с 30,3 тыс. до 94,5 тыс. В наиболее аграрной области региона – Кызылординской – численность городского населения также выросла более чем в 2,2 раза – с 42,3 тыс. до 94,8 тыс. человек. В первую очередь росло население городов-областных центров региона. Об Алма-Ате уже говорили (в 5 раз), в г. Шымкенте – центре Южно-Казахстанской области – население выросло в 3,5 раза (с 21,0 тыс до 74,4 тыс.), в г. Жамбыле – центре одноименной области – в 2,5 раза (с 24,7 тыс. до 63,7 тыс.), в г. Кызылорде – в 2 раза (22,6 тыс. до 46,7 тыс.). В городах Кызылординской области: в г. Аральске население выросло в 4,6 раза (с 3,5 тыс. до 16,3 тыс.) и Казалинске – в 1,7 раза (с 5,8 тыс. до 10,1 тыс.), в г. Жаркенте – Алматинской области не было особых изменений, население выросло всего на 1,5% (с 11,1 тыс. до 11,3 тыс.), а в г. Туркестане – Южно-Казахстанской области население почти наполовину сократилось (45,5%, с 21,7 тыс. до 11,8 тыс.) [3]. Городское население юга имело реальные возможности роста в дальнейшей перспективе в связи с предстоящим его промышленным развитием.

В составе городского населения юга в основном преобладали представители восточных славян, которые вместе с выходцами из европейских этнических групп составляли подавляющее большинство. Так, в 1939г. в городах Алматинской области русских было 68,4%, украинцев 7,03% и белорусов 0,61%, удельный вес которых составил более 76,0%, т.е. более двух трети всего населения области. Казахам насчитывалось всего 13,5%, уйгуров – 2,5%, татар – 2,43%, узбеков – 0,5%, дунган – 0,32%, т.е. все эти представители тюрко-мусульманских этнических групп вместе с казахами не достигали и 20,0%, т.е. одной пятой городского населения области [4].

Несколько слов о населении г. Алма-Аты – третьей столицы Казахской ССР после г. Оренбурга (до 1924 г.) и Кызылорды (до 1930 г.). К 1939 г. город имел четыре района: Кагановичский, Ленинский, Сталинский и Фрунзенский. В городе проживало 230,5 тыс. человек против 45,3 тыс. в 1926 г., т.е. увеличилось более чем 5 раз, из них в Кагановичском – в 1,9%, Ленинском - почти в 2 раза, Сталинском – в 2 с лишним раза, Фрунзенском – в 2 раза. В национальном составе жителей г. Алма-Аты представители восточных славян были в подавляющем большинстве – свыше 80%, в том числе: русские – 72,21%, украинцы – 7,23%, белорусы – 0,63%. В 1926 г. их было 65,8% (русских – 55,1%, украинцев – 10,7%).

Казахов насчитывалось лишь 11,1% против 6,6% в 1926 г. Кроме того, уйгуров было 1,38%, татар – 2,6%, дунган – 0,27%, и т.д. [5]. Преобладание пришлого населения, вособенности представителей восточных славян и других русскоязычных этнических групп при низком удельном весе казахов, а также представителей тюрко-мусульманских народностей в г. Алматы продолжалось и в дальнейшем, в годы Второй мировой войны и после нее, вплоть до конца 1980 – начала 1990 гг., т.е. до завоевания суверенитета Республикой Казахстан.

И в других областях региона наблюдалось такое соотношение с некоторыми колебаниями. В национальном составе городского населения Жамбылской области русских было 48,66%, украинцев – 13,87%, белорусов – 0,41%, вместе – 62,94%; казахов всего – 21,55%, узбеков – 6,76%, татар – 2,42%, уйгуров – 0,16%, дунган – 0,04% и т.д. [6]. По Южно-Казахстанской области русских среди горожан насчитывалось 41,72%, украинцев – 8,01%, белорусов – 0,40%, т.е. всего 50,13% или немногим более половины городского населения области. Казахы - всего 24,26%, узбеков – 14,72%, татар – 4,0%, азербайджанцев – 1,06%, туркмен – 0,12%, уйгуров – 0,09% и т.д. Т.е. количество представителей всех тюрко-мусульманских этнических групп вместе с казахами не достигало и 45,0% городского населения области [7].

В Кызылординской области в национальном составе городского населения к 1939г. установилось некое равновесие между казахами – 38,48% и русскими – 38,1%, а украинцев было 11,94%, белорусов – 0,35%, т.е. они уже составляли более половины городского населения, а вместе с русскоязычными из других этнических групп, как евреи (0,68%), мордовцы (0,6%) и др. – сравнительное большинство [8].

Сельское население региона в эти годы, как в связи с голодом 1931-1933 гг., уходом за пределы не только Казахстана, но и Советского Союза, низким естественным приростом, так и оттоком в города, на индустриальные объекты, резко сократилось – на 259,9 тыс. (с 1780,5 тыс. до 1520,7 тыс.), т.е. на 14,6% [9]. Значительное большинство сокращения (62,4%) приходилось на Алматинскую область, где сельчане уменьшились на – 24,5% (на 162,3 тыс. человек, с 664,4 тыс. до 502,8 тыс.). Значительные потери понесли Жамбылская – на 22,0% (с 292,2 тыс. до 227,2 тыс., на 64,5 тыс.) и Кызылординская – на 7,8% (с 276,3 тыс. до 233,4 тыс., на 42,9 тыс.). В отличие от этих трех областей региона сельское население Южно-Казахстанской области, хотя и незначительно, но выросло – на 10,3 тыс. чел. или до 1,9% [10]. Сельское население юга Казахстана в перспективе восстанавливало свои потери, в первую очередь за счет высокого естественного прироста тюрко-мусульманского населения, главным образом, казахов, узбеков, уйгуров и др., а также притока мигрантов из других регионов Казахстана и Советского Союза.

В национальном составе сельского населения региона традиционно, за исключением Алматинской области, преобладали казахи: в Жамбылской области – 58,86%, Кызылординской – 70,08%, Южно-Казахстанской – 54,48%, только в Алматинской области их было всего 39,2%. Тем не менее среди сельского населения региона, за исключением Кызылординской области, представителей

восточных славян было значительное количество. В Жамбылской области: русских – 22,73%, украинцев – 7,94%, белорусов – 0,41%, всего – 31,0%, т.е. около одной трети сельчан области. В Южно-Казахстанской: русских – 16,41%, украинцев – 7,62%, всего – 24,3%, т.е. одной четверти сельчан области. В Кызылординской области национальный состав сельского населения при значительном преобладании казахов не отличался от других областей региона особой полиэтничностью. Представителей восточных славян было мало; здесь в 1939 г. русских было всего 13,47%, украинцев – 2,69%, белорусов – 0,39%, всего – 16,55%, вновь прибывшие корейцы – 10,29% а вместе с ними так называемое русскоязычное население (немцы – 0,19%, поляки – 0,17%, мордовцы – 0,18% и др.) составляли в составе сельского населения всего 27,36%. В сельской местности Алматинской области проживало значительное число русских (39,71% – немногим больше казахов), немного украинцев – 6,94, немцев – 1,23, мало белорусов – 0,52%. В области жили также уйгуры – 5,21%, татары – 1,24%, узбеки – 0,3% и другие представители тюрко-мусульманских этнических групп [11].

Половозрастной состав населения юга Казахстана в межпереписной период характеризуется рядом негативных изменений. Наблюдавшийся в 1926 г. по Казахстану некоторый половой дисбаланс в пользу мужчин к 1939 г. несколько усилился [12]. Если в 1926 г. соотношение мужчин и женщин определялось как 51,2% против 48,8%, то к 1939 г. оно уже составляло 52,1% к 47,9%, т.е. разрыв увеличился еще на 0,9% и достиг 2,1% [13]. На юге Казахстана эта тенденция с некоторыми колебаниями, все же проявлялась, за исключением Алматинской области, где удельный вес мужчин с 51,6% в 1926 г. снизился до 50,3%, а удельный вес женщин поднялся с 48,4% до 49,7%, т.е. на 1,3% соответственно. В Жамбылской области, наоборот, удельный вес мужчин поднялся с 51,5% до 52,3%, а женщин сократился с 48,5% до 47,7%, т.е. соответственно на 0,8%. В Кызылординской области также произошел рост удельного веса мужчин на 1,3% (с 51,6% до 52,9%), соответственно произошло уменьшение доли женщин – с 48,4% до 47,1%. В Южно-Казахстанской области этот дисбаланс увеличился: удельный вес мужчин вырос с 52,2% до 54,1%, а у женщин – сократился с 47,8% до 45,9%, т.е. на 1,9%. Разумеется, такой разрыв в соотношении удельного веса мужчин и женщин отрицательно влиял на естественный прирост населения региона [14].

Возрастной состав населения Казахстана, в том числе и его южного региона характеризуется как последствиями массового голода 1931-1933 гг., так и влияниями миграционного потока пришедшей рабочей силы на индустриальные объекты, спецпереселенцев (раскулаченных) и другого контингента НКВД в тюрьмах, лагерях и колониях. В 1926 г. в Казахстане детей до 1 года было 3,5%, а в 1939 г. – 3,7%, что свидетельствует о росте рождаемости. В Алматинской области этот показатель составлял соответственно 2,9% и 3,7%, Жамбылской – 2,8% и 3,7%, Кызылординской – 2,8% и 3,4%, Южно-Казахстанской – 2,4%. Это показывает что на юге был более высокий уровень рождаемости детей до 1 года, чем в среднем по Казахстану. По Республике удельный вес детей в возрасте 1-7 лет по сравнению

с 1926 г. снизился с 19,6% до 14,4%, т.е. на 5,2%. На юге этот разрыв был более заметен: в Южно-Казахстанской области он достиг 8,8% (с 13,6% в 1939 г. против 22,4% в 1926 г.), Кызылординской – 6,4% (13,7% против 20,1%), Жамбылской – 8,4% (12,9% против 21,3%). Только в Алматинской области наблюдался близкий к среднему республиканскому показатель – 5,0% (14,2% против 19,2%). Это было связано, на наш взгляд, с сокращением рождаемости в голодные 1931-1933 гг. и после них вплоть до 1937 г.

Дети в возрасте 8-11 лет в Казахстане в 1939 г. составляли 8,4% против 7,8% в 1926 г., что говорит о росте рождаемости после голодных 1931-1933 гг., отмены карточной системы (1934), и других мер по повышению материального благосостояния народа, в особенности с середины 1930-х гг.. наблюдается рост удельного веса детей в возрасте 12-14 лет – с 7,3% до 7,5%, переживших голод 1931-1933 гг. Эта тенденция проявилась и на юге Казахстана: в Алматинской области удельный вес детей в возрасте 8-11 лет вырос с 7,3% в 1926г. до 8,1%, в возрасте 12-14 лет– с 6,7% до 7,4%; Жамбылской – соответственно – с 7,0% до 7,2% и с 6,3% до 7,5%; Кызылординской – с 6,5% до 6,8% и с 6,3% до 6,8% соответственно; Южно-Казахстанской – с 7,0% до 7,2% и с 6,6% до 7,3% соответственно. С возрастной группой 15-19 лет (родившиеся в 1920-1924 гг.) положение было иное. Это поколение родилось в конце гражданской войны, пережило голод 1921-1922 гг., разруху в экономике, на его долю достались тяготы насильственной коллективизации, раскулачивания, перехода казахских шаруа на оседлость, страшного голода в 1931-1932 гг. и др. В связи с сокращением рождаемости и роста смертности среди детей эта группа (1920-1924года рождения) потеряла к 1939 г. свою значительную часть: по Казахстану ее удельный вес упал с 11,4% до 8,3%, т.е. на 3,1%. Тем не менее иное наблюдалось на юге Казахстана: в Алматинской области ее удельный вес сократился всего на 0,8% (с 10,0% до 9,2%), Южно-Казахстанской – на 0,2% (с 9,6% до 9,4%), а в Кызылординской – вырос на 0,2% (с 8,5% до 8,7%), и в Жамбылской – на 1,0% (с 8,6% до 9,6%). Это, на наш взгляд, объясняется тем, что южные области Казахстана сравнительно меньше пострадали от трагических событий 1920-1930-х гг., тогда как во всех других регионах эта возрастная группа к 1939 г. потеряла от 1,1% (Карагандинская область) до 4,0% (Западно-Казахстанская). Как видно, эта возрастная группа понесла потери почти во всех областях Казахстана, за исключением Жамбылской и Кызылординской.

Следующая, наиболее работоспособная возрастная группа 20-49 лет по сравнению с 1926 г. значительно выросла, что связано, на наш взгляд, не только ее значительностью в составе местных жителей, но и огромным притоком пришлого населения на освоение богатейших месторождений угля, нефти, цветных металлов и др., железнодорожное и другое строительство, а также значительного числа спецпереселенцев и других групп населения из контингента НКВД. По Казахстану возрастная группа 20-49 лет выросла на 6,8% (с 39,3% до 46,5%). Такая тенденция наблюдалась во всех регионах, в том числе и на юге, где рост составил в

Алматинской области на 6,0% (с 41,0% до 47,0%), Жамбылской – 5,9% (с 42,2% до 48,1%), Кзылординской – 4,7% (с 42,9% до 47,6%) и Южно-Казахстанской – 3,0% (с 39,5% до 42,5%). Что касается возрастной группы 50 лет и старше, то население юга в целом оказалось более молодым, чем в среднем по Казахстану, где эта группа свой удельный вес снизила с 12,3% в 1926 г. до 11,0% в 1939 г. В Алматинской области эта группа имела 10,4% в 1939 г. против 12,9% в 1926 г., т.е. потеряла 2,5%, в Жамбылской области – 0,8% (11,0% против 11,8%), в Южно-Казахстанской – 0,2% (10,7% против 10,9%). Исключение составила Кзылординская область, где удельный вес этой старшей возрастной группы вырос на 0,1% (с 12,9% в 1926 г. до 13,0% в 1939 г.) [15].

В целом половозрастные изменения населения юга происходили под влиянием естественного прироста и миграционного притока из других республик Советского Союза и отражали соответствующую сложную обстановку в Казахстане, в области материального благосостояния, здравоохранения, и других факторов, влиявших на продолжительность жизни.

Грамотность и образование населения региона в межпереписной период развивались быстрыми темпами, чему способствовали и столичное положение г. Алматы в составе Алматинской области, где были сосредоточены не только значительное количество общеобразовательных школ, но и также ряд техникумов и училищ, в особенности высших учебных заведений. Так, например, в 1928 г. в Алма-Ате было открыто первое высшее учебное заведение Казахстана – Казахский педагогический институт им. Абая, что положило начало развитию высшего образования в Республике. В Алма-Ате в 1929 г. был открыт зооветеринарный, в 1930 г. – сельскохозяйственный, в 1931 г. – медицинский, в 1932 г. – горно-металлургический институты, в 1934 г. в Казахстане в г. Алма-Ате был открыт первый университет – Казахский Государственный университет имени С. Кирова – ныне – Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, в 1934 г. – институт журналистики, в 1938 г. – юридический институт. Это были для того времени крупные (общереспубликанского характера) высшие учебные заведения [16]. Развертывалась сеть средних специальных учебных заведений, число которых с 6 в 1927 г. достигло 51 в 1939 г., а число их учащихся выросло за эти годы с 1,1 тыс. до 10,9 тыс. В том числе более половины – 38 – средних специальных учебных заведений располагались в г. Алматы – 19 с 4,5 тыс. учащимися, а в Алматинской области – 7 с 1,5 тыс. учащимися. В Кзыл-Ординской области было 8 техникумов и других средних учебных заведений по подготовке специалистов среднего звена с более 1,5 тыс. учащимися, а в Жамбылской – 5 с 0,8 тыс. учащимися [17].

Наиболее высокими темпами развивались общеобразовательные школы: в Алматинской области – с 266 в 1927 г. до 709 в 1939 г., т.е. в 2,6 раза, численность их учащихся – с 18,7 тыс. до 109,6 тыс. т.е. более чем в 65,8 раза количество учителей – с 535 до 4,1 тыс., т.е. в 4,7 раза. В г. Алматы число школ выросло почти в 2,7 раза (с 27 до 60), учителей – почти в 7 раза (с 190 до 1327) а учащихся – в 7,8 раза (4,9 тыс. до 38,7 тыс.). В Южно-Казахстанской области сеть

общеобразовательных школ увеличилась почти в 3,5 раза (с 245 до 869), число учителей – в 8,2 раза (с 523 до 4293), а учащихся – в 7,5 раза (с 16,9 тыс. до 128,2 тыс.). В Жамбылской области число школ выросло в 2,6 раза (с 134 до 345), учителей – в 6,4 раза (с 305 до 1946), а учащихся – в 5,6 раза (с 10,1 тыс. до 56,8 тыс.). В Кызылординской области количество школ выросло в 2,2 раза (с 149 до 349), учителей – в 4,5 раза (407 до 1824), а учащихся – в 4,3 раза (с 12,4 тыс. до 53,4 тыс.) [18].

Такая широкая сеть общеобразовательных школ, а также развертывающаяся система средних специальных и высших учебных заведений обеспечила быстрый рост уровня грамотности и образования населения региона в межпереписной период (1926-1939 гг.). Так, население Алматинской области повысило уровень грамотности с 18,5% до 79,3%, Жамбылской – с 13,5% до 73,1%, Кызылординской – с 25% до 69,7%, Южно-Казахстанской – с 17,2% до 68,9%. Но несмотря на такой значительный рост, три области региона в целом отставали по уровню грамотности не только от ряда других областей Казахстана, но и от среднего показателя по республике (76,3%). Исключение составляла Алматинская область, население которой по уровню грамотности, опережая все другие 12 областей, занимала второе место после Карагандинской области (83,3%) [19]. Это было связано не только низкой по сравнению с другими областями стартовой позицией по уровню образования к 1926 г., но и слабой работой образовательных учреждений региона на местах.

Почти такое же положение с некоторыми колебаниями наблюдается и с показателями у населения региона по среднему и высшему образованию. Наиболее высокий уровень образования наблюдается в регионе по Алматинской области: со средним образованием – на 1000 населения приходилось лиц 80,9, с высшим – 6,7; это было не только выше среднего по Казахстану показателя (59,9 и 4,5 соответственно), но и занимало второе, после Карагандинской области (82,8 и 9,2), место среди 14 областей Республики. У остальных трех областей показатели по среднему образованию были ниже среднереспубликанского уровня (59,9): Жамбылская область с 51,0 лиц со средним образованием на 1 тыс. населения занимала 10 место (из 14 областей), Южно-Казахстанская – при 53,7 лиц – 9 место, а Кызыл-Ординская – при 59,2 лиц – 6 место. По высшему образованию Алматинская область с 6,7 лиц на 1 тыс. населения занимала второе, после Карагандинской (9,2), место, Южно-Казахстанская – с 4,7 лиц – 4 место (после указанных выше двух и Актюбинской областей), Кызылординская – с 3,9 лиц – 6 место, Жамбылская – тринадцатое, предпоследнее место, опередив только Павлодарскую (с 3,0 лиц на 1 тыс. населения) область [20].

Уровень грамотности и образования казахов, а также представителей пришлого населения был различным, что зависело не только от работы образовательных учреждений, но в первую очередь от начальной, стартовой позиции их по этим показателям. Это касалось в первую очередь казахов, уровень грамотности которых по Алматинской области достиг 68,4%, Жамбылской – 63,3%,

Кзылординской – 60,3%, Южно-Казахстанской – 58,3%. Отсюда видно, что еще оставалось значительное число неграмотных, как, например, в Южно-Казахстанской области 41,7%, Кзылординской – 39,7%, Жамбылской – 36,7%, а в столичной, Алматинской – 31,6%. К тому же казахи по уровню грамотности значительно отставали не только от представителей восточно-славянских, но и многих этнических групп, населявших регион. Так, например, у русских удельный вес грамотности составлял в Алматинской области 86,0%, украинцев – 84,2%, белорусов – 90,4%, немцев – 90,2%, татар – 84,4%, корейцев – 70,6%, уйгуров – 67,7%; в Жамбылской – у русских – 88,3%, украинцев – 84,8%, немцев – 91,2%, татар – 78,4%, корейцев – 71,7%; в Кзылординской – у русских – 88,0%, украинцев – 89,1%, татар – 80,4%, корейцев – 72,9%; в Южно-Казахстанской – у русских – 89,7%, украинцев – 87,2%, немцев – 87,6%, татар – 79,5%, корейцев – 74,7%, таджиков – 59,9% и т.д. Казахи по уровню грамотности опережали только узбеков (в Жамбылской области – 58,4%, Южно-Казахстанской – 53,5%), дунган (в Жамбылской – 37,6%) и азербайджанцев (в Жамбылской – 41,9%, Южно-Казахстанской – 46,7%) [21].

Почти такое же положение было у казахов по уровню среднего и высшего образования. В 1939 г. у казахов на 1 тыс. населения приходилось лиц со средним образованием в Алматинской области – 40,2, а с высшим образованием – 2,7; в Жамбылской: 13,6 и 0,5 соответственно; в Кзылординской – 15,1 и 0,6 соответственно; в Южно-Казахстанской: 13,2 и 0,5 соответственно. Для сравнения приведем данные по представителям других этнических групп населения региона: у русских в Алматинской области на 1 тыс. населения приходилось лиц со средним образованием 101,0, а с высшим – 8,0; Жамбылской: 99,0 и 5,8 соответственно; в Кзылординской: 142,0 и 9,5; Южно-Казахстанской: 130,5 и 11,5 соответственно; у украинцев: в Алматинской области – 112,0 и 10,1; Жамбылской: 79,4 и 5,0; Кзылординской: 178,2 и 14,0; Южно-Казахстанской: 93,1 и 7,1 соответственно. По уровню среднего и высшего образования казахи отставали не только от белорусов, немцев, но и от корейцев, уйгуров и татар региона [22]. Предстояла еще большая и длительная работа по преодолению отставания казахов не только в уровне грамотности, но и среднего и высшего образования.

Национальный состав населения региона. Казахи. В межпереписной период на юге, как и в целом по Казахстану усиливался процесс полиэтничности. Это резко снизило удельный вес коренного населения региона, где казахи традиционно преобладали над пришлым населением. За эти годы численность казахов в регионе сократилась на 488685 человек, т.е. на 34,3%. в основном из-за голода 1931-1933 гг. Кроме этого огромные притоки мигрантов, в первую очередь на строительство Турксиба, Шымкентского свинцового завода и других индустриальных объектов, спецпереселенцев (раскулаченных), различных групп контингента НКВД, а также корейцев из Дальнего Востока и представителей других депортированных этнических групп накануне Второй мировой войны, привели, после голода 1931-1933 гг., к превращению казахов в регионе, за исключением Кзылординской

области, в меньшинство на местах их постоянного жительства. Так, например, в Алматинской области их удельный вес сократился с 67,3% до 29,7%, хотя в г. Алма-Ате их численность выросла с 3,0 тыс. до 25,6 тыс., т.е. в 8,5 раза, они составляли всего 11,1% против 6,6% в 1926 г. В Жамбылской области удельный вес казахов сократился с 71,3% до 46,5%, т.е. на 24,8%, в Южно-Казахстанской – с 70,1% до 46,9%, т.е. на 23,2%. Только в Кызылординской области казахи еще составляли некоторое большинство, хотя их удельный вес упал с 87,3 % до 61,0%, т.е. на 27,3%. Все же юг оставался регионом Казахстана, где традиционно сосредоточивалось наибольшее количество казахов – в 1939 г. здесь жило 40,2% всех казахов Республики [23].

Русские. За эти годы численность русских в регионе увеличилась с 175453 человека до 737228 человека, т.е. в 4,2 раза, они составляли почти 30,0% всех русских в Казахстане, против 14,0% в 1926 г. При этом в Алматинской области они составили более половины – 50,4% – ее населения против 9,0% в 1926 г., в Жамбылской – 30,3% против 15,1 в 1926 г., в Южно-Казахстанской – 22,8% против 5,3%, Кызылординской – 20,6% против 9,1%. Из общей численности русских в Казахстане в 1939 г. на Алматинскую область приходилось 16,3% (в том числе в г. Алма-Ате они составляли в 1926 г. всего 9,0%, а в 1939 г. – 50,4% его населения), Южно-Казахстанскую – 6,9%, Жамбылскую – 4,0%, Кызыл-Ординскую – 2,7% [24].

Украинцы. В регионе их проживало 154,5 тыс. человек, которые составляли 23,5% из их общей численности в Казахстане – в 1926 г. их было всего в регионе 139649 человек – 17,0%. Следует отметить, что в межпереписной период численность украинцев в Казахстане, как и казахов и уйгуров, резко сократилась, видимо, также из-за голода и ухода в другие регионы Республики СССР, с 819476 человек до 658162 человек, т.е. на 161314 человека или на 19,7%. На юге, только в Алматинской области наблюдалась эта тенденция: здесь их удельный вес упал на 5,0% (с 12,0% до 7,0%), а численность – с 87282 человека до 55658 человека, т.е. на 31624 человека или на 36,2%. В противовес этому удельный вес украинцев Жамбылской области вырос с 2,1% до 9,7%, а их численность – с 6648 человека до 31124 человека, в Кызылординской и Южно-Казахстанской областях – с 0,9% до 3,1% и с 5,8 % до 7,7%, а численность с 35470 до 57515, с 2747 до 10279 человек соответственно [25].

Узбеки. Традиционно они проживали на юге Казахстана. В 1939 г. из их общей численности в Казахстане – 120655 человек – на юге проживало 94,6%, в том числе в Южно-Казахстанской – 83,5 %, Жамбылской – 7,4%, Алма-Атинской – 2,5% и Кызылординской – 1,2%. По сравнению с 1926 г. их численность в Казахстане уменьшилась с 129401 до 120647 человека, т.е. на 8754 человек или на 6,7%, а их удельный вес остался почти на прежнем уровне (2,1%). В Южно-Казахстанской области было 100764 человека против 96755 в 1926 г., хотя их удельный вес снизился с 15,9% в 1926 г. до 13,5 в 1939 г. В Жамбылской области их численность резко сократилась с 25537 до 8917 человека т.е. в 2,8 раза, а их удельный вес упал с 7,9% до 2,8%. В Алматинской области было 3020 человека, против 3556 человек в

1926 г., а их удельный вес незначительно сократился с 0,5% до 0,4%. В Кызылординской области узбеков было незначительное количество – в 1939 г. они составляли всего 1441 чел. – 0,4% населения области.

Уйгуры. Их численность в Казахстане сократилась с 63432 человек до 35403, т.е. почти на 44,2%, а удельный вес – с 1,1% до 0,6%. Они также традиционно проживали на юге Казахстана, свыше 99,4% главным образом в Алматинской области: в 1926 г. 63061 человек, а в 1939 г. 33718, удельный вес в составе населения в области сократился с 8,7% до 4,2%.

Дунгане. Их в 1939 г. было всего 7315 человек – 0,12% населения Казахстана, они жили также в основном на юге: в Жамбылской области их численность достигала 5613 человек, где они составляли 1,7% населения – против 4426 чел. и 1,4% в 1926 г.

Татары. Из 108127 человек по Казахстану (1,7% населения) на юге проживало более их трети – 33,5% – 36240 человек. По сравнению с 1926 г. (18020 человек) их численность увеличилась более чем в 2 раза: в Алматинской области – с 9828 до 13416 человек, а их удельный вес в составе населения области – с 1,4% до 1,7%; около 6 тыс. их проживало в г. Алматы (против 2321 человек в 1926 г.), где они составляли 2,6% населения города (против 5,1% в 1926 г.). В Жамбылской области их численность увеличилась с 1522 человек до 4670 человек, удельный вес – с 0,5% до 1,5%, в Южно-Казахстанской – с 3196 человек до 13578, а удельный вес – с 0,5 до 1,8 %; в Кызылординской – с 3774 человек до 4648, а удельный вес – с 1,1% до 1,4%.

Корейцы. Из 96606 человек (1,6% населения Казахстана) на юге проживало 64913 человек, т.е. 67,3% всех корейцев республики, в том числе в Кызылординской области – 35304 чел., которые составляли 10,8% ее населения; в Алматинской – 19483 чел. (2,4%); в Южно-Казахстанской – 6061 человека (0,8%).

Немцы. Их численность в Казахстане в 1926-1939 гг. выросла с 49,7 тыс. до 92,5 тыс., а удельный вес с 0,8% до 1,5%. В 1939 г. на юге проживало более 16,3 тыс. немцев, которые составляли 17,7% всех немцев в Казахстане, а их удельный вес в составе населения региона – 0,74%. Здесь немцев было больше в Алматинской области – свыше 7,0 тыс., в Южно-Казахстанской свыше 6,0 тыс., а их удельный вес: 0,9% и 0,8% соответственно. В 1926 г. их в Алматинской области было всего 487 человек (0,1% населения области), они составляли в Южно-Казахстанской – 0,6% населения области – более 3,8 тыс. человек. В Кызылординской области немцев в 1939 г. было всего 588 чел.

Поляки. Их в регионе было 6659 чел., которые составляли 11,8% всех поляков в Казахстане, более половины поляков на юге приходилось на Алматинскую область (58,8% – 3680 человека), в Южно-Казахстанской – их было 1670 чел. (25,8%), а в Жамбылской и Кызылординской областях – соответственно – 564 и 565 чел.

Белорусы. На юге их в 1939 г. был 10,4 тыс. чел., т.е. почти 33,0% всех белорусов в Казахстане (31,6 тыс.чел.). Большинство их жило в Алматинской (4424 чел. – 0,5% населения области) и Южно-Казахстанской (3284 чел. и 0,44%)

областях. Немного было их в Жамбылской (1499 – 0.47%) и Кызылординской (1253 – 0.38%) областях.

Мордовцы. Из 25,3 тыс. в Казахстане 8,7 тыс. проживало на юге, т.е. более 34,3%. Большинство их приходилось на Южно-Казахстанскую (3493 человека) и Алматинскую (3402 человека – 0,43) области.

Евреи. Из 19240 человек евреев в Казахстане в 1939 г. на юге проживало 7938 человека, т.е. 41,2%. Большинство их приходилось на Южно-Казахстанскую (3048 человека) и Алматинскую (2998 человека), где они составляли соответственно 0,4% и 0,37% населения [26].

Таковы основные показатели изменений в численности и удельном весе казахов, а также русских, украинцев, представителей других этнических групп населения Казахстана в межпереписной период (1926-1939 гг.), краткий анализ которых позволяет сделать следующие выводы.

1. К этому времени демографическое развитие населения региона привело к значительному сокращению численности и удельного веса казахов до 42,7% с одной стороны, увеличению соответственно представителей других этнических групп, в особенности русских (33,6%), которые вместе с украинцами (17,0%) и белорусами (0,47%), а также другими представителями русскоязычных этнических групп составляли около половины населения региона, с другой.

2. Дальнейшее социально-демографическое развитие населения юга Казахстана стало проходить под сильным влиянием пришлого, в основном представителей русской и других русскоязычных этнических групп, населявших этот регион.

3. Традиционно преобладавшие в составе населения юга казахи постепенно лишались возможностей на эндогенной основе определять основные показатели этнодемографического развития населения региона.

4. Все это привело к тому, что казахов все еще было мало среди городского населения, в составе рабочих индустриальных отраслей труда, (сужались функции казахского языка, и т.д.).

5. В эти годы усиленно начался процесс русификации населения региона, в том числе и казахов, из которых 1608 чел. считали своим родным языком русский, в том числе: в Алматинской области – 1011 чел., Южно-Казахстанской – 270, Жамбылской – 177, Кызылординской – 177 чел. Этот процесс русификации в особенности широко охватил на юге украинцев, из 154589 чел. которых более 56,8% тыс. считали своим родным русский язык – это составляло 36,8% украинцев региона. Наибольшее число таких украинцев было в Алматинской области – 23840 человек или 42,8% и в Южно-Казахстанской – 18400 человек и 32,0% соответственно. В Жамбылской – 11211 чел. и 36,0%, Кызылординской – 3420 и 33,3% соответственно. Из 10430 человек белорусов региона 4393 человека, т.е. более 43,0% считали родным русский язык. Процесс русификации охватил не только мордовцев, поляков, немцев и других представителей европейских этнических групп, но и татаров, уйгуров, дунган и других из тюрко-мусульманских народностей. Особо высоким был удельный вес, признавших своим родным

языком русский среди евреев: из 2998 человека евреев Алматинской области 2094 человека, т.е. 69,8% считали своим родным языком русский. Таких в Кызылординской – было 53,0%, Южно-Казахстанской – 43,9 % [27]. Процесс русификации населения юга Казахстана, как и в целом Республики, получил сильное развитие в годы Второй мировой войны и после нее, вплоть до начала 1990-х гг.

Социальная структура населения региона. Огромные социально-экономические преобразования Советской власти в Казахстане в межпереписной период, в особенности конфискация байских хозяйств, ликвидация кулачества как класса при сплошной и насильственной коллективизации сельского хозяйства и переход казахского шаруа на оседлость, а также форсированная индустриализация на базе социалистической собственности при уничтожении частных собственников (мелкой и крупной буржуазии и т.д.), создали экономическую основу для формирования в Казахстане, как и по СССР, новой, однообразной, социальной структуры населения, состоявшей из рабочих, колхозников и служащих. В Южном Казахстане к 1939 г. была уже создана новая социальная структура, но только с различным удельным весом классов и прослойки интеллигенции, что зависело от конкретного развития различных отраслей экономики в регионе. В связи с преобладанием на юге республики сельского хозяйства и наличием здесь столицы Казахстана (включая огромный республиканский, областной и столичный аппараты управления), сложилась социальная структура: удельный вес рабочих в Алматинской области достигал 35,8%, Жамбылской – 35,4%, Кызылординской – 29,09%, Южно-Казахстанской 29,08%. В этом отношении Алматинская область, хотя и превосходила средне-республиканский уровень 34,38%, но занимала четвертое место, после Карагандинской (48,7%), Семипалатинской (39,52%) и Восточно-Казахстанской (39,50%) областей. Жамбылская область занимала уже пятое, после этих областей, место, а Кызылординская – предпоследнее (тринадцатое) и Южно-Казахстанская – последнее (четырнадцатое).

Служащих в Алматинской области было 22,24%, Кызылординской – 16,2%, Жамбылской – 15,49%, Южно-Казахстанской – 14,18%. По этому показателю Алматинская область не только превышала средне- республиканский (17,65%) уровень, но занимала первое место среди всех областей Казахстана, а Жамбылская область – одиннадцатое место, Кызылординская – десятое, Южно-Казахстанская – четырнадцатое места. По колхозникам Южно-Казахстанская область занимала первое место – 54,3 %, Жамбылская – седьмое, Кызылординская – девятое, Алматинская – одиннадцатое места.

Кроме этого, по переписи 1939 г. были зафиксированы кооперированные и некооперированные кустари, крестьяне-единоличники и нетрудящиеся. Численность кооперированных кустарей была в регионе значительной, а их удельный вес в основном выше общесреднего показателя по Казахстану, а у остальных – незначительный. Так, например, кооперированных кустарей в Кызылординской области было среди занятого населения 8,27%, Алматинской –

2,73%, Южно-Казахстанской – 1,23%, и Жамбылской – 1,17%, а по Казахстану этот показатель составлял всего 3,01%. Некооперированных кустарей в Казахстане было 0,63% занятого населения, а в Алматинской области – 0,45%, Жамбылской – 0,65%, Кызылординской – 0,61%, Южно-Казахстанской – 0,61%. Крестьян-единоличников по Казахстану насчитывалось 0,63%, в Алматинской области – 0,58%, Жамбылской – 1,09%, Кызылординской – 0,96% и Южно-Казахстанской – 0,65% [28].

К этому времени уже сложилось традиционное распределение основных классов, социальных слоев и прослоек по различным отраслям экономики: рабочие, разумеется, преобладали в индустриальных отраслях труда, колхозники-крестьяне – в сельском хозяйстве, а служащие – в основном в государственных учреждениях и некоторых отраслях сферы обслуживания населения. Так, по переписи населения 1939 г. рабочих в промышленности по Алматинской области было 65,1%, Жамбылской – 71,1%, Кызылординской – 45,5%, Южно-Казахстанской – 72,2%; в строительстве – по Алматинской – 81,4%, Жамбылской – 80,3%, Кызылординской – 74,6%, Южно-Казахстанской – 87,1%; на транспорте – в Алматинской – 64,4%, Жамбылской – 79,2%, Кызылординской – 77,9%, Южно-Казахстанской – 67,5%. В некоторых отраслях сферы обслуживания населения рабочие имели значительный удельный вес, достигая иногда более половины и даже больше среди занятых здесь. Так, например, в жилищном и коммунальном хозяйстве рабочие составляли в Алматинской области 61,8%, Жамбылской – 58,0%, Кызылординской – 53,9%, Южно-Казахстанской – 61,2%. В торговле и общественном питании: в Алматинской – 50,5%, Жамбылской – 52,4%, Кызылординской – 48,9%, Южно-Казахстанской – 50,6%; в здравоохранении в Алматинской – 53,5%, Жамбылской – 51,1%, Кызылординской – 55,7%, Южно-Казахстанской – 50,7%.

Колхозники-крестьяне, разумеется, представляли подавляющее большинство в сельском хозяйстве: в Алматинской – 81,4%, Жамбылской – 83,0%, Кызылординской – 92,9%, Южно-Казахстанской – 85,7%.

Служащие, как и рабочие, имелись во всех отраслях экономики, но они преобладали в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях: в Алматинской области их удельный вес достигал 77,4%, Жамбылской – 77,8%, Кызылординской – 75,8%, Южно-Казахстанской – 80,1%. И в просвещении, науке, искусстве и печати они также преобладали: в Алматинской – 65,6%, Жамбылской – 69,7%, Кызылординской – 69,9%, Южно-Казахстанской – 71,6%. Их было немногим менее половины занятых в торговле и в общественном питании: в Алматинской – 47,4%, Жамбылской – 45,7%, Кызылординской – 48,1%, Южно-Казахстанской – 48,3%. Почти такое же положение наблюдается у служащих, занятых в здравоохранении: в Алматинской области – 46,3%, Жамбылской – 48,6%, Кызылординской – 44,0%, Южно-Казахстанской – 44,0% [29].

Из краткого анализа социально-демографического развития юга Казахстана в межпереписной период (1926-1939 гг.) можно, на наш взгляд, сделать следующее

ВЫВОДЫ:

1. Численность населения региона, несмотря на все трагические события этих лет, в особенности голода 1931-1933 гг., хотя и незначительно, но выросла на 10,8%, в то время как в целом вместе с Карагандинской (рост на 41,8%), Восточно-Казахстанской (18,8%), Гурьевской (5,6%) и Северо-Казахстанской областями (12,2%) восполняли, как могли, потери населения Республики. В отличие от юга и указанных областей сокращение численности населения других регионов было значительным: в Павлодарской области – 32,1%, Костанайской – 23,1%, Акмолинской – 14,4%, Западно-Казахстанской – 11,2%, Семипалатинской – 9,8%.

2. На юге значительно вырос удельный вес и увеличилась численность городского населения, в особенности благодаря столице Казахстана – г. Алма-Ате и областным центрам: Шымкенту, Жамбылу и Кызылорду, хотя по этому показателю, будучи в основном аграрным регионом, юг, разумеется, значительно отставал от преимущественно индустриальных областей, как Карагандинская, где удельный вес городских жителей превышал более половины ее населения (56,2%).

3. Повысился уровень грамотности и образования населения юга, хотя по этому показателю его области, за исключением столичной – Алматинской, значительно отставали от населения Центрального, Северного и других регионов Казахстана.

4. На юге сформировалась новая социальная структура населения, где, в отличие от других регионов Казахстана, удельный вес рабочих и служащих, не был высоким, а колхозников – значительным.

5. Юг Казахстана, как и прежде, отличался крупным сосредоточением коренного населения, где в 1939 г. проживало более 40,2% из всех казахов Республики. Кроме того, здесь, в отличие от других регионов, проживало значительное число представителей тюрко-мусульманских этнических групп (узбеков, уйгуров, татар и др.), в основном казахоязычных, что способствовало в определенных условиях сохранению функций казахского языка.

6. Тем не менее усиление процесса полиэтничности, преобладание и на юге русских и украинцев (53,4%) вместе с так называемыми представителями русскоязычных этнических групп и т.д., привели казахов к их низкому удельному весу среди городских жителей, в индустриальных отраслях труда и т.д., усилению процесса усиления русификации не только некоторой части казахов, но и значительного числа украинцев, белорусов и др., которые считали своим родным языком русский. Но процесс русификации населения юга, по сравнению с другими регионами, проходил здесь несколько слабее, хотя он усилился в годы Второй мировой войны, после нее и продолжался до начала 1990-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. I том. – Алматы: Издательство «Арыс», 2009 г., – С. 57-62.
2. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. I том. – Алматы: Издательство «Арыс», 2009 г., – С. 65-66.
3. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 1
4. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6

5. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 391, лл. 1, 5
6. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 394, л. 6
7. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 402, л. 6
8. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 397, л. 6
9. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 1
10. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 1
11. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 397, л. 6; д. 402, л. 6.
12. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. – Алматы: Издательство «Арыс», 2009 г., – С. 282-291.
13. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 1
14. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 1; д. 394, л. 1; д. 397, л. 1, д. 402, л. 1
15. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. –Алматы: Издательство «Арыс», 2009 г., – С. 287-291.
16. Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. – Алма-ата, 1940 г., – С. 210
17. Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. – Алма-ата, 1940 г., – С. 211
18. Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. – Алма-ата, 1940 г., – С. 176-177, 186-187, 196-197
19. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 8
20. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 264, л. 7-8
21. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, лл. 10-11; д. 394, лл. 11-12; д. 397, л. 9, д. 402, лл. 10-11
22. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, лл. 12-15; д. 394, лл. 13-16; д. 397, лл. 10-12, д. 402, лл. 12-16
23. Население Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1939 года. –Алматы: Издательство «Арыс», 2009 г., – С. 340-357.
24. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6
25. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6
26. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6
27. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6 д. 264, лл. 22-23, д. 390, лл. 8-9, д. 399, лл. 8-9. Д. 397, лл. 8-9. д. 402. лл. 8-9
28. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6 д. 431, л. 3, д. 562, лл. 3-4, д. 566, лл. 3-4, лл. 3-4, д. 574, лл. 3-4
29. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 336, д. 390, л. 6; д. 391, л. 6; д. 394, л. 6, д. 397, л. 6; д. 402, л. 6 д. 431, л. 3, д. 562, лл. 3-4, д. 566, лл. 3-4, лл. 3-4, д. 574, лл. 3-4

REFERENCES

1. Population of Kazakhstan according to the 1939 AllUnion census. - Vol.1. - Almaty «Aris», 2009. - P.57-62. (in Russ.).
2. Population of Kazakhstan according to the 1939 AllUnion census. - Vol.1. - Almaty «Aris», 2009. - P.65-66. (in Russ.).
3. RSEA, f.1562, L.336, d.264, sh.1 (in Russ.).
4. RSEA, f.1562, L.336, d.390, sh.6 (in Russ.).
5. RSEA, f.1562, L.336, d.391, sh.1,5 (in Russ.).
6. RSEA, f.1562, L.336, d.394, sh.6 (in Russ.).
7. RSEA, f.1562, L.336, d.402, sh.6 (in Russ.).

8. RSEA, f.1562, L.336, d.397, sh.6 (in Russ.).
9. RSEA, f.1562, L.336, d.264, sh.1 (in Russ.).
10. RSEA, f.1562, L.336, d.264, sh.1 (in Russ.).
11. RSEA, f.1562, L.336, d.390, sh.6; d.397, sh.6; d. 402, sh.6. (in Russ.).
12. Population of Kazakhstan according to the 1939 AllUnion census. - Vol.1. - Almaty «Aris», 2009. - P.282-291. (in Russ.).
13. RSEA, f.1562, L.336, d.264, sh.1 (in Russ.).
14. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 1; d. 394, sh. 1; d. 397, sh. 1, d. 402, sh. 1(in Russ.).
15. Population of Kazakhstan according to the 1939 AllUnion census. - Vol.1. - Almaty «Aris», 2009. - P.287-291. (in Russ.).
16. Socialist construction of the Kazakh SSR for 20 years. - Almaty, 1940. - P.210. (in Russ.).
17. Socialist construction of the Kazakh SSR for 20 years. - Almaty, 1940. - P.211. (in Russ.).
18. Socialist construction of the Kazakh SSR for 20 years. - Almaty, 1940. - P. 176-177, 186-187, 196-197. (in Russ.).
19. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 264, sh. 8 (in Russ.).
20. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 264, sh. 7-8 (in Russ.).
21. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 10-11; d. 394, sh. 11-12; d. 397, sh. 9, d. 402, sh. 10-11. (in Russ.).
22. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 12-15; d. 394, sh. 13-16; d. 397, sh. 10-12, d. 402, sh. 12-16. (in Russ.).
23. Population of Kazakhstan according to the 1939 AllUnion census. - Vol.1. - Almaty «Aris», 2009. - P.340-357. (in Russ.).
24. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6. (in Russ.).
25. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6. (in Russ.).
26. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6. (in Russ.).
27. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6, d. 264, sh. 22-23, d. 390, sh. 8-9, d. 399, sh. 8-9. d. 397, sh. 8-9. d. 402 sh. 8-9. (in Russ.).
28. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6 d. 431, sh. 3, d. 562, sh. 3-4, d. 566, sh. 3-4, sh. 3-4, d. 574, sh. 3-4. (in Russ.).
29. RSEA. F. 1562, L. 336, d. 390, sh. 6; d. 391, sh. 6; d. 394, sh. 6, d. 397, sh. 6; d. 402, sh. 6 d. 431, sh. 3, d. 562, sh. 3-4, d. 566, sh. 3-4, sh. 3-4, d. 574, sh. 3-4. (in Russ.).

РЕЦЕНЗІЇ
РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

В. М. Мельник (Киев, Украина)²¹. Рецензия на репринтное издание работы И. Н. Смирнова «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне». – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 136 с. ISBN 978-5-397-05050-0.

Публикация репринтного издания книги известного российского историка – профессора Казанского университета Ивана Николаевича Смирнова (1856-1904) представляет особую ценность для дальнейших исследований в области средневековой юридической истории южных славян. Предложенная вниманию читателя работа была напечатана еще в 1879 году. Иван Смирнов представил ее в качестве дипломной (выпускной) работы за курс историко-филологического факультета Казанского университета.

К труду над книгой будущий профессор Смирнов относился очень серьезно и аккуратно. Библиографическая и критико-историографическая работа была проведена колоссальная. Об этом свидетельствует обилие постраничных ссылок на источники, а также очень интересный критический разбор хроник и актуальной литературы.

Исследование состоит из предисловия и пяти разделов. В предисловии автор отмечает, что изучением проблемы средневекового Хорватского государства он занялся «по независящим от него обстоятельствам» (с. 1). Это означает, что тематика была предложена ему университетом. Однако, дальнейшее изложение материала свидетельствует о полнейшей увлеченности Ивана Николаевича Смирнова «югославянской» историей вообще и хорватской историей в частности.

Первый раздел освещает проблему расселения славян на территории восточноримских провинций Далмация и Иллирик. Смирнов оказывается реалистом и не поддерживает слишком ранней локализации славянского элемента на Балканах. Вместе с этим, показательным является тот факт, что автор считает Юстиниана Великого (527-565) славянином. Отдельное внимание он уделяет югославянским религиозным воззрениям и мифологии, ссылаясь при этом на известный труд Костомарова.

Второй раздел излагает политическую и отчасти дипломатическую историю Хорватии между 800 и 993 годами. Смирнов составляет свою собственную хронологию хорватского политико-исторического процесса, которая, на наш взгляд, и сегодня представляет большой интерес.

Третий раздел посвящен хорватской политической истории от эпохи Држислава-

²¹ **Мельник Виктор Мирославович** – главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории». E-mail: melnyk_science@mail.ru.

Святослава (993-1018) до завоювання Хорватії мадярами в 1091-1102 роках.

Четвертий розділ носить назву «Характеристика внутрішнього життя хорватів з IX по XI століття». Він складається з параграфів: «життя сімейне», «життя суспільне», «державне устроювання», «положення монастирів». Саме цей розділ представляє неабиякий інтерес для істориків права. Смирнов тут не тільки аналізує традиційний питання про «общину-жупу» і югославянському судопроизводстві, але й затрагує проблеми співвідношення релігії і права.

П'ятий розділ, як уже було сказано, освітає бібліографічний базис творіння і називається «Обзор источников и пособий».

Ми впевнені, що уважливе читання цієї книги надасть велике інтелектуальне задоволення кожному людині. На наше дивидення, монографія написана настільки добре, що її можна використовувати і сьогодні як початковий посібник по ранньосередньовічній історії Хорватії. Монографічний метод викладу і постійні критико-бібліографічні зауваження не позбавляють роботу Смирнова тієї ступені дидактичних побудов, які необхідні для вивчення фактів, імен і подій.

В. М. Мельник (Київ, Україна)²². ГОЛОВНА КНИГА 2016 РОКУ З ІСТОРІЇ УКРАЇНИ (Відгук на збірник праць Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с.). ISBN 978-966-441-402-6

Перевидання Інститутом української археології і джерелознавства НАН величезного інтелектуального «компендіуму» видатного нашого історика Ярослава Дашкевича (1926-2010) під назвою «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури» (Львів, 2016, 924 с.) може слугувати невичерпним джерелом духовного та душевного задоволення навіть для найзатятішого інтелектуала. Публікація цього збірника праць стала надзвичайно важливою подією. Книга складається з 114 статей Я. Р. Дашкевича, що присвячені біографії, творчості, політичній або науковій діяльності 78 «знакових постатей минулого України – від доби середньовіччя до наших днів». Третє видання було доповнено 23 новими статтями (17 з них публікуються вперше). Книгу упорядкували: М. Капраль, Г. Сварник, І. Скочиляс, А. Фелонюк. Допомогу в роботі над збірником надала архівіст Меморіальної бібліотеки-архіву Я. Дашкевича Х. Процюк.

Ми не можемо і не потребуємо «рецензування» для праць Ярослава Дашкевича. Вони промовляють самі за себе. Читання цієї книги від початку і до кінця – суцільне задоволення. Читач поринає у світ нових фактів, нових інтерпретацій, філософських роздумів та історіографічних баталій. Читач знайомиться з історією України XX століття через велику кількість особистих спогадів автора.

Ось тільки невеликий перелік імен з-посеред тих, кому Я. Дашкевич приділяє

²² Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії». E-mail: melnyk_science@mail.ru.

свою наукову увагу: Данило Галицький, Лев Данилович, Ян Ласицький, Ованнес Карматанянц, Богдан Хмельницький, Гійом Левассер де Боплан, Павло Тетеря, Іван Мазепа, Василь Капніст, Садок Баронч, Михайло Драгоманов, Іван Франко, Михайло Грушевський, Іван Крип'якевич, Дмитро Донцов, В'ячеслав Липинський, Євген Коновалець, Мирон Кордуба, Йосип Сліпий, Даніель Бовуа, Омелян Пріцак. Зворушують, наприклад, особисті спогади вченого про свого учня – Максима Цимбала. Нарис «Максим» (с. 748-749) розповідає про студента, що мріяв студіювати вірменознавство, робив перші наукові кроки, підробляв «охоронцем фондів» у львівському архіві і загинув на своєму робочому місці, ставши жертвою «масового викрадення цінних документів з ЦДІА України у Львові» (с. 749).

Ігор Гирич у вступній статті пише: «Українська історіографія небагата на праці концептуального характеру» (с. 26). Саме такий характер має зібрання праць Ярослава Дашкевича під обкладинкою «Постатей». Він аналізує всі вузлові проблеми українського історичного процесу. Його книга може допомогти молодим вченим наче світло у непроглядній темряві. Неймовірна ерудиція автора викликає захоплення і ставить високу планку для подальших студій. Після прочитання цієї книги, стає цілком очевидним, що Ярослав Романович Дашкевич був Істориком – з великої букви.

Ми мусимо бути вдячними упорядникам цього видання за їхню титанічну подвижницьку працю. Крім ретельної підготовки тексту, віднайдення та опрацювання рукописів і машинописів у Меморіальній бібліотеці-архіві Я. Дашкевича було також створено обширний довідковий апарат.

Ігор Гирич пише про нове видання книги: «Збірка статей, розвідок та есеїв Я. Дашкевича у книжковому форматі, органічно доповнюючи одна одну, перетворюється на своєрідну монографію про великих людей, які змінили Україну й спричинилися до перетворення її з етнічної території на модерну державу й модерну націю. Це видання зацікавить не лише історика, але й кожного, хто не байдужий до минулого України, хто шукає не просто фактів, а їх інтерпретацій...» (с. 26). Зі свого ж боку ми можемо порадити читачам лише уважно простудіювати цю книгу, що надасть змогу значно поглибити свої історичні знання і стане найкращим вшануванням пам'яті метра української історичної науки.

А. М. Паньків (Винница, Украина)²³. АРМЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ МЕДИЦИНЫ В РАБОТАХ ЯРОСЛАВА ДАШКЕВИЧА (По поводу книги Я. Р. Дашкевича «Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури». / Львівське відділення ІУАД ім. М. С. Грушевського НАНУ. – 3-тє вид., доповн. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2016. – 924 с.). ISBN 978-966-441-402-6

История медицины изучает не только научное или научно-технологическое развитие врачевания, но и анализирует общественный фактор в становлении этого

²³ **Паньків Анастасія Михайлівна** – студентка Винницького національного медичного університета імені Н. І. Пирогова (III курс). E-mail: pankiv.anastasia@gmail.com.

искусства. Мы утверждаем, что любые социальные процессы всегда зависят от уровня здоровья и качественных условий жизнедеятельности населения определенной территории. Речь идет о здоровье и жизнедеятельности в их психосоматическом понимании. Наше утверждение, в значительной степени, соотносится со взглядами социальных антропологов, которые работают в области методологии географического детерминизма общественно-политических отношений.

Никакие отношения социального характера не смогли бы эволюционировать до существующего уровня без постоянного совершенствования медицины. И государство, и право выступают продуктами умственной работы. В актуальной научной литературе, врачи-практики все чаще обращаются к термину «качество жизни» и к методике его определения. Мы говорим о понятии «health related quality of life», которое обозначает всю совокупность физических, психоэмоциональных, экономических условий и характеристик жизнедеятельности человека. При этом, сама жизнедеятельность (исходя из социобиологического принципа) оценивается исключительно в системе отношений «общество-человек-культура». В известной степени, именно качество жизни создает культуру, определяет характер внутренней политики и влияет на правовое нормотворчество.

История медицины во многих аспектах является историей качества жизни человека. Соответственно, история медицины есть наука общественная. Она анализирует те внутренние и внешние факторы, которые определяют характер здоровья, соотношения болезни и здоровья, а также понимания здорового образа жизни в определенном обществе на определенном географическом пространстве.

История медицины исследует качество жизни индивида в обществе. Медицина, как любое явление общественное, активно влияет на ход исторических событий и политических преобразований. Эпоха средневековья продемонстрировала эту закономерность особенно наглядно. Развитие культурных и производительных сил Европы зависело от наличия или отсутствия эпидемий. Иногда эти эпидемии превращались в пандемии и были способны уничтожать население отдельных регионов почти целиком. В середине XIV века от Atra Mors в Европе погибло не менее трети континентального населения. Некоторые историки указывают на смерть от чумы 25% населения средневековой Европы. Также известно, что всего за 20 лет (1331-1351) пандемия чумы уничтожила около 55% населения Китая. Возможно ли в таких условиях развитие культурных и экономико-производительных сил? Возможно ли развитие политического устройства и юридических норм? Ответ, конечно же, отрицательный.

Итак, изучение политико-правового устройства общества, его экономической истории, на наш взгляд, невозможно без знаний об уровне и характере качества жизни определенного населения в определенный период времени. Это значит, что история медицины необходима как врачам, так и историкам. Не менее важна она и для философов. Ведь именно натурфилософия обеспечивала развитие медицинских знаний о человеке в эпоху Средних веков и Нового времени. Именно

натурфилософы составляли первые медицинские курсы в средневековых европейских университетах. Мы не должны об этом забывать.

Переиздание книги Я. Р. Дашкевича, на наш взгляд, стало событием не только для историков или философов истории, но и для исследователей истории медицины. Профессор Ярослав Дашкевич (1926-2010) посвятил огромное количество времени и трудов изучению армянской общины в Украине и армяно-украинских культурно-исторических связей. К примеру, именно Ярослав Дашкевич перевел с «оригинального старопечатного текста на латинском языке 1615 года» и опубликовал (в предложенной вашему вниманию книге) очерк Яна Ласицкого «О религии армян» (с. 74-76).

Ян Ласицкий (около 1534-1605) известен в качестве деятеля протестантского движения Речи Посполитой, учился в университетах Швейцарии и Германии, жил в белорусском Заславле. Дашкевич пишет: «Как указывает сам Ласицкий в своем очерке «О религии армян», в 1574 г., во время пребывания в Константинополе, он расспрашивал двух армянских священников, сопровождавших своего епископа, об армянской религии. Эти расспросы легли в основу очерка – хотя, конечно, во время своего странствования по Польше и Украине Ласицкий несомненно имел еще ранее возможность видеть армян в различных городах» (с. 71-72). Этот источник может быть использован как религиоведами, так и исследователями качества жизни (в социально-психологическом контексте) армянской общины Восточной Европы. Важна и его сравнительная составляющая – украинско-армянская.

Важнейшее значение, на наш взгляд, с описанных выше позиций, имеет статья Дашкевича об известном армянском путешественнике с Украины – «Симеон дпир Легаци – кто он?» (с. 77-87). Объектом источниковедческого анализа для Дашкевича выступают «Путевые заметки» Симеона дпир Легаци (около 1585-1640-х гг.), впервые изданные Нерсесом Акиняном (1883-1963). Первое путешествие Легаци на восток длилось с 1608 по 1618 годы. Как показывает анализ Дашкевича, для историка медицины важно не только мемуарное наследие Легаци, но и критический разбор его биографии. Интереснейшим является факт об эпидемии чумы во Львове 1623 года, которая привела к переселению большого количества городских армян в Замостье. Именно они предложили Легаци место учителя во львовской армянской школе (с. 81). Отпечаток на творчестве Легаци оставили локальные эпидемии чумы во Львове (1623 и 1625 годы). Дашкевич пишет: «Относительно спокойную жизнь Симеона во Львове нарушил возврат эпидемии чумы в 1625 году, который вынудил его бежать в недалекий городок Рогатин» (с. 84). Заметки и «колофоны» Легаци служат дополнением к материалам польских хроник по вопросу эпидемиологической ситуации в Галиции.

Статья «Первый армянский книгопечатник на Украине Ованнес Карматанянц» интересна для нас сведениями о «Магической книге» или же «Врачебном пособии», которое было издано этим самым Карматанянцем ориентировочно в 1617 году. К сожалению, текст этой книги не дошел до нас. Анализ Дашкевича приводит к мысли о том, что единственный экземпляр «Врачебного пособия»

Карматанянца может сохраняться в Лейденской университетской библиотеке.

Таким образом, мы сами используем и другим историкам медицины советуем принять во внимание работы Ярослава Дашкевича, опубликованные в замечательном издании под названием «Постаті». Подчеркнем, что интересующие нас статьи армяноведческого характера опубликованы на русском языке.

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)²⁴. УКРАЇНСЬКИЙ ПЕРЕКЛАД КНИГИ ПРО ПАПУ РИМСЬКОГО (Рецензія на український переклад книги Саверіо Гаети «Франциск Папа: Життя і виклики». / пер. з італ. К. Зінченка. – Львів: Свічадо, 2013. – 104 с.). ISBN 978-966-395-662-6.

Пропонована увазі читача книга була опублікована понад три роки тому. Однак, незважаючи на плин часу, актуальність виконаного дослідження про Хорхе Маріо Бергольйо зберігається.

Архієпископ Буенос-Айреса (Аргентина), кардинал Хорхе Маріо Бергольйо став став 266-им Pontificus Maximus Католицької Церкви у середу 13 березня 2013 року. Так почалась нова епоха в життя Католицької спільноти всього світу. Бенедикт XVI, що напередодні конклаву склав свої святіші повноваження, «став першим в історії «папою-емеритом»» (с. 8). Коли Папа Бенедикт XVI проводив свою останню загальну аудієнцію, він сказав: «Це лише частина шляху Церкви, у якому були моменти радості і світла, але не бракувало і складних моментів; я почувався, як святий Петро в човні з апостолами на Галилейському озері: Господь подарував нам стільки сонячних погідних днів, коли риби було достатньо; але були і моменти, коли на морі здіймалися хвилі, а вітер не був більше попутним, як це часто траплялося в історії Церкви, і здавалося, що Господь спить. Але я завжди знав, що на цьому човні присутній Господь, і я завжди знав, що човен Церкви не належить мені чи комусь з нас – це Його човен. І Господь не дає йому піти на дно; це Він провадить його, нехай і через людей, яких обрав, бо саме так Він вирішив. Це була впевненість, яку ніщо не може затьмарити» (с. 12). Ці слова папи-емерита, на наш погляд, цілком можна віднести і до життєвого шляху Франциска. З тією ж впевненістю, яка нічим не може бути затьмарена, колишній архієпископ Буенос-Айреса розпочав фундаментальні інституційні реформи всередині Католицької Церкви, що спрямовані на «соціалізацію» її обличчя.

Перші потужні результати діяльності Франциска ми почали відчувати не так давно. Однак, цьому передувала величезна робота «всередині» Ватикану. Папа працював над поворотом до бідних та знедолених. Саме найменш захищені верстви, на його думку, мають стати об'єктом посиленої підтримки з боку Церкви. Дух церковної соціалізації в останні роки дуже помітний під час проведення урочистих Різдвяних або Великодніх Богослужінь. Наприклад, Різдво 2016 року продемонструвало готовність найвищого церковного кліру до подальшої аскетизації свого життя і своїх поглядів. Навряд чи це стало можливим без впливу

²⁴ Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії». E-mail: melnyk_science@mail.ru.

Франциска.

Книга Саверіо Гаети складається з кількох розділів: «Вступ», «Біографія», «Погляди», «Виклики», обширних «Додатків».

Хорхе Маріо Бергольйо народився 17 грудня 1936 року. Навчався у католицькій семінарії, з 1958 року став членом Ордену Єзуїтів. Закінчив Коледж Святого Йосипа в Буенос-Айресі, отримав ступінь по філософії. 13 грудня 1969 року Бергольйо став священником. З 1980 року майбутній Папа був ректором Коледжу Святого Йосипа (докторську дисертацію він захистив в Німеччині), а з 1992 року Хорхе Маріо Бергольйо став єпископом Буенос-Айреса. Іоанн Павло II надав Бергольйо титул кардинала 21 лютого 2001 року. Папою Римським єпископ Буенос-Айреса обрали на конклаві 2013 року, де він обрав собі ім'я на честь святого Франциска з Асичу.

Пропонована вашій увазі книга доступно розбирає біографію Франциска, звертаючи увагу на вузлові моменти становлення його світогляду. Розділи «Погляди» та «Виклики» розглядають складні питання «соціальної» переорієнтації Церкви в умовах наростання ворожої глобалізації. Дуже цікавим видається розділ «Додатки», в якому вміщено коротку історію папства як інституту та повний перелік Пап.

Нагадуючи про актуальність вивчення життєвого і богословського шляху Папи Римського, слід навести слова Саверіо Гаети: «голос Понтифіка, що лунає з Рима аж до найвіддаленіших куточків світу, є міцним bastіоном цінностей і серйозним закликком навіть для тих, хто не поділяє поглядів вірян» (с. 7).

В. М. МЕЛЬНИК (Киев, Украина)²⁵. О ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СКИФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (Рецензия на книгу В. Ю. Мурзина «Скифская проблема глазами автора». – Киев: ФОП «Видавец Олег Філюк», 2014. – 120 с.). ISBN 978-617-7122-20-2.

Проблема соотношения средневековой эпохи и скифской идеологии имеет для нас живой интерес в контексте осмысления истории и географии политико-правового устройства на территории современной Украины. Эта проблема, как нам кажется, также важна для эволюции политического самосознания всех восточноевропейских элит – российской, белорусской, литовской, польской. Мы ведем речь о влиянии «скифства» и «сарматства» на формирование региональных элит в пределах бывшей Речи Посполитой. Ведь не секрет, что именно в средневековое и ренессансное время западноевропейские хроники называли огромные территории Восточной Европы «Сарматией», в то время, как греческие источники, следуя византийской традиции, именовали нас «скифами». Многие представители шляхты Польско-Литовского государства называли себя «сарматами» или «скифами». В литературе XVI-XVIII веков, на что справедливо указывает Р. Радышевский, даже определился специальный термин, обозначающий

²⁵ Мельник Виктор Мирославович – главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории». E-mail: melnyk_science@mail.ru.

идеологию шляхетского самовосприятия – «сарматизм» (по-польски: «sarmatyzm»). Отсюда и попытки воссоздать синтетические термины («скифо-сарматство», «скифо-сарматизм»). Очевидно, что для восточноевропейской политической медиевистики, на что справедливо указывал польский историк А. С. Каминский, весьма значимым остается проблема самоидентификации государствообразующих элит. Скифство выступало одной из форм такой самоидентификации. Именно поэтому мы считаем своим долгом обратить внимание на корни ренессансного «скифо-сарматизма» Речи Посполитой, которые безусловно произрастают из реальной исторической канвы.

Вячеслав Юрьевич Мурзин – известнейший украинский ученый, археолог, доктор исторических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Украины, член Национального союза журналистов Украины. Исследовал Чертомлыкский курган и Бельское городище, руководил совместной украинско-немецкой археологической экспедицией. Он уже успел посвятить «Скифскому Миру» более 200 научных публикаций. Книга «Скифская проблема глазами автора», по словам ее издателя, является пока что одной из наиболее синтетических работ Мурзина. Она содержит исходные позиции для дальнейшего развития современного скифоведения.

Как отмечает автор в Предисловии, его «наиболее близкой проблемой» является «проблема происхождения скифов». Именно вокруг этногенеза «украинских» скифов В. Ю. Мурзин сконцентрировал свое основное внимание в главах 1 и 2: «К проблеме происхождения киммерийцев и скифов», «Скифские легенды и этногенез скифов». Интереснейшей для читателя, на наш взгляд, будет также 4-я глава – «Этногеография Скифии». Книга снабжена обширным библиографическим списком, содержит необходимый справочный аппарат.

Наиболее важная для предложенного нами выше дискурса – 3-я глава. Она называется «Роль скифской военно-политической организации триадного типа в формировании скифского этноса» и состоит из подразделов: «Об общественном строе скифов», «Триадная организация и сложение скифского этноса». Как видим, уже из самого названия исходит утверждение профессора Мурзина о наличии политического фактора в процессе этногенеза. Этот простейший вывод содержит для нас максимум методологического материала.

В. Ю. Мурзин характеризует Скифию как «Скифскую кочевую империю» (с. 52). Он цитирует классические для скифоведения труды М. И. Ростовцева. Вслед за Ростовцевым, Мурзин проводит параллели между политико-административной структурой Скифии, Хазарского каганата и Золотой Орды. Следует подчеркнуть, что М. И. Ростовцев считал все три указанные образования «военно-феодальными государствами» (с. 40).

Сам профессор Мурзин пишет по этому поводу: «Действительно, сама система организации скифской орды (деление Скифии, во главе которой стоял верховный царь, на три царства, которые, в свою очередь, делились на номы) внешне весьма напоминает феодальную. Если она и отличалась от феодального общества в его

классическом виде (что, в принципе, само по себе весьма размытое определение), заслуга М. И. Ростовцева несомненно состоит в том, что он первым подчеркнул своеобразие устройства скифского общества по сравнению с другими, более известными в то время государственными образованиями древности – прежде всего, греческими полисами и Римом. Надо заметить, что в настоящее время, с появлением в исторической науке и социологии такого понятия как «прафеодальное общество» или «раннефеодальное общество», выводы М. И. Ростовцева выглядят достаточно актуально» (с. 40).

В. Ю. Мурзин цитирует французского медиевиста А. Блока и больше склоняется к признанию Скифии «прафеодальным обществом». Он анализирует концепцию Л. С. Васильева о «вождестве как протогосударственном образовании» (с. 43) с его «главной функцией административно-экономической» (с. 44). Пишет о том, что «единственным достоверным источником, подтверждающим наличие у скифов института рабства, является рассказ Геродота (IV, 2) о неких слепых рабах (упоминание о их слепоте является, скорее всего, неправильной трактовкой информации, изложенной его скифскими собеседниками), которые использовались при доении кобылиц. Иными словами, речь здесь идет о сугубо патриархальном рабстве» (с. 44).

При всем этом, Мурзин скептически указывает на попытки отдельных историков причислить скифскую государственность к восточным (азиатским) деспотиям. Он пишет: «Однако власть скифского царя, при всей своей внешней неограниченности, все же коренным образом отличалась от восточной деспотии, поскольку, как мы уже писали выше, устойчивость власти скифского владыки напрямую зависела от его умения и способности действовать в интересах всего кочевого сообщества» (с. 49).

Определяя экспансионизм в качестве идеологии Скифии, В. Ю. Мурзин ссылается на «историю скифско-ассирийских отношений» (с. 50-51), как на исходную точку «трансформации скифского протогосударства-вождества в раннегосударственную структуру» (с. 51). Важна также привязка Мурзиным «сложения Скифской кочевой империи» именно к «территории Северного Причерноморья, где ситуация складывалась несколько иначе, чем в Передней Азии» (с. 52).

Таким образом, для нас важно указание В. Ю. Мурзина на «имперский» характер Скифии. Не менее важно и признание Мурзиным несуществования именно государственности у причерноморских скифов. Все эти положения, а также принципы «военно-административного» устройства «украинских» скифов, проанализированные профессором Мурзиным, составляют важный методологический базис для изучения этногенетического функционирования «скифо-сарматской» политической самоидентификации.

В. М. МЕЛЬНИК (Київ, Україна)²⁶. **КАТОЛИЦИЗМ І КИЇВСЬКА РУСЬ (Рецензія-реактуалізація монографії Ю. Ю. Свідерського «Боротьба південно-західної Русі проти католицької експансії в X-XIII ст.».** — Київ: Наукова думка, 1983. — 128 с.)

Проблематика взаємовідносин Апостольського Престолу і Київської Русі є напевно однією з найцікавіших сторінок в історії руської дипломатії. Монографія Ю. Ю. Свідерського, як зазначено, орієнтована не тільки на науковців, але і на пропагандистів. Це зумовлює весь подальший характер викладення матеріалу. Книга дуже тенденційна, насичена різноманітними штампами і марксистськими догмами, що значно применшує її наукове значення. Однак, ми не дарма вирішили відгукнутись саме на працю Ю. Свідерського. По-перше, вона є цікавою пам'яткою радянського історичного стилю. По-друге, дослідження Свідерського є важливою спробою систематизації наявного фактичного матеріалу з історії відносин Папи Римського та правителів Київської Русі.

Відкинувши ідеологічні вставки, можемо зробити ряд важливих висновків на задану тематику. Так, автор борючись з «папством», водночас вважає, що католицизм з'явився на Русі в той же самий час, що і константинопольський обряд. Очевидно, що появу католицизму з відповідними духовними інституціями варто віднести до IX століття. Достовірно відомо, що уже в X столітті в Києві діяв католицький єпископ. Цілком імовірно, що навіть княгиня Ольга спочатку прийняла католицьке хрещення. Саме вона вперше офіційно запросила на Русь папських представників. Протягом XI-XIII століть католицька віра була досить розповсюджена не тільки в купецьких кварталах руських міст, але і серед князівсько-боярської верхівки. Найбільшого апогею вплив Католицької церкви на Русі досяг за часів правління Данила Галицького. Останній навіть отримав від Папи Римського королівську корону в 1254 році.

Заслуговує на увагу аналіз Свідерським участі папської дипломатії у перипетіях навколо київського великокняжого престолу. Автор використовує вже напрацьовану українськими істориками джерельну базу. Саме тому, наведені ним факти мають скоріше реферативне значення. Однак, підкреслимо, що і створення якісного фактологічного реферату вимагає певних здібностей. У запропонованому випадку, реферат римсько-київських середньовічних відносин мусив стати викривальним свідченням проти східної політики римських Пап. Однак, він також виступив цінним зібранням свідчень по історії дипломатичного та юридичного впливу Святого Престолу на формування нашої першої держави – Київської Русі.

Отож, незважаючи на антиклерикальний дух книги, Ю. Ю. Свідерський парадоксальним чином доводить – католицизм протягом всієї київсько-руської історії залишався впливовим гравцем не тільки в контексті зовнішньополітичного вектору, але і на внутрішньополітичній арені.

²⁶ Мельник Віктор Мирославович – головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії». E-mail: melnyk_science@mail.ru.

Ф. М. КИРИЛЮК (Київ, Україна)²⁷. Рецензія на книгу Олени Петрушенко та Віктора Мельника «Українці та українська мова в Словаччині».

Невелика книжечка під назвою «Українці та українська мова в Словаччині» була написана дослідниками Оленою Петрушенко і Віктором Мельником у досить непростий час. Цей час складний і для всієї України, і для віддалених окраїн розселення української етнічної спільності. Зазначене мною особливо стосується найзахіднішої частини етнографічної території українців – Пряшівщини, що знаходиться на теренах Словацької Республіки. Не лише МЗС і зовнішньополітичні відомства у зв'язку із важкою ситуацією на Сході звертають на цю невелику область мало уваги, але і рядові українці знають мало про український характер східних регіонів цієї слов'янської держави.

Втім, підкреслю, що так повелось уже давно – протягом 25 років незалежності українські політики майже не приділяли свого «дорогоцінного» часу автохтонним українцям Словаччини. І це створило своєрідний вакуум в середовищі мас-медіа. Цей вакуум доповнений також відсутністю голосу науковців в сучасному «інформаційному середовищі України».

Олена Петрушенко та Віктор Мельник вдало підмітили незаповнену нішу і звернули свою наукову, а надто науково-популяризаторську енергію в правильне русло. Вони розпочали студії над історією українського етнічного компоненту серед населення Пряшівського і Кошицького регіонів Словацької Республіки. Результатом стало видання гарно оформленої та чудово ілюстрованої (в тому числі власними фотографіями авторів) книжечки, що «у формі наукової публіцистики» (ст. 2) покликане виконати чотири завдання (далі наведу цитати з анотації книги): 1) «вперше в сучасній українській науковій літературі зробити спробу повністю описати етнографічні кордони українців Словаччини»; 2) «запропонувати використовувати українську мову (знаменита українізація та актуалізація політизації «мовного питання» – Ф. К.) як ключ до розробки нової державної зовнішньополітичної стратегії»; 3) «довести автохтонний характер українського населення на теренах Пряшівського та Кошицького країв»; 4) «охарактеризувати визначальний характер греко-католицького віросповідання для з'ясування етнічної приналежності жителів Східної Словаччини».

Автори багато акцентують на штучному заниженні словацькою владою чисельності українського населення в Східній Словаччині. На їхній погляд, це явище було спровоковано також масовим переходом українців-русинів Словаччини із греко-католицизму в римо-католицизм. О. Петрушенко і В. Мельник підкреслюють, що однією з найбільш актуальних, а на мій погляд і найбільш

²⁷**Кирилюк Федір Михайлович** – доктор філософських наук, професор, академік Української академії політичних наук, Заслужений діяч науки і техніки України, професор кафедри політології Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Відомий своїми дослідженнями у сфері історії політичних вчень. Є співзасновником та генеральним директором Міжнародного центру громадянської політології при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка. E-mail: veteranknu@ukr.net.

практичною залишається проблема вивчення істинної кількості (чисельно та відсотково) громадян Словацької Республіки, що ідентифікують себе як українці.

Підкреслю, що автори найбільше користувались аргументами політологічними і аналізували обрану проблематику в руслі концепції історичної політики. Це наклало певний відбиток на теоретичну методологію, але аж ніяк не завадило логічності та послідовності викладення матеріалу. Підкреслю, що книга найперше слугує чудовим довідником і зібранням усього необхідного статистичного і фактичного матеріалу для людини, що вперше знайомиться із питанням українськості східнославацьких теренів. Отож, найголовніші значення рецензованого видання – 1) актуалізація проблематики пражських та кошицьких українців в умовах повного її забуття в не закарпатському українському науково-освітньому та інформаційному середовищі; 2) зібрання та дійсно творча (з політичними акцентами, що на мій погляд важливо!) обробка великого масиву інформації, стисле і гармонійне викладення якого може стати в нагоді для проведення освітньої роботи у школах, вищих навчальних закладах, громадських організаціях та ініціативах.

Самі автори визнають, що їхнє дослідження виконує лише роль своєрідного вступу до «словацької україністики». Політологічний характер цього вступу (виражений у політизації проблеми української мови та греко-католицького віросповідання, активній і жорсткій боротьбі із «політичним» русинством) дуже важливий і потрібний для переходу вітчизняної політичної науки в практичну і, головне, країнознавчу площину. Однак, мені хотілося б побажати авторам продовжувати розробку обраної ними тематики і в жодному разі не зупинятись на виданні маленького науково-довідкового видання. Перед ними має стояти амбітне завдання написати велику узагальнюючу працю по історії словацьких українців та перспективах їхнього культурно-політичного єднання з братами на Великій Україні.

**НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
«АННАЛИ ЮРИДИЧНОЇ ІСТОРІЇ»**

**ANNALI URIDICNOI ISTORII
ISSN 2520-2553**

Рекомендовано до опублікування Міжнародним центром громадянської політології
при Київському національному університеті імені Тараса Шевченка, протокол №2
від 23.02.2017

Підписано до друку 21.03.17

Видавець ТОВ «Нілан-ЛТД»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
Державного реєстру видавців, виготовлювачів і розповсюджувачів
видавничої продукції серія ДК № 4299 від 11.04.2012 р.

21027, а/с 8825, м. Вінниця, вул. 600-річчя, 21

Тел.: (0432) 69-67-69, 603-000

E-mail: info@tvoru.com.ua, <http://www.tvoru.com.ua>